

HAL
open science

Распад ”системы” и формирование будущего
Gagik Harutyunyan

► **To cite this version:**

Gagik Harutyunyan. Распад ”системы” и формирование будущего. 2012, 978-9939-825-10-6. <hal-03386393>

HAL Id: hal-03386393

<https://hal.science/hal-03386393>

Submitted on 19 Oct 2021

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Гагик Арутюнян

**РАСПАД «СИСТЕМЫ» И
ФОРМИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО**

*(на основе лекций, прочитанных
в летних школах фонда “Нораванк”)*

Ереван
2011

УДК 32.001
ББК 66
А 868

Научный редактор
Сергей Гриняев
доктор технических наук

А 868 Распад «системы» и формирование будущего – Ер.: Фонд
«Нораванк», 2011. - 262 стр.

В книге проанализированы причины и последствия распада СССР, а также те предпосылки, которые позволили Армении адекватно реагировать на вызовы современного мира в условиях мультивекторной глобализации и формирования полиидеологических сообществ. В контексте национальной безопасности обсуждается роль интеллектуальных ресурсов и стратегия развития панармянского общества. Анализируются некоторые аспекты информационной безопасности Армении в свете «информационного общества» и развития социальных сетей в Интернете. Представлены методы научного прогнозирования и возможные сценарии для Армении и армянского сообщества с учетом военно-политических развитий в мире и регионе.

УДК 32.001
ББК 66

ISBN 978-9939-825-10-6

© Гагик Арутюнян, 2011
© Фонд «Нораванк», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	7
ВВЕДЕНИЕ	12

Часть 1.

РАСПАД «СИСТЕМЫ» И ПОЛИИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИР

РАСПАД «СИСТЕМЫ»	20
Армянские реалии	21
Внешний фактор	26
Внутренний фактор	29
Общество вне системы или «альтернативная система»	32
Последствия и возможные перспективы	38

НОВАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ	48
Этапы пути	49
Предпосылки победы	51
Трансформации суверенитета	56
Индекс «суверенности» в рейтинг-листе <i>Failed States Index</i>	70

МУЛЬТИВЕКТОРНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И

ТРИАДА ИДЕОЛОГИЙ	78
Имперская «локальная глобализация»	80
Моновекторная глобализация и «хаос»	83
Мультивекторная глобализация	87
Полиидеологические сообщества	90
Англо-американские политтехнологии	94
Европа без национальной идеологии	95
Китайская триада	96
Идеологический вопрос в России	97
Ислам и либерализм	97
Актуальность идеологической «триады» для Армении	98
Идеология и национальная безопасность	100

«ПРОИЗВОДИТЕЛИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ»	106
Классические «мозговые центры»	106

О некоторых новых тенденциях в деятельности МЦ	111
Глобальный рейтинг МЦ	115
Советские и постсоветские реалии	119
МЦ в Армении	122
О координации работ исследовательских и аналитических ресурсов Армении	126

Часть 2.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ФАКТОР

ДИАСПОРА И ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ	133
Традиции и вызовы постмодерна	133
Вопрос международного признания Геноцида	135
Современные интерпретации «национальной безопасности» и стратегия развития	139
ЦИВИЛИЗАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	144
Инфогенные вызовы	145
Информационные операции и войны	147
Цивилизация в контексте политики	152
Армения – уникальная цивилизация	157
НАЦИОНАЛЬНАЯ СЕТЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И СЦЕНАРИИ	165
Ресурсы и задачи армянского сообщества	165
Информационные войны и Армянство	169
Задачи организации национальной информационной системы	173
О сетевцентричной системе	174
«Виртуальная Армения»	178
«Могучая Армения»	179
«Развитая Армения»	181
РЕАЛЬНЫЙ <i>HOMO VIRTUALICUS</i> И «ПОСТДЕМОКРАТИЯ»	184
Социальные сети и информационное общество	185
Демократии: реальная и виртуальная	191
<i>Homo Virtualicus</i>	194
<i>WikiLeaks</i> и «государства в государствах»	196
Социальные сети и сетевцентричные войны	201

Соцсети в Армении и «критические инфраструктуры»	203
Возможные сценарии	207

Часть 3.

ФОРМИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО	212
Методы прогнозирования	214
Философия и прогнозы Пентагона	222
Экономические прогнозы	226
Сценарии девальвации доллара	229
СЦЕНАРИИ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	236
«Мы наш, мы новый мир построим»	236
Глобальное управление 2025	238
После «Фрагментации» «конфликт превзойдет сотрудничество»	241
Геополитические сдвиги и Армения	244
«Панъевропейская симфония»	248
ФОРМИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО	254
Сферы прогнозирования	255
Структура и принципы работы СИАС	258

ОТ РЕДАКТОРА

Год, в который настоящая книга увидела свет, во многом является знаковым для современной цивилизации. Именно в этот год стало окончательно и бесповоротно ясно, что существовавшая десятилетия модель мировой экономики окончательно девальвирована – выход из сотрясающего мир глобального кризиса, который властвует над планетой вот уже три года, оказался невозможным в рамках действующих правил управления системой.

Ситуация в экономике повлекла и рост политической нестабильности – весна 2011г. останется в истории как «Арабская весна». Череда революций пронеслась по десятку стран Северной Африки и Ближнего Востока. Но, как оказалось в дальнейшем, и это было лишь началом еще более глубоких трансформаций.

Как показали дальнейшие развития в мировой обстановке, экономический кризис стал лишь одним из следствий проявления глубочайшего системного кризиса всей современной западной цивилизации: пропагандировавшаяся десятилетия модель глобализации оказалась несостоятельной.

Лето 2011г. поставило на грань выживания один из геополитических центров современного мира – Европейский Союз. Одна за другой страны Европы теряли кредитные рейтинги и выстраивались в очередь за дефолтом. Страшная катастрофа отбросила в развитии другой мировой центр силы – Японию.

Осень этого же года ознаменовалась новым явлением – глобальными протестами против монополизма финансовых структур. Сотни городов в десятках стран мира охватили массовые волнения, которые проходили под схожими лозунгами, основной темой которых был протест против существующего порядка вещей в мировой экономике.

Сегодня не надо быть особо проницательным, чтобы сделать прогноз на ближайшее будущее: ситуация в экономике будет продолжать ухудшаться, что повлечет за собой рост политической и военно-стратегической напряженности. Такой прогноз является следствием объективной оценки происходящего: если три года назад, когда проявления кризиса стали осязаемы, еще можно было уповать на разного рода «антикризисные планы» стоимостью в триллионы долларов, то спустя три года понятно, что это путь тупиковый, а вот действенных механизмов переустройства так и не выработано.

Вполне естественен вопрос: так что же делать? Неужели все страны мира, не по своей воле попавшие в крепкую паутину финансовых спекуляций, должны безропотно склонить голову и пойти на заклятие ради спасения «мирового гегемона»? Полагаю, что большинство с таким раскладом не согласится. Но и тут выбор невелик – лидеров стран, которые попытаются быть хоть немного самостоятельнее, ждет судьба С.Милошевича и других.

Уверен: такая судьба не устроит многих. Поэтому вечный вопрос «что делать?» сегодня имеет смысл перефразировать следующим образом: как с меньшими потерями выйти из системы?

Для успешности решения этой задачи необходимо знать и ясно представлять все то, что происходит сегодня, каковы движущие силы и мотивы их действий.

Армения, как и многие другие страны, сегодня оказалась перед выбором своего дальнейшего пути. И от того, каким будет этот путь, зависит будущее одной из древнейших цивилизаций.

Армения и Армянство из глубины веков пронесли наследие своих предков, сохранив их в тяжкие годы испытаний. Но сегодняшняя ситуация во многом сложнее конфликтов прошлого, когда было абсолютно понятно, кто твой враг, а кто – друг. В новых условиях утрачивается грань, позволяющая сохранить собственную идентичность, что может нести в себе катастрофические последствия, которые наступят исподволь, незаметно...

Для того чтобы это понимать, необходимо быть готовым к восприятию столь тонких материй. Практика показывает, что сегодня недостаточно литературы, посвященной методическим основам понимания происходящих процессов. Тем более мало источников, разработанных авторами, которые изнутри понимают проблемы собственного народа.

Сегодня не только в Армении, но и в России принято изучать геополитику и современные международные отношения преимущественно по переводам работ западных ученых. Но такое обучение не позволяет использовать уникальные возможности, которые предоставляет самобытный опыт и культурное наследие того или иного народа. В частности, для русского народа такой уникальной особенностью является религиозная терпимость и способность интегрировать практически любой иной этнос. В русскую теорию геополитики тяжело встраиваются, например, такие

концепции, как «теория цивилизационных разломов» Хантингтона. Нам ближе кооперация и сотрудничество.

Армения с ее тысячелетней историей также владеет уникальными особенностями, которые, без сомнения, должны быть реализованы в ходе выстраивания армянской геополитики. Нет сомнений, что для Армении важнейшим ресурсом является Диаспора. И никакая иная школа не станет школой армянской геополитики, если она не опирается на сотрудничество с Диаспорой.

Сегодняшний мир дал в наши руки новые средства коммуникации и связи. Сегодня, как никогда ранее, рассеянная по миру Диаспора может быть объединена современными информационными технологиями, и этот мощный потенциал может быть задействован в интересах Республики Армения.

Мне довелось одному из первых ознакомиться с рукописью книги, и оставшееся впечатление от ее прочтения позволяет мне с уверенностью сказать, что армянское научное и культурное наследие не кануло в века, оно осталось жить в таких работах, как эта. И если в Армении есть люди, которые в сложных условиях современности работают над тем, как избежать проблем в будущем, это говорит о действительном возрождении Армении и Армянства.

Со многими положениями, высказанными автором, можно и нужно спорить. Может быть, в чем-то изложенная концепция выглядит не такой стройной. Важно другое – этой книгой закладываются основы выстраивания принципиально новой парадигмы информационно-аналитической работы с опорой на децентрализованный экспертный потенциал.

Несмотря на то, что часть работы посвящена анализу опыта работы разного рода аналитических *центров*, важнейшим выводом является то, что аналитический центр (или *think-tank*) как основа подготовки вариантов решений для высшего руководства страны сегодня утрачивает свое былое значение. Сегодня следует говорить об экспертной сети, решающей такие задачи гораздо эффективнее. А вот проблема управления (или «модерирования») такой сетью сегодня действительно во многом нова. И нова она не только для армянской или российской науки. Эта тема новая и для гораздо более «продвинутого» западного научного сообщества. Но именно вековой опыт Армянства по работе с Диаспорой позволяет армянским ученым получить некую фору в разработке этого научного направления. И я уверен, что воспользоваться этой форой получилось.

Полагаю, что эта книга ляжет в основу новой научной школы, а молодые ученые продолжат и разовьют многие из идей, которые лишь затронуты в монографии.

В заключение хочу высказать слова благодарности автору монографии Гагику Ашотовичу Арутюняну за интересный труд, который мне довелось редактировать, а также пожелать успехов всему коллективу Фонда «Нораванк».

Сергей Гриняев
доктор технических наук,
директор Центра стратегических оценок и прогнозов,
Москва, Россия

ВВЕДЕНИЕ

Непобедимость заключается в самом себе,
возможность победы заключена в противнике.

Сунь-Цзы, VI век до н.э.

Эффективное управление Арменией в нынешней непростой политической обстановке, которая формируется сегодня под воздействием целого ряда глобальных и региональных факторов, среди которых конфронтация с Азербайджаном, проблема признания НКР, блокада коммуникаций со стороны Турции, а также целый ряд других внешних и внутренних факторов, – задача далеко не тривиальная. При малочисленности населения, ограниченности территории и проблемах в экономической сфере важный в терминах национальной безопасности (НБ) и классической геополитики критерий «допустимая погрешность» следует оценивать для РА и НКР не очень высоким. Другими словами, цена ошибки при принятии решений слишком велика.

Вместе с тем, как известно, определение «допустимая погрешность» для государства состоит из двух частей: с одной стороны, это типы и количество рисков и вызовов, а с другой – ресурсы для противостояния угрозам. В этом плане диаспоральное Армянство с его человеческими, материальными, политическими и иного рода возможностями является дополнительным и весомым общенациональным и государственным ресурсом. Однако Диаспора,

будучи, безусловно, важной частью армянской цивилизационной общности, также имеет свои проблемы: она разноязычна и распределена по нескольким цивилизационным зонам, имеет сегменты с разными культурными наслоениями. Кроме того, наряду с общей доминацией Армянской Апостольской церкви, в разных странах (в том числе – в Армении) имеются иноконфессиональные армянские общины и, более того, армяне, исповедующие ислам и иные религии. В зависимости же от страны проживания и доминанты тех или иных конфессиональных догм или религий в армянских общинах преобладают разные, подчас антагонистические, идеологические и политические пристрастия и ориентации. Несмотря на в целом неплохое материальное положение армянских общин, они все же отличаются и по своему экономическому потенциалу. Иначе говоря, Диаспора никак не является гомогенной и организованной структурой и в свою очередь – для эффективного функционирования в контексте панармянских национальных интересов, а при некоторых чрезвычайных обстоятельствах и просто для физического выживания – нуждается в содействии в организационной, духовно-интеллектуальной, а иногда и материальной сферах. Подобное содействие армянские общины, как правило, рассчитывают получать исключительно из Армении. Психологически это вполне объяснимо, между тем как ресурсы РА не всегда это позволяют.

Таким образом, механическое сложение ресурсов Армении и Армянства не всегда оправдано или даже возможно. Для получения весомых результатов в деле решения национальных проблем необходимо обеспечить действенные, взаимодополняющие

механизмы совместной работы как между Арменией и Диаспорой, так и между различными сегментами Армянского сообщества, т.е. требуется налаживание положительной обратной связи во всем национальном пространстве. Налаживание подобных механизмов возможно лишь при осуществлении стратегического планирования государственного строительства, что, в частности, подразумевает разработку и реализацию ряда долгосрочных общенациональных проектов в самых разных сферах. В свою очередь, подобная работа возможна лишь при выполнении определенных условий или даже предусловий, из которых отметим те, которые, на наш взгляд, имеют первостепенное значение и относятся к научно-гуманитарной, аналитической сфере.

Известно, что важнейшей проблемой для развития любого национального сообщества было и остается взаимоусиливающее взаимодействие различных сегментов национальной элиты. В частности, необходимо стремиться к тому, чтобы политическая элита (как в Армении, так и в Диаспоре) имела возможность получать от армянского экспертного сообщества (включая и представителей аналитических подразделений специальных и других правительственных служб) актуальную, полную и достоверную информацию в первую очередь по следующим вопросам:

1. О закономерностях и специфичности истории Армении и Армянства («знание прошлого, которое актуально сегодня»).
2. Относительно общей логики, динамики и тенденций глобальных цивилизационных, идеологических, геополитических, макроэкономических, социальных и т.п. процессов («знание глобального мироустройства»).

3. О содержании и направленности военно-политических и социально-экономических процессов в региональных странах с точки зрения безопасности РА, НКР и Джавахка («знание ситуации в Армении и регионе»).
4. О состоянии армянского национального сообщества в целом, с учетом как цивилизационной общности, так и упомянутых выше проблем, связанных с наличием разных по содержанию сегментов Армянства («знание ситуации в Армянском сообществе»).

И, наконец, экспертное сообщество должно быть в состоянии представить национально-политической элите аргументированные прогнозы и возможные сценарии в военно-политической, социально-экономической и других сферах в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе как для Армении, так и для Армянского сообщества в целом («знание будущего» – важнейший элемент национально-стратегического планирования).

Как видим, задачи, стоящие перед национальным исследовательским сообществом, более чем сложны и к тому же не совсем стандартны в том плане, что подобная постановка по всем своим признакам соответствует скорее более крупным национально-государственным образованиям или же глобальным геополитическим акторам. Однако иной альтернативы для армянской политической и творческой элиты нет. В некотором смысле Армения и Диаспора сегодня находятся на бифуркационной точке, из которой можно или регрессировать и потерять свою цивилизацию, или же перейти к режиму экспоненциального роста и

развития. Не вызывает сомнения и то, что для реализации последнего сценария потребуются предельная мобилизация всех ресурсов, что, с учетом нынешних реалий нашего общества, также является достаточно проблемной задачей.

Однако вернемся к взаимоотношениям интеллектуального сообщества с политической элитой. Эффективное функционирование интеллектуальных ресурсов возможно лишь тогда, когда национально-политическая элита:

- ставит четко сформулированные национальные цели и задачи;
- формирует высокопрофессиональную, оптимально организованную, функционирующую в режиме взаимодополнений и противовесов «критическую массу» интеллектуальных ресурсов;
- обеспечивает функционирование механизма обратной положительной связи между экспертным сообществом и национальной политической элитой.

Очевидно, что эти необходимые условия также очень непросты. Они в свою очередь нуждаются в разработке концептуальных подходов, уточнениях и детализации, что подразумевает комплексные исследования и решения по многим направлениям, а также расходование определенных организационных и материальных ресурсов. Поэтому представленные здесь предусловия на данном этапе следует воспринимать лишь как некий методологический контур, которого по возможности следует придерживаться.

В настоящей работе в контексте поставленных выше задач обсуждены некоторые проблемы безопасности Армении и Армянского сообщества в современном мире. Очевидно, что охватить весь круг представленных выше вопросов достаточно сложно и, более того, нецелесообразно, т.к. в этом случае легко можно выйти за пределы необходимой компетенции (подобного рода примеров в отечественном информационном пространстве более чем достаточно). Поэтому мы рассмотрим лишь часть тех вопросов, которые в той или иной мере коррелируют с информационно-аналитическими проблемами и непосредственно связанными с ними интеллектуальными ресурсами.

В первой части книги коротко анализируются некоторые причины и последствия распада СССР, представлены предпосылки, позволившие победить в Арцахской войне. Показано, что, несмотря на ряд серьезных проблем, Третья республика в целом адекватно реагирует на вызовы современного мира, в котором происходят сложные процессы мультивекторной глобализации и формирование полиидеологических сообществ. Основываясь на известном концепте, согласно которому основой конкурентоспособности страны являются интеллектуальные ресурсы, обсуждены методы функционирования «мозговых центров» – «производителей национальных интересов».

Во второй части в контексте положений информационной безопасности обсуждаются проблемы цивилизационной общности и дискретности Армянского сообщества. Проанализированы также возможности сетевой организации и в тезисном виде предложены некоторые направления стратегии развития панармянского обще-

ства. Последняя глава этой части посвящена актуальным для нас вопросам интерпретации понятия «информационное общество» и формированию *Homo Virtualicus* в условиях стремительного развития социальных сетей в Интернете и «постдемократии».

В последней части книги кратко представлены современные методы научного прогнозирования, а также обсуждаются некоторые возможные сценарии для Армении и армянского сообщества в контексте военно-политических развитий в мире и регионе.

Автор признателен всем своим коллегам из фонда «Нораванк», которые прямо или косвенно содействовали изданию настоящей книги. Особо хочу отметить ту работу, которую проделал Сергей Гриняев как в процессе редактирования, так и при *on-line* сотрудничестве в течение вот уже более десяти лет, по ходу которых мы пытались осмыслить самые различные явления и проблемы современности.

ЧАСТЬ 1.
РАСПАД «СИСТЕМЫ» И
ПОЛИИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИР

РАСПАД «СИСТЕМЫ»

После коммунистов я больше всего ненавижу антикоммунистов...

С. Довлатов, «Соло на IBM».

Прошло уже более 20 лет с того дня (9 ноября 1989г.), когда патрули ГДР, охраняющие символ биполярного мира и Холодной войны – «Берлинскую стену», покинули свои посты и Германия де-факто объединилась. Осколки рухнувшей «стены» превратились в бойко продаваемые сувениры и тем самым как бы остались символами, но уже новой эпохи. А всего через два года держава под названием СССР и «социалистический лагерь» в целом уже перестали существовать.

Произошедшее зачастую квалифицируют как «окончание Холодной войны», «победу демократии», однако можно встретить также определения типа «геополитическая трагедия» или «цивилизационный коллапс». Как бы то ни было, «разрушение стены» возвестило начало иного, существенно отличающегося от предыдущего периода, порой именуемого «гипермодерн». Не случайно, что международная общественность отметила двадцатилетие этого события с большой помпой: были организованы официальные торжества, а в СМИ и политологических кругах прошли широкие дискуссии. Между тем в отечественном информационном пространстве откликов на эту тему было не так уж и много.

Армянские реалии

20 лет назад наша «берлинская стена» пролегла по Лачинскому коридору, и объединение и относительное восстановление территориальной целостности в результате войны состоялось лишь в 1994г., когда в Бишкеке было заключено соглашение о прекращении огня. В армянском обществе тогда доминировали идеи, имеющие в основном национальные и исторические корни, к обсуждению которых мы еще вернемся. Это придавало определенное своеобразие происходящим общественно-политическим развитиям, которые, тем не менее, подчинялись логике глобального процесса разрушения «соцсистемы» и создания нового миропорядка. Однако этот и последующий периоды нашей недавней истории, несмотря на отдельные попытки, до сих пор комплексно не изучены. Отчасти это является следствием того, что Арм. ССР, или Вторая республика, преобразовавшись в Третью республику, вышла из имперского научно-образовательного и культурного пространства, что должно было привести к ее неизбежной изоляции и заметному сужению кругозора общества в целом¹. Как следствие, сегодня явления, выходящие за рамки локальных представлений, оцениваются у нас не всегда адекватно, а порой и вовсе не воспринимаются.

В частности, системные изменения 90-х годов прошлого века несколько примитивно классифицируются всего лишь как

¹ Возможно, что подобная ситуация (правда, в разумно ограниченном временном интервале) имеет и свою положительную сторону, так как у определенного сегмента населения Армении возникла своеобразная интровертность – концентрация на решении собственных национальных, а не общемировых проблем, чем зачастую увлекалась наша национальная элита как в начале, так в конце прошлого века.

«завоевание независимости», а некоторые исследователи (среди них довольно много бывших правоверных членов КПСС, спецов по марксизму-ленинизму и научному коммунизму, атеизму и т.п.) даже полагают, что в СССР у Армении был статус колонии. Подобный сомнительный тезис является наследием незатейливых советских обществоведческих представлений, имеющих в своей основе методологию перманентной и оголтелой критики британского колониализма или же американского неоколониализма советским агитпропом. Заметим, что авторы подобных опусов весьма охотно дискутируют относительно новой идентичности армян, между тем трудно не согласиться со словами Сергея Кургиняна: «Новая идентичность должна строиться на глубоком понимании происшедшего».

Преимущество Российской империи, Советский Союз при всех своих минусах и плюсах был уникальным явлением и фактически представлял собой крупный геоидеологический проект. Сравнения с другими имперскими конструкциями в контексте этих реалий не всегда уместны, и дело тут не только в евразийской, континентальной природе советской империи и в методах долгосрочного планирования экономики, что сегодня, особенно в период наступления кризисов, начинают высоко оценивать и даже отчасти применять так называемые «капиталистические страны» и крупные компании.

Статус, реальные права и обязанности всех народов СССР (включая русских) и их административных образований, во всяком случае в постсталинский период, практически ничем не отличались друг от друга. Любопытно, что в этом контексте неко-

торые крупные западные социологи полагают, что «прошлое России – это будущее Европы»¹. То же самое относится к не входящим в состав метрополии странам «соцлагеря», или же, как их было принято называть, странам «народной демократии». Более того, в этих так называемых «вассальных» странах дела со свободами обстояли намного лучше. Некоторые же народы (в частности, в азиатской части СССР) благодаря советской системе обрели письменность, литературу и современную культуру, в их автономных республиках и областях были основаны университеты, филиалы Академии наук, оперы и филармонические оркестры, что сыграло решающую роль в их развитии.

Что касается Армении, то следует признать, что, несмотря на драматические испытания, выпавшие на ее долю, как, впрочем, и на долю других народов СССР (репрессии, игнорирование и фальсификация национально-исторических вопросов, а также разного другого рода «перегибы» и проявления «волюнтаризма»), советские годы для нас тоже стали весьма важным и продуктивным этапом в плане научно-технологического и духовно-культурного развития, что и предопределило победу в Арцахской войне (см. следующую главу).

Список превратных представлений о советском прошлом можно продолжить, однако заметим, что они не всегда являются наследием советского прошлого, в гуманитарной сфере которого господствовали официозные идеологические стереотипы. Сегодня также отчетливо видны тенденции манипулирования и стирания национальной памяти, свидетельствующие о применении

¹ Бауман З., <http://www.rodon.org/polite-110519100638>.

современных технологий из области информационно-онтологических войн и *nation building*. В результате, в СМИ можно встретить относящиеся к советскому периоду преимущественно «трагические» или «иронические» материалы, а также призывы вырваться из «когтей прошлого». Форма, дух и «черно-белые» подходы этих явно «экспортных» материалов в свою очередь также удивительным образом напоминают пресловутый и уже упоминавшийся нами большевистский «агитпроп».

Вместе с тем нельзя отрицать, что сегодня предпринимаются отдельные попытки комплексного анализа нашей новейшей истории: издаются заслуживающие внимания исследования и воспоминания. Однако вследствие малого тиража подобной литературы, отсутствия соответствующего *PR* (что сегодня обязательно) и заметной утраты «книжной культуры» и чтения вообще эти исследования весьма слабо отражаются в информационном пространстве и не запечатлеваются в сознании общественности, в частности молодежи.

Приведенные соображения отнюдь не предполагают создание «*Краткого курса истории ВКПб*» в сталинском духе, в котором недавнему прошлому будут даны однозначные оценки. Подходы могут быть разными и даже взаимоисключающими, однако их наличие сформирует развитые представления в обществе о нашем достойно пройденном трудном пути. Все это важно не только с познавательной точки зрения: известно, что осознание преемственности собственной истории является одним из краеугольных камней национально-информационной безопасности и национальной идеологии. Возможно, что с некоторым опоздани-

ем следует возродить жанр отечественной «советологии», что позволило бы, в отличие от западной «советологии», нетенденциозно и научно анализировать и интерпретировать явления под названием «СССР» и «социалистическая система».

Однако вернемся к «Берлинской стене». Последние двадцать лет в информационном пространстве и, в частности, экспертной литературе можно встретить много версий причин «разрушения стены». Некоторые из них довольно любопытны. Например, Максим Калашников в своей несколько эпатажной и экстравагантной, но по-своему интересной книге считает, что «гибель СССР – это цепь маловероятных катастроф», имея в виду «Чернобыль, Спитакское землетрясение, гибель теплохода “Нахимов”, гибель двух атомных подлодок, страшную резню в Сумгаите, война в Карабахе и Южной Осетии, железнодорожную катастрофу под Уфой» [1]. Однако тут следует иметь в виду, что приведенная автором череда разного рода техногенных и природных катастроф, а также межнациональных и социальных конфликтов в той или иной мере происходила в Советском Союзе и раньше, но это не приводило к развалу государства.

Впрочем, наличие множеств версий позволяет еще раз констатировать тот факт, что такое глобальное явление, как распад «соцлагеря», не могло произойти по причине лишь одного или даже нескольких десятков обстоятельств. В этом контексте мы также попытаемся представить наше видение этого феномена.

Внешний фактор

Ты шпион или просто дурак?
Дм.Зыкин, «Власть, элита и народ»¹.

Главной «внешней» причиной распада «системы», конечно же, была хорошо спланированная, скоординированная, последовательная и комплексная борьба США и их союзников в Холодной войне против СССР и «соцлагеря». Эта драматическая борьба включала создание – безусловно, не без помощи самого СССР – в Латинской Америке, Африке, Афганистане и в других «горячих точках» так называемых «черных дыр», поглощающих военно-политические ресурсы «советов», а также экономический прессинг (достаточно вспомнить истощающую «гонку вооружений» и «звездные войны», манипуляции с ценами на нефть). Очевидно, что важнейшим элементом этой борьбы было системное и продуманное информационно-психологическое воздействие на советское общество (в частности, в виде распространения «диссидентской» литературы, радиопередач «Голоса Америки» и «Радио Свободы», в которых очень умело создавался безупречный «образ» Запада в противовес мрачной реальности «соцлагеря» и т.д.). Пожалуй, следует признать, что «борьбу умов» выиграл Запад, и согласиться с формулировкой экспертов Пентагона, что Холодная война была выиграна ими потому, «что мы знали о них больше, чем они о нас»². Необходи-

¹ *Зыкин Д.*, Власть, элита и народ: подсознание и управляемая демократия. – М.: Изд-во «Самотека», 2007.

² The Joint Operating Enviroment (JOE-2010),
<http://www.fas.org/man/eprint/joe2010.pdf>.

димо констатировать, что Холодная война для СССР и соцсистемы завершилась полным поражением практически во всех сферах жизнедеятельности.

В то же время в определенных историографических и политических кругах распад системы порой интерпретируется исключительно как результат деятельности во время «перестройки» западных спецслужб и завербованных ими политических и экономических «агентов влияния». Заметим, что этим «агентам влияния» приписываются многие неблагоприятные дела и в постсоветский период.

Из этих, часто документально подтвержденных, наблюдений следует, что спецслужбы действительно сыграли важную роль в деле «распада». Существуют, например, свидетельства того, что не только среди рядовых граждан, но на самом высоком уровне советского руководства были персоны, фактически действующие – по разным мотивам – против СССР и в интересах США. В частности, эффективно действовала известная еще с античных времен так называемая технология «Золотой осел»¹, предполагающая под-

¹ Это выражение приписывают Филиппу Македонскому, который по одному поводу сказал, что для взятия городов нужно отправлять не солдат, а «загруженных золотом ослов», дабы «купить» противника. Подобная технология, называемая в экспертных и журналистских кругах «Золотой осел» и сопровождающая всю историю человечества, сегодня «легитимизировалась» и существенно усовершенствовалась (с учетом, в частности, множества «грантовых» программ, возможностей современной банковской системы и сетевой организации самой, зачастую «втемную» используемой агентуры влияния). Методика «Золотого осла» сегодня концептуализирована и занимает важное место не только в спецслужбах, но и в военно-политической, дипломатической и информационной деятельности некоторых держав. Идеальным полем для подобного рода деятельности являются созданные во множестве неправительственные организации, которые получают весьма крупные денежные вливания в виде различного рода грантов.

куп и соответствующее ориентирование нужных политических деятелей. Надо полагать, что вышеупомянутые методы внешнего воздействия – разумеется, в намного меньших масштабах – применялись в те годы также в Армении, и никак нельзя исключить, что подобная деятельность осуществляется и сегодня.

В контексте вышеизложенного публичные выступления западных деятелей о том, что якобы процессы тех лет были для них «неожиданностью», звучат не очень убедительно. Любопытно, что им вторят и некоторые российские исследователи [2]. Конечно, нельзя исключить, что для многих это было своеобразным сюрпризом, но скорее всего такое положение было связано с тем положением, которые эти люди занимали в политической иерархии. Заметим, что высокопоставленные западные политики во время встреч «без прессы» высказываются совсем иначе. Например, в 1995г. президент США Билл Клинтон во время «закрытого» совещания с начальниками штабов заявил, что «...проводимая в течение последних десяти лет против СССР политика доказала, что курс, направленный на уничтожение одной из сильных мировых держав, был верным... Используя ошибки советской дипломатии, излишнюю самоуверенность Горбачева и его окружения, в том числе тех, *кто занял очевидно проамериканскую позицию*, мы добились того, что собирався сделать президент Соединенных Штатов Трумэн посредством атомной бомбы...» [3].

Следует также признать, что США и союзники действовали в соответствии со своими национальными интересами, поэтому обвинения и сентенции в адрес Запада, может, понятны в эмоциональном плане, однако не совсем убедительны: «условный

противник» действовал в духе Холодной войны с применением принятых в этой войне методов. Крайне важно и то обстоятельство, что определенные действия «условного противника» находили положительный отклик в советском обществе, некоторые представители которого и вовсе не считали США за противника и воспринимали скорее как «спасителя и освободителя». Часть так называемых «агентов влияния» действовала как бы по «идейным соображениям» и искренне считала, что необходимо любыми средствами изменить существовавшую систему, так как это пойдет на благо страны. Правда, при этом часто нивелировались понятия «родина» и «неудобная политическая система», как это имело место у российских социал-демократов накануне Октябрьской революции 1917г., со всеми вытекающими отсюда известными катастрофическими последствиями. Таким образом, для распада системы налицо были также все «внутренние» предпосылки, и мы попытаемся немного разобраться в них.

Внутренний фактор

Советская система была создана в результате революционного насилия, и откровенный «террор» против собственного народа по разным мотивам и без оных продлился около 36 лет (1917-1953гг.), до смерти Сталина. Согласно данным «Комиссии по оправданию жертв политических репрессий» при президенте РФ¹, их число составляет около 32 млн. человек, из коих 13 млн. – в результате Гражданской войны и «советизации» (1918-1923гг.), когда в стране

¹ См. <http://www.lenta.ru/russia/2001/10/29/yakovlev/>. Отметим также, что из заключения комиссии следует, что число подсчитанных жертв далеко не полное.

бушевал тотальный «Красный террор» (см., например, [4]). Ряд исследователей не без основания полагают, что террор в тот период, при всей своей направленности и идеологической продуманности (в отличие от «Белого террора»), часто принимал бессмысленно-иррациональный и даже в некотором смысле мистический характер, что дало основание для выдвигания различных конспирологических интерпретаций [5]. В этих версиях, в частности, принимались во внимание и особенности менталитета некоторых национальных групп, проживавших в Российской империи и принимавших активное участие в революционном процессе (см., например, [6]). Можно принимать или не принимать подобные версии, однако следует признать, что в отличие от «Красного террора» последовавший за ним сталинский «Большой террор» 30-х годов подчинялся несколько своеобразной, восточно-деспотической, но все-таки более внятной политической логике [7-10]. В литературе можно встретить мнение о том, что, несмотря на известные «перегибы», террор 30-х имел и «положительный» (если такое определение уместно) смысл в том плане, что в результате репрессий был ликвидирован наиболее пассионарный сегмент «истинных ленинцев и революционеров» в лице Троцкого, Каменева, Зиновьева, Радека и других. Отметим, что с этим подходом, по крайней мере автору этих строк, трудно не согласиться.

Определенную часть огромного числа (около 30 млн.) жертв Отечественной войны также можно приписать к «особенностям» советского режима: известно, что при проведении масштабных военных операций редко принимали во внимание возможные огромные потери.

Жертвой большевистско-советского террора стал не только «человеческий ресурс» и «человеческий капитал»: был уничтожен огромный пласт духовно-интеллектуальных и культурных, а также материальных ценностей, столетиями создаваемый в многонациональной Российской империи (см., например, [11]).

Известно, что в постсталинский период «система» всего лишь смягчилась, и «национальный» и «человеческий» факторы по-прежнему не представляли особой ценности. Поэтому можно лишь отчасти согласиться с теми исследователями советской эпохи, которые считают, что со смертью Сталина тоталитарный режим сменился авторитарным [12]. Поэтому наспех организованная «перестройка» позволила всему советскому обществу, равно как и населению республик, имевших национальные проблемы, выразить накопившийся десятилетиями протест. Своеобразным проявлением недовольства «системой» была также сама политика «перестройки», проводимая партийной «номенклатурой» или, по крайней мере, ее определенной частью. Хорошо известно, что и в этой сфере – по словам Высоцкого – было «все не так»: правящая верхушка практически утратила способность эффективно управлять страной. Похоже, что «командно-административные» управленцы могли быть эффективными лишь в сочетании с репрессивным аппаратом в условиях доминирующей и, главное, действенной идеологии. В противном случае они выглядели крайне «бледными» и беспомощными, как это можно отчетливо почувствовать даже из их собственных мемуаров [13-15]. Неудивительно, что подобная номенклатура в лице ГКЧП не

смогла толком организовать даже путч против «новаторов» из своих же рядов [16].

Именно это недовольство и формирование критической массы протестующих против «системы», резонируя с «внешним» влиянием по рецептам Холодной войны, разрушили «соцлагерь». Заметим также, что «распад» произошел тогда, когда началась информационная революция: в сложившихся новых реалиях уже невозможно было представить изолированную политическую систему размером в 1/6 планеты, каковой был СССР. Нельзя также исключить, что если бы та «система» сохранилась до эпохи Интернета, то сценарии распада, скорее всего, проходили бы в более мягком режиме, т.к. представления как минимум у элитно-интеллектуального сегмента «протестной массы» были бы не столь наивные и отвлеченные, а более адекватные представления об окружающем и, в частности, западном мире.

***Общество вне системы
или «альтернативная система»***

Известно, что даже в «несвободных» государствах творческие личности и общество в целом находят формы своего самовыражения. В нашем случае этому очень способствовало то, что идея создания сильной советской державы и придание важности идеологическому фактору диктовали коммунистическому руководству создание целостного, развитого и широкомасштабного военно-промышленного, научно-образовательного и культурного комплекса. В результате, СССР (а в дальнейшем также его

союзники¹⁾ превратился в страну с высокоразвитой наукой, технологиями и культурой, на основе которой была сформирована новая, уже советская интеллигенция – носительница глубоких знаний и духовных ценностей. Воспользовавшись хрущевской «оттепелью» и частичными реформами, эта творческая элита в определенной мере взяла на себя миссию духовного и идейного лидера советского народа.

Для значительной части общества гораздо важнее были не речи партийных вождей или тезисы съездов, а слова и мысли пользующихся авторитетом ученых и писателей, певцов и бардов (В.Высоцкий, Б.Окуджава и др.), удавшиеся книги, постановки и кинофильмы. Большую значимость приобрели «диссидентские» и национальные движения: многие, несмотря на преследования, распространяли и читали так называемый «самиздат» («Хроника текущих событий», книги А.Солженицына, М.Булгакова и многих других) и «тамиздат» (в основном – журналы «Континент», «Форум», книги издательства «ПОСЕВ» и т.п.).

Примечательно, что, согласно версиям российских политологов Сергея Кургиняна и Александра Дугина, «диссидентским» движением в СССР руководил *КГБ*, поскольку комитет был недоволен «системой» (Ал.Дугин, например, квалифицирует *КГБ* как «атлантический орден» в СССР). Между тем известно, что в мировой практике сотрудничество между спецслужбами и антигосударственными организациями – явление далеко не экстраордина-

¹ Отражением этих реалий является, например, тот факт, что некоторые страны «соцлагеря», несмотря на отставание в экономической сфере (например – Куба), по своим социально-здравоохранительным, образовательным и ряду других критериев до сих пор превосходят своих «капиталистически развитых» соседей.

нарное. К тому же, специальные службы, как правило, всегда бывают более осведомленными относительно царящей в стране ситуации, и в этом плане *КГБ* должен был еще в 70-х прогнозировать, что «система» перерождается и проигрывает Западу. Это, равно как и определенное взаимодействие (в свете ряда документально известных фактов) элиты «диссидентского движения» и высших эшелонов *КГБ* (а также *ЦК*), звучит вовсе не фантастически. Однако считать, что диссидентским движением руководил *КГБ* и это стало основной причиной распада СССР, как это предполагают С.Кургинян и Ал.Дугин, конечно же, преувеличение. Но вместе с тем, как бы в продолжение этой темы, трудно не согласиться с тем утверждением Сергея Кургиняна, что «реальным источником ... трагедии 1991 года был внерамочный конфликт элит»¹.

Следует особо отметить, что палитра протестного движения была очень пестрой: некоторые ратовали за «истинный социализм», другие это мировоззрение безжалостно критиковали, особую позицию занимали «почвенники», а против них боролись либералы-«западники», иного рода проблемы заботили представителей национальных движений и т.д. [12,18]. Однако их всех объединял протест против монопартийной, уже порядком остывшей системы, идеологического диктата и неповоротливой экономической системы.

Примечательно, что осуждаемая в протестной элите система ценностей и ее носитель – герой множества анекдотов советский человек (*homo soveticus*), в отличие от нынешнего *homo economi-*

¹ Кургинян С., Качели. Конфликт элит или развал России?, <http://www.gribuser.ru/xml/fictionbook/2.0>. О роли советской элиты см. также [17].

cuis, сегодня котируется достаточно высоко. В частности, как в Армении, так и в России некоторые представители церкви сегодня высказывают убежденность, что граждане атеистического СССР зачастую стояли намного ближе к истинным христианским ценностям и понятиям, нежели те, кто живет в условиях нынешней «свободы совести и религии» и соблюдает лишь формальную религиозную ритуалистику. В этом контексте можно сказать, что, следуя перенятому у А.Чехова перестроечному лозунгу о необходимости «выжать из себя раба», постсоветское общество «выжало из себя» и некоторые весьма ценные качества (об особенностях человеческого измерения «советской цивилизации» см. фундаментальные труды Сергея Кара-Мурзы [19-22]).

Весьма глубокое и метафизическое определение развала СССР в контексте *homo soveticus* предложил Александр Панарин в своей книге «Стратегическая нестабильность XXI века» [23]. Следующую цитату из его книги имеет смысл привести целиком: «Наша гипотеза состоит в том, что новейшие события в России имеют всемирно-исторические корни: они связаны с попыткой глобального реванша индивидуалистического буржуа над всеми теми социально-экономическими, политическими и идеологическими формациями, которые стали ответом наиболее развитой, в интеллектуальном и нравственном отношениях, части человечества на нигилистический вызов буржуазного отщепенства. Однако, как уже отмечалось, реальные исторические типы не строятся на основе примитивного формационного детерминизма – как порождение одномерной классовой, идеологической и иной “сущности”. Советского человека от подобной одномерности спасало его клас-

сическое культурное наследие, в первую очередь – литературно-художественное. Сплошная грамотность – не загадка, ее можно внедрить, затратив соответствующие силы и средства. Загадка состоит в том, как она была использована “советским человеком” на глубоком личностном уровне. Научившиеся читать могут поглощать бесчисленные комиксы, детективы и “супердетективы”, “маленькие тексты с большими картинками” (особенно пикантного содержания). Все это мы видим на примере американской массовой культуры, сегодня заполонившей мир. Труднее объяснить тот факт, что юноши и девушки, усвоившие грамотность в первом поколении, стали читать Пушкина, Толстого, Достоевского – уровень, на Западе относимый к элитарному» [23].

Однако наряду с этим политическое мировосприятие и политическая культура «протестующей» части советского общества было более чем наивным и бесхитрым. Практически единственной альтернативой коммунистическому режиму представлялся идеализированный «свободный мир», и даже малейшее недоверие в отношении «Запада» воспринималось как выражение официальной пропаганды либо, по меньшей мере, как заблуждение. В этом по крайней мере часть российских диссидентов была похожа на столь ненавистных ей большевиков, для большинства которых, как констатирует Р.Даниеэлс, «революция была самоцелью» [24].

Это особенно «материализованно» проявилось во время реформ 90-ых. Как метко пишет по этому поводу Сергей Карамурза, «...произошел сдвиг от реалистического мышления к аутистическому...», цель которого – создать приятные представления и вытеснить неприятные. Понимание того, что западная мо-

дель также является своеобразной «системой» и не менее жесткой, пришло позже. Характерно, что публично эти реалии признали лишь очень немногие советские «диссиденты»: скорее всего, для многих подобное признание, подразумевающее переосмотр и переосмысление собственных выстраданных взглядов, оказалось невозможным в психологическом (а возможно – и в интеллектуальном) плане. Поэтому многие, и это характерно также для некоторых политических и общественных деятелей Армении, остались на позициях «кухонного антикоммунизма», что сегодня выглядит просто как нонсенс. Любопытно, что представления этих деятелей относительно либерализма и демократии в основном базируются на незыблемых догмах, что более характерно для коммунистического учения. Исключения составили лишь немногие, и среди них особое место занимает проф. Александр Зиновьев (1922–2006гг.), который за свою распространяемую «самиздатом» книгу *«Зияющие высоты»* в 1978г. был выслан из СССР [25]. Вернувшись в «новую Россию», он выступил с публичной критикой недостатков «западной системы» и опубликовал по этой проблематике фундаментальные научные труды [26].

Резюмируя тему причин распада системы в контексте общественного сознания, можно констатировать, что в 80-ые годы в СССР была накоплена некая критическая масса интеллектуальных ресурсов, которые уже не могли жить по канонам порядком деградировавшей системы. Но вместе с тем весьма образованные и профессионально подготовленные советские люди крайне плохо представляли постсоветское будущее, реалии которого более чем жестко обошлись в первую очередь с этими же интеллекту-

лами с традиционным российско-интеллигентским уклоном. В этой связи нелишне вспомнить, что основной претензией советского интеллигента к советской власти, как правило, было отсутствие доступа к информации (многие труды в области гуманитарных наук, да и просто литературные произведения опальных советских писателей можно было, и то в лучшем случае, достать в так называемых «спецхранах» – особых фондах крупных библиотек) и, конечно же, свободы слова. Последнее обстоятельство особенно угнетало, так как многим казалось, что если бы им дали бы возможность публично выразить или опубликовать собственные мысли и соображения, то многое можно было изменить к лучшему. Однако в постсоветском мире, когда вроде можно говорить и писать практически все, были обесценены как их мысли, так и понятие интеллигенции в целом.

Последствия и возможные перспективы

Распад СССР и «соцлагеря», как это имело место и в царской России в 1917г., произошел в революционном режиме, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями: межнациональные войны, беженцы и беспризорники, резкий рост преступности (что дало основание окрестить случившиеся «криминальной революцией»), развал управленческой системы, катастрофическое падение экономики и жизненного уровня: достаточно отметить, что по сей день ВВП далеко не всех постсоветских республик достигло советского периода, а в России даже по данным 2005г. средний уровень зарплат и доходов на душу населения по сравнению с «дореволюционным периодом» снизился в два раза, пенсии – в 2,5

раза, а студенческие стипендии – в 7 раз. Естественным образом все это сказалось на демографической ситуации: численность населения России в 1993г. составляла 148,9 млн. человек против 141,9 млн. в 2009г. Российский Институт демографических исследований прогнозирует, что в период с 2008 по 2025гг. естественная убыль населения составит 11 млн. человек. По оценкам Генпрокуратуры России, число беспризорников составляет около 4 млн., что больше, чем было после войны в 1945г¹.

Такие же неутешительные демографические данные по Армении [27]. В 1991г. в Армении проживали 3,5 млн. человек, а по данным Национальной службы статистики, численность населения республики на 1 апреля 2009г. составляла 3.2 млн. По данным Агентства миграции Министерства территориального управления РА и доклада ООН «Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие», за последние 20 лет из Армении эмигрировал 1 млн. человек, что составляет примерно треть от общего числа населения страны². Проблема миграции остается актуальной и сегодня: по данным социологического исследования, проведенного под руководством Геворга Погосяна в 2011г., 15,5% населения столицы Армении решили покинуть страну, а 32,3% «соберут чемоданы» при первой же возможности, а около 48% населения столицы являются потенциальными мигрантами. Причина такого положения, как прокомментировал Погосян, «кроется в плачевном состоянии экономики Армении»³.

¹ <http://genproc.gov.ru/management/interview/document-5/>.

² <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/161312/>.

³ <http://www.regnum.ru/news/1417867.html#ixzz1Qqk5NFCL>.

Особенно сильно пострадала научная сфера. В советское время финансирование науки лишь немногим уступало соответствующему финансированию в развитых странах и составляло приблизительно 2,3-2,5% от ВВП, а численность работников в многотысячных НИИ в 1980г. достигало 1.4 млн., т.е. примерно 25% от общего числа всех научных сотрудников мира¹. Между тем к 2011г., по сравнению с 1994г., численность научных работников в России сократилась на 62% (по оценкам экспертов Госдумы РФ в целом выехали из страны до 700 000 квалифицированных специалистов). Нелишне также отметить, что в 1990-1995гг. в России годичный тираж журналов уменьшился почти в 17 раз [28].

В настоящее же время финансирование российской науки составляет около 0,3% ВВП, но ВВП сократился почти в три раза, так что сокращение финансирования науки произошло не в шесть, а в 30 раз². Согласно данным Сергея Глазьева, «...доля современного технологического вклада в структуре производства машиностроительной продукции сократилась с 33% в 1992 году до 21% в 1998-м. Если в конце 80-х годов доля промышленных предприятий, ведущих разработку и внедрение нововведений в СССР, составляла около 2/3, то после 1992 года она снизилась до 22,4%... Объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок сократился более чем в 10 раз...» [29].

¹ Любопытно, что некоторые функционеры той поры, в их числе помощник члена политбюро Е.К.Лигачева *Валерий Легостаев*, считали, что именно эта огромная масса умных и образованных людей являлась основным оппонентом «системы» и ответственна за «капиталистический реванш» уже после распада СССР (см. *Легостаев В.*, Целлюлоид ГКЧП. Газета «Завтра», № 33-35, 2002).

² *Бабкин В.И.*, Завершающий этап ликвидации научно-технического комплекса страны. <http://eqworld.ipmnet.ru/ru/info/sci-edu/babkin04.htm>.

Примерно такое же положение и по Армении: по оценкам Госкомитета науки РА, научная сфера сегодня финансируется примерно в 50 раз меньше, чем в советское время, а количество ученых сократился с 30 до 6 тысяч. Научно-технологический сектор играл важную роль в экономике: достаточно привести тот факт, что в 1984г. в народном хозяйстве Армении было использовано 200 изобретений [30, с. 100]. Одним из показателей деинтеллектуализации постсоветского армянского общества можно считать сокращение количества книжных магазинов: на сегодня в Ереване действует менее 20 книжных магазинов, хотя в 80-ые годы их было около 200.

Очень быстро улетучились и иллюзии относительно окончания Холодной войны и наступления эры добрососедства с Западом. Оказалось, что геополитическое противостояние остается в силе, и вслед за Первой очень быстро наступила Вторая холодная война, во многом более изощренная (в особенности в информационно-психологической и онтологической сферах) и опасная для обществ не только в плане уничтожения всего человечества в ядерной войне, но и в нравственно-духовном смысле [31, 32].

Очевидно, что для полноценной оценки социально-экономических последствий распада необходимы комплексные исследования, и этот вопрос особо актуален для Армении. Во всех случаях очевидно, что произошедшее никак нельзя назвать бескровной революцией, как это пытаются представить некоторые исследователи и политические деятели. Можно констатировать, что организованная как некое мероприятие в советском духе «перестройка» была одним из тяжких преступлений, совершен-

ных коммунистической номенклатурой [33]. Безусловно, реформы можно было провести более обдуманно и в очередной раз не потерять накопленный в течение десятилетий советской державы «человеческий капитал», огромные духовные, интеллектуальные и материальные ценности и потенциал, и все это в полной мере относится и к Армении¹.

Вместе с тем распад «социализма» определенным образом отрицательно сказался также на одержавшем победу «свободном мире». Трудно не согласиться с теми западными и российскими исследователями – в том числе такими известными, как И.Валлерстайн и М.Делягин, – согласно которым отсутствие конкуренции систем в постсоветских реалиях в определенном смысле разложило Запад², привело к фетишизации неолиберализма, размыванию понятия «государство» и наступлению «эпохи постмодерна» в терминах вседозволенности (см. [34-38]). Сегодня во многих исследованиях аргументированно доказывается, что ныне наступила эпоха «постдемократии» или же «неототалитаризма», в которой демократические институты играют роль формальной атрибутики, а миром стали править транснациональные компании или же, по меткому выражению Михаила Делягина, «неокочевники» (см., например, [36-38]). В этом контексте неудивительно, что в современном и почти всеобщем «демократическом», но вместе с тем не столь «свободном» и по сути уже в «пост-

¹ В этом контексте можно провести параллели между советской номенклатурой и царским чиновничьим аппаратом 1917г., который, вместе с большевиками, был полноправным соавтором революционных развитий.

² Валлерстайн И., Я борюсь за сравнительно эгалитарный мир. <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/YA-boryus-za-sravnitel-no-egalitarnyj-mir>.

демократическом» мире формируется новое «инакомыслие» и «диссидентство», которое может перерасти в революционное движение [37, 39]. Контуры подобных сценариев начали проявляться в Европе уже в 2010г. в результате скручивания правительствами ряда стран «экономических гаек». Недовольство идеологическими и экономическими установками «постсоветской системы» усугубляется растущим обнищанием общества не только в постсоветских республиках или в странах «третьего мира», но и в тех европейских странах, которые ранее считались эталонами социального благополучия [40].

С распадом системы произошла также потеря привлекательных моделей развития, в то время как, по замечанию Н.Злобина, «в годы Холодной войны их было две – советская и американская», а «модель США, такая привлекательная еще пару десятилетий назад, почти полностью утратила этот имидж» [41]. Любопытно, что сегодня многих привлекает китайская система¹.

Как естественная реакция на происходящее сегодня в мире формируется новое протестное, диссидентское движение, и это не только «антиглобалисты» или, по более тонкому определению И.Валлерстайна, «альтерглобалисты» [42]. Сегодня диссидентами зачастую становятся занимающие высокие позиции в обществе представители университетских, академических кругов (как в свое время А.Сахаров или тот же Ал.Зиновьев), а порой даже государственные и политические деятели. Примечательно, что в политико-идеологической плоскости, хотя и в новой редакции, вновь активизировались своего рода неосоциалистические уста-

¹ Социалистическая надежда Запада, <http://www.rodon.org/polit-110208121739>.

новки. Подобные идеи более чем положительно воспринимаются обществом, где также зреет недовольство существующим положением, и это стало особенно заметно после системного кризиса 2009г. В этом аспекте весьма характерны результаты недавнего соцопроса в Германии, когда примерно 90% респондентов высказались против капитализма¹. Происходящее можно условно назвать конвергенционными² процессами в стиле постмодерн, когда в отсутствие «воинствующей соцсистемы»³ взаимодействие происходит на идеологическом, в некотором смысле виртуальном, уровне.

Все это свидетельствует о том, что явления «системного распада» могут повториться и в дальнейшем, однако на этот раз в гораздо более глобальных масштабах. Первым симптомом возможности такого сценария был системный кризис 2009г., который заставил критичнее оценивать достоинства и недостатки либеральной идеологии. Вместе с тем можно предположить, что, несмотря на пессимистические прогнозы, запас прочности современной «постдемократии» намного больше, чем у «развитого социализма». В числе прочих факторов в этом контексте весьма важную роль играют те исследовательские институты и «мозго-

¹ <http://lenta.ru/news/2010/08/18/kapitalismus/>.

² Согласно возникшей в 60-х годах прошлого века теории конвергенции (Джон Гелбрайт [43], Питирим Сорокин [44] и др.), между социалистической и либеральной системами происходит определенное концептуальное сближение, своего рода встречное движение. В результате в США развивалась система государственного планирования, а в СССР – принцип получения выгоды от экономической деятельности. В СССР было достаточно много сторонников этой концепции, среди них и академик А.Сахаров.

³ При всей своей успешности Китай, следуя своим стратегическим установкам, избегает конфронтации в идеологической сфере.

вые центры» (*think-tank*), которые, в частности, разрабатывают эффективные технологии управления обществом. Однако эти интеллектуальные ресурсы, по логике современного мироустройства, сосредоточены в странах, которые лидируют в глобальном мире и никак не заинтересованы в формировании подобного рода ресурсов в других странах. Такое положение дел является наиболее серьезным, можно даже сказать, главным вызовом для современной Армении, которая сумела избежать худших сценариев при распаде «системы» в первую очередь именно благодаря своим цивилизационно-интеллектуальным ресурсам, приобретенным не в последнюю очередь во Второй республике. Эти и сопутствующие вопросы мы попытаемся более подробно обсудить в следующих разделах этой книги.

Литература

1. *Калашников М.*, Глобальный смуткризис: смена исторических эпох неизбежна. – М.: ФОЛИО, 2009.
2. *Гайдар Е.*, Гибель империи: уроки для современной России. – М.: Росспэн, 2007.
3. *Ченгаев В., Баленко С.*, Условия возникновения вооруженных конфликтов в XXI веке на территории РФ и возможный их характер в период обострения военно-политической обстановки. «Военная мысль», #9, с. 2. 2009.
4. Красная книга ВЧК (в 2-х томах, под редакцией А.С.Велидова). – М.: Политиздат, 1989.
5. *Мельгунов С.*, Красный террор в России 1918-1923, – М.: СП «РУICO» «P.S.», 1990.
6. *Солженицын А.*, Двести лет вместе (1795-1995) (в 2-х томах). – М.: Русский путь, 2001.
7. *Солженицын А.*, (малое собрание сочинений в 7-томах). – М.: ИНКОМ, 1991.

8. *Конквест Р.*, Большой террор. – Изд-во «Ракстниекс», 1991.
9. *Авторханов А.*, Загадка смерти Сталина (заговор Берия). – ПОСЕВ, 1976; *Авторханов А.*, Технология власти. – Самиздат, 1978.
10. *Джилас М.*, Беседы со Сталиным. – М.: Центрполиграф, 2002.
11. *Бунич И.*, Пятисотлетняя война в России (в 2-х томах). – СПб: Облик, 1997.
12. *Шубин А.*, Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. – М.: Вече, 2008.
13. *Гришин В.*, Катастрофа: от Хрущева да Горбачева. – М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2010.
14. *Крючков В.*, Личное дело, т.2. – М.: «Олимп» АСТ, 1996.
15. *Варенников В.*, Дело ГКЧП. – М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2010.
16. *Кеворков В.*, Кремлевская оперетка: политический триллер. – М.: ГЕЯ, 1997.
17. *Зыкин В.*, Власть, элита, народ. – М.: САМОТЕКА, 2007.
18. *Манукян А.*, Политическое инакомыслие в Армении (1950-1988гг.). – Ереван: Амроц Групп, 2005 (на арм. языке).
19. *Кара-Мурза С.*, Советская цивилизация (в 2-х томах). – М.: Алгоритм, 2001.
20. *Кара-Мурза С.*, Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000.
21. *Кара-Мурза С., Смирнов С.*, Манипуляция сознанием-2. – М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2009.
22. *Кара-Мурза С.*, Кого будем защищать. – М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2009.
23. *Панарин А.*, Стратегическая нестабильность XXI века. «Москва», ## 4-12, (глава 2, Почему рухнул Советский Союз? Кем же был «советский человек?»), 2002.
24. *Даниэлс Р.В.*, Взлет и падение коммунизма в России. – М.: Российская политическая энциклопедия; «Фонд президентский центр Б.Н.Ельцина», 2011.
25. *Зиновьев А.*, Зияющие высоты (в 2-х томах). – Изд-во ПИК, 1990.
26. *Зиновьев А.*, На пути к сверхобществу. – М.: АСТ Астрель, 2008.
27. *Ходжабекян В.*, Демография и проблемы занятости в Армении (с начала XIX века до середины XXI века). – Ереван: Гитутюн, НАН РА, 2006.
28. *Дубин Б.*, Pro et Contra, т.13, # 1, с. 6, 2009.
29. *Глазьев С.*, О стратегии развития российской экономики. Мост, # 50, с. 667, 2000.

30. Ежегодник Большой советской энциклопедии 1985. – М.: Советская энциклопедия, 1985.
31. *Тер-Арутюнянц Г.*, Холодная война-2. Голос Армении, 04.12.2003.
32. *Тер-Арутюнянц Г.*, Многополярная и асимметричная Холодная война. Вестник Академии Военных наук, #4(21), с. 23, 2007.
33. *Уткин А.*, Измена Генсека: бегство из Европы. – М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2010.
34. *Валлерстайн И.*, После либерализма. – Едиториал УРСС, 2003.
35. *Делягин М.*, Кризис человечества: выживет ли Россия в нерусской смуте? – Владимир: АСТ Астрель, 2010.
36. *Делягин М.*, Мировой кризис: Общая теория глобализации (Издание второе, переработанное и дополненное). – М.: ИНФРА, 2003.
37. *Крауч К.*, Постдемократия. – М.: Издательский дом Государственного университета – Высшая школа экономики, 2010.
38. *Кляйн Н.*, Доктрина шока: расцвет капитализма катастроф. – М.: Добрая Книга, 2009.
39. *Кагарлицкий Б.*, Политология революции. – М.: Алгоритм, 2007.
40. Новая европейская бедность. Эксперт, #49(723), 2010.
41. *Злобин Н.*, Второй новый миропорядок: геополитические головоломки. – М.: ЭКСМО, 2009.
42. *Валлерстайн И.*, Результат, обратный желаемому (в кн. «Русские чтения», выпуск 1, декабрь 2004 – июнь 2005). – М.: Группа Эксперт, 2006.
43. *Гэлбрайт Дж.*, Новое индустриальное общество. – М.: АСТ, 2004.
44. *Сорокин П.*, Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992.

НОВАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Геополитические и геоидеологические тектонические сдвиги начала XX века (Первая мировая война, революция 1917г., падение Российской, Османской и Австро-Венгерской империй) обернулись для Армении тяжелейшим испытанием – Геноцидом и потерей Западной Армении. Потрясения конца XX века, вызванные поражением СССР в Холодной войне, также весьма негативно отразились на армянском обществе: мы понесли тяжелый урон в экономической, социально-демографической и, в особенности, научно-технологической областях.

Однако, наряду с потерями, благодаря цивилизационным ресурсам и накопленному во Второй республике потенциалу, на этот раз Армения сумела отчасти реализовать свои национальные задачи: она смогла победить в навязанной нам Арцахской войне и создать Третью и Нагорно-Карабахскую республики. Как уже отмечалось в предыдущем разделе, эти процессы еще нуждаются в более полноценном осмыслении со стороны армянского аналитического сообщества. Мы же попытаемся схематично и без детализации систематизировать процесс становления новой армянской государственности и выявить некоторые ключевые закономерности этого процесса.

Этапы пути

Известно, что *де-юре* Республика Армения (РА) и Нагорно-Карабахская Республика (НКР) обрели статус независимого государства, в полном соответствии с международными нормами и процедурами, в 1991г. Однако представляется, что этот этап нашей истории (в контексте становления нового, «несоветского» общества и новых форма армянской государственности – Третьей республики и НКР) скорее всего, следует датировать 20 февраля 1988г., когда областной совет Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) принял решение выйти из состава Азербайджана и присоединиться к Армении, а в Ереване на Театральной площади в знак поддержки этого решения состоялся массовый митинг – первый из множества последующих. Можно достаточно уверенно сказать, что с этих дней советская власть в Армении начала неуклонно и необратимо терять свои позиции, а общество начало функционировать в ином режиме.

Ретроспективный анализ тех событий, происходящих в контексте «перестройки» и распада СССР, показывает, что в той сложной и тяжелой обстановке действия армянского общества и его элиты в целом были достаточно безошибочными и адекватными. Под понятием «элита» в данном случае необходимо подразумевать не только членов организаций «Комитет Карабах» в Ереване и «Крунк» в Степанакерте, но и их ближайшим сподвижников. Они, конечно же, сыграли важнейшую организационно-руководящую роль в происходящем, а затем стали и ядром правительств обеих республик. Но в тот период имела место – без всякого преувеличения – тотальная мобилизация духовных, ин-

теллектуальных, да и других ресурсов практически всех сегментов армянского общества. Часто решающими оказывались действия людей, которых по формальным критериям трудно было называть представителями элиты. В этих условиях понятие «элита», на наш взгляд, следует трактовать значительно шире, чем это принято в специальной литературе.

Если же попытаться систематизировать по содержательным признакам этапы пути, пройденного нашим обществом в тот период, то можно представить следующую, несколько условную схему:

1. Формирование национального общественно-политического движения, демонтаж советской монопартийной системы правления и фактический и юридический выход Армении из состава СССР в результате его распада¹ (1988-1991гг).
2. Организация вооруженного сопротивления азербайджанской агрессии, сопровождающейся актами геноцида: сначала сопротивление было стихийным, потом приняло форму самоорганизованных добровольческих дружин, а затем и регулярной армии (основы которой были заложены еще в 1990-1991гг. после формирования Комиссии по обороне Верховного Совета Арм. ССР и создания Комитета обороны, который затем был преобразован в Министерство обороны РА). Этот этап завершился освобождением Арцаха, военно-

¹ Следует подчеркнуть, что при всей неоднозначности отдельных моментов в процессе «десоветизации» Армении реальной и более конструктивной альтернативы этим действиям не было. Потому их следует признать вполне адекватными по отношению как к конкретной, сложившейся тогда сугубо «армянской ситуации», так и в целом по отношению к тем реалиям, которые сложились в СССР, в «соцлагере» и в мире целом. Вместе с тем, как это следует из предыдущего раздела, не очень состоятельны версии о том, что «советы» распались в результате карабахского движения: оно было просто важным элементом процесса падения империи.

политической победой над Азербайджаном и подписанием (по просьбе азербайджанской стороны) перемирия в Бишкеке (1989-1994гг.)¹.

3. Этап становления национального государства в формате двух армянских республик – РА и НКР (1990г.² – по сей день).

Каждый из этих этапов нуждается в тщательном исследовании для выявления природы и механизмов совершенных тогда ошибок, которых следует избегать сегодня и в будущем, а также для извлечения того полезного, которое позволит нам лучше сориентироваться в нынешней сложной обстановке и более разумно планировать будущее. Еще раз отметим, что, к сожалению, такая комплексная работа еще не проделана, и это является большим минусом как для наших историков, так и для нашего аналитического сообщества.

Ниже попытаемся представить наши взгляды относительно некоторых ключевых моментов недавней истории.

Предпосылки победы

Победу в Арцахском противостоянии иногда приписывают исключительно осознанию правоты своего дела, патриотизму, храбрости и энтузиазму народа. Безусловно, без этих факторов побе-

¹ Конечно, назвать миром ситуацию после 1994г. можно лишь с большой натяжкой: боевые действия приняли форму своеобразной «окопной войны», сопровождающейся перестрелками, диверсионными операциями на фоне интенсивно протекающей информационно-психологической и дипломатической войн.

² Свободные выборы и формирование многопартийного, обладающего реальными и широкими полномочиями Верховного Совета Арм. ССР и правительства имели место уже в 1990г., т.е. до формального выхода республики из состава СССР в 1991г.

ды не одержать. Но вместе с тем эти качества формировались и подкреплялись другими объективными обстоятельствами. В этом контексте выделим некоторые основные факторы, которые сыграли важную роль на этом этапе нашей истории.

1. Армения, в отличие от других постсоветских республик региона, имеет более глубокие исторические традиции, а также опыт национально-государственного управления и самоорганизации. Даже в те периоды нашей истории, когда была потеряна государственная атрибутика, армянская национальная элита в той или иной форме (церковно-религиозные структуры, автономные княжеские владения Сюника, Арцаха и т.п., армянские общины вне Армении или же просто отдельные группы политиков, творческих деятелей и интеллектуалов, предпринимателей) сохраняла управляемость – именно в смысле национальных ценностей, идей и национальных устремлений – если не всего национального сообщества, то как минимум основных его сегментов¹.
2. В краткий период Первой (1918-1920гг.), а затем и намного дольше во Второй республике (1920-1991гг.) была сформирована (несмотря на огромные потери во время Геноцида и большевистских репрессий) национальная политическая элита нового типа. Примечательно, что, невзирая на идеологический антагонизм между деятелями Первой и Второй

¹ В этом контексте представляются неуместными утверждения о том, что после XIV века армянская государственность перестала существовать. Неверно также называть трансформацию в 1991г. Второй республики в Третью «обретением независимости» (подробнее об этом см. замечательную публикацию в газете «Голос Армении» ныне покойного *Левона Михайловича Микаеляна*: Май – месяц побед: исторический текст и контекст – целостное полотно. <http://www.golosarmenii.am>).

республик, они в целом приложили много усилий в деле сохранения и развития национальных идей и устремлений. Основоположники и адепты национальных идеологических установок Первой республики (Гарегин Тер-Арутюнян (Нжде), Драстамат Канаян (Дро) и многие другие) после падения республики развернули свою деятельность в основном в Диаспоре, и их заслуга в деле сохранения Армянства весьма велика. В Арм. ССР же была сформирована новая плеяда политических деятелей (Ал.Мясникян, А.Ханджян, Я.Заробян, К.Демирчян и другие), которые сумели (иногда – в умело завуалированной форме) сохранить в армянском сообществе национальные устремления, направленные, в частности, на признание фактов Геноцида и потери Западной Армении, воссоединения Арцаха, Нахиджевана и Джавахка с Арм. ССР. Высокий уровень национальной политической культуры был характерен и для НКАО, где борьбу¹ за присоединение к Арм. ССР возглавили в первую очередь представители именно партийно-хозяйственной элиты (Р.Кочарян, С.Саргсян и другие).

3. Армянскому обществу всегда был присущ пиетет в отношении к военному делу (см., например, [1]). Военная культура особо развилась во время Первой и Второй мировых войн. К примеру, в годы Великой Отечественной был сформирован внушительный «армянский офицерский корпус», состоящий из маршалов (И.Баграмян, А.Бабаджаниян, С.Худяков-Ханфе-

¹ В той или иной форме эта борьба всегда шла в Арцахе в течение всех лет советской власти.

рянц, адмирал флота И.Исаков), многочисленных генералов и военачальников самого высокого ранга. Более ста солдат и офицеров получили звезду Героя Советского Союза. Это обстоятельство оказало большое влияние на психологический настрой всего армянского сообщества. К тому же, в народе удивительным образом сохранились многовековые традиции и навыки иррегулярного вооруженного сопротивления, что ярко проявилось в годы Арцахского противостояния. Именно сочетание знаний и оперативного искусства армянского кадрового офицерства (Г.Далибалдаян, Н.Тер-Григорян, Х.Иванян, С.Оганян, А.Тер-Тадевосян, И.Гукасов и многих других) и тактического мастерства командиров добровольческих отрядов (С.Бабаян, Л.Азгалдян, А.Гулян и многих других) позволило достичь бесспорного превосходства над сильным и хорошо оснащенным противником.

4. Армянское общество смогло эффективно использовать более чем 70-летний период пребывания в составе СССР. Республика к концу 80-ых годов превосходила своих региональных (и не только) соседей в сфере образования, науки и техники, а также в области индустриального развития. В Армении был создан целый ряд научно-технологических институтов, школ и направлений, которыми руководили крупные ученые с мировым именем (И.Орбели, В.Амбарцумян, А.Алиханян, А.Шагинян, С.Мергелян, А.Иосифян, А.Налбандян и другие). Наличие в республике «критической массы интеллектуалов», которые имели высокий социальный статус, оказывало весьма положительное влияние

на духовно-идейное состояние народа в целом¹. Вполне закономерно, что в составе созданного в 1988г. «Комитета Карабах» доминировали представители именно этого сегмента общества (И.Мурадян, В.Манукян, Р.Казарян, А.Манучарян, Л.Тер-Петросян и другие).

5. Несмотря на идеологические ограничения, Вторая республика была своеобразной «свободной культурной зоной» в СССР. В Армении, особенно в послевоенные годы, активно творили многие известные писатели (А.Исаакян, П.Севак, С.Капутикян и др.), художники (М.Сарьян, Е.Кочар, Минас и др.) и композиторы (Т.Мансурян, А.Бабаджанян и др.), что также благоприятно сказывалось на общем климате общества. Не случайно, что в добровольческих отрядах начала Арцахской войны было большое число представителей творческой интеллигенции.

Из приведенных факторов следует, что именно доминирование в организационной, военно-политической, духовно-интеллектуальной и технологической сферах позволило Армении избежать худших сценариев и обеспечить победу в войне, в которой противник имел подавляющее преимущество как в военной технике, так и в численности. Благодаря этим ресурсам наше общество в период 1988-1994гг. сумело выстоять в сложных условиях распада СССР и развала экономики, усугубляемых последствиями катастрофического Спитакского землетрясения, блокады транспортных и энергетических коммуникаций и т.д.

¹ К сожалению, этот важнейший фактор развития научной сферы в Третьей республике пока не принимается во внимание.

Но после победы в войне и завоевания суверенитета, оказавшись вне имперского пространства, Армения столкнулась с новыми вызовами. Одним из таких многочисленных вызовов являются существующие тенденции девальвации столь желанного суверенитета государства, обусловленные глобализацией (при широкой интерпретации этого термина).

Трансформации суверенитета

Согласно западноевропейской историографической традиции, национальные суверенные государства – как основная форма политической организации общества – появились в XVII веке, по окончании развернувшейся в Европе Тридцатилетней войны. Именно в этот период противостоящие друг с другом основные европейские силы в результате переговоров в вестфальских (саксонских) городах Оснабрюке и Мюнстер в 1648г. заключили мирный договор, который и ознаменовал начало эпохи международных отношений, опирающихся на понятие «национальное государство». В контексте нашего концепта крайне важно отметить, что этот договор ознаменовал еще одно существенное обстоятельство: после «Вестфальского мира» Священная Римская империя, претендующая на роль главного центра политической и военной силы Европы, практически полностью лишилась всякой возможности вмешиваться в дела европейских государств¹.

То есть с некоторыми оговорками можно утверждать, что «Вестфальский мир» и формирование правового понятия «национальное государство» явились началом падения локальной европей-

¹ Формальный конец Священной Римской империи датируется 1806 годом.

ской «однополярной системы» той эпохи и формирования «многополярного европейского миропорядка».

В поствестфальский период национальные государства претерпели существенные реформы и трансформации по многим формальным и содержательным критериям, менялся также характер их взаимоотношений. Но во всех случаях и во все времена четко проглядывается следующая, не очень сложная (в некотором смысле – даже тривиальная) закономерность: возникновение крупных центров силы в Европе, стремящихся к политическому господству, как правило, снижало роль остальных национальных государств. Так было в эпоху завоеваний Наполеона, так было и в эпоху Первой холодной войны: страны как «соцлагеря», так и «свободного мира», зачастую вопреки своей воле, «передавали» значительную часть своих полномочий (особенно в сфере международных отношений и обороны) соответственно Москве и Вашингтону. Для соблюдения идеологической и политической «дисциплины» в «соцлагере» «советы» часто прибегали к военно-карательным операциям, как это имело место в Венгрии и Чехословакии в 1956 и 1968гг. соответственно (см., например, [2]). За такие прямые и ничем не прикрытые посягательства на суверенитет других государств Москва удостоивалась всеобщего осуждения со стороны мирового сообщества (да и части общества в собственной стране), что, впрочем, мало что меняло в той конкретной ситуации.

Вашингтон также бдительно следил за лояльностью своих многочисленных и разбросанных по всему миру союзников-вассалов. При этом США использовали более тонкие технологии

управления, что было не только целесообразнее с политической точки зрения, но и позволяло западным идеологам вести целевую пропаганду о преимуществах «свободного мира» и обвинять «советы» в нарушении «священных принципов суверенитета». Однако даже американцам не всегда удавалось действовать исключительно «мягкой силой» и оставаться в рамках приличия. Например, под предлогом «защиты американских граждан» в 1983г. они вторглись в Гренаду, а в 1989г. – в Панаму и силой свергли «левые» правительства этих стран.

В результате Первой холодной войны рухнули не только биполярная система и «соцлагерь», но и та наивно-обывательская иллюзия, что с падением «империи зла» возникнут национальные и «по-настоящему суверенные» государства: с установлением монополярного миропорядка возникли совершенно иные реалии. Бывший восточноевропейский «соцлагерь» и прибалтийские республики дружно устремились в Евросоюз и НАТО. Единственная, пожалуй, по сути суверенная страна – Югославия (кстати, активный участник набирающего силу в эпоху Холодной войны «движения неприсоединения») – в результате агрессии НАТО была расчленена на небольшие и, скорее всего, не очень самостоятельные государства под эгидой того же ЕС.

Так или иначе, союзные республики и страны «народной демократии» в результате распада системы обрели атрибуты суверенитета, однако реальный политический статус некоторых из них немногим отличался от прежнего: основная разница заключалась в том, что центр управления сместился из Москвы в Вашингтон. В политологическо-аналитической литературе некото-

рые из этих стран получили не совсем престижное определение «*проху*», что по смыслу можно перевести как «страна, управляемая по доверенности», или же как «страна с внешним управлением». Применительно к этой ситуации уместно привести высказывание Бенджамина Дизраэли: «Колонии не перестают быть колониями из-за того, что они обрели независимость...».

Однако наивно думать, что зависимость слабых государств от более сильных характерна только для стран бывшего «соцлагеря» и СССР. Сегодня в Европе, несмотря на множество законов и деклараций о равенстве стран ЕС, последовательно выстраивается определенная иерархия суверенитетов во главе с Германией и Францией. Эти тенденции особо усилились в связи с экономическими трудностями в Греции, Португалии и Ирландии (см., например, [3]).

Возвращаясь же во времена после Холодной войны, отметим следующее. Вполне закономерно, что именно в этот период кристаллизации монополярной системы (своеобразное возвращение в «довестфальский мир») был введен в широкий оборот термин «глобализация», содержащий в себе изрядную дозу геополитической и цивилизационной экспансии. Соответственно изменился и политический лексикон: например К.Райс – госсекретарь США в администрации Дж. Буша – позволила себе выразиться в духе того, что национальные государства являются не чем иным, как «сатанинской идеей». Между тем, как уже отмечалось, в годы Холодной войны изрядную долю американской агитации составляли именно материалы, в которых особый акцент делался на отсутствие суверенитета у стран соцлагеря и союзных респуб-

лик, смаковалась их «вассальная зависимость» от Москвы. Можно констатировать, что период монополярной системы был наименее благоприятен для национальных государств.

Справедливости ради отметим, что конец «национального государства» предрекали не только «российские большевики» начала XX века и «американские империалисты» XXI века. В частности, некоторые современные представители русской политологической школы, исходя из так называемых «неокапиталистических» теорий, полагают, что грядет победа идей всеобщего благоденствия и нравственных ценностей общества. При подобном развитии, по мнению сторонников этого подхода, самобытность наций и национальные идеологии гармонировали бы с вектором глобального развития и способствовали бы достижению общечеловеческих целей. Не исключая возможность такого сценария, заметим, что он является плодом идейной и нравственной, но все-таки несколько утопично-романтической русской культуры философского мышления [4, 5]. Подобное развитие событий, конечно, более чем желательно и привлекательно. Но, к сожалению, идея достижения всеобщего благоденствия все-таки уж больно напоминает перспективу «светлого будущего», которое в устах известных идеологов в свое время получило название «коммунизм» и было изрядно дискредитировано по ходу практической реализации. Но главное, конечно, то, что реалии современного мира пока что не дают повода для малейшего оптимизма, и если даже подобное гармоничное мироустройство когда-нибудь и будет достигнуто, то явно не в обозримом будущем.

И уж точно не в этих терминах думали конструкторы монополярного мира, когда проводили реальную политику не только по девальвации понятия суверенитета, но и по формированию мирового сообщества по определенным и не очень привлекательным стандартам. Характерно, что именно в тот период появилось множество книг и публикаций о неизбежном конце государства, из которых выделим фундаментальную монографию Мартина ван Кревельда [6, 7]. В этих трудах за теоретическую основу принималось то, что формирование общемирового политико-правового, экономического и информационного поля (иными словами – глобализации), а также возрастающая роль транснациональных компаний (ТНК), многочисленных международных и неправительственных организаций неизбежно снижают суверенность государств. По мнению авторов этих работ, в перспективе государство все больше будет перепоручать – на основе аутсорсинга – свои функции различным коммерческим и неправительственным структурам, и такие представления вполне соответствуют духу и реалиям, «постдемократической» эпохи [8-15]. Эти новые вызовы, как указывает известный социолог Данило Дзола, качественно «меняют отношения между тем, что когда-то называлось “civil society” и централизованными структурами государственной власти»¹.

По этому поводу следует особо подчеркнуть, что все концепции «конца государства» в той или иной степени зиждутся на объективных факторах и отражают существующие тенденции. Реальность этих явлений мы представим, в частности, с помощью

¹ Дзола Д., Авторитарный популизм.
<http://2010.gpf-yaroslav.ru/layout/set/print/viewpoint/Danilo - Dzolo - Avtoritarnyj-pop>.

некоторых фактов относительно роли транснациональных компаний, которых многие считают «основными виновниками конца государства».

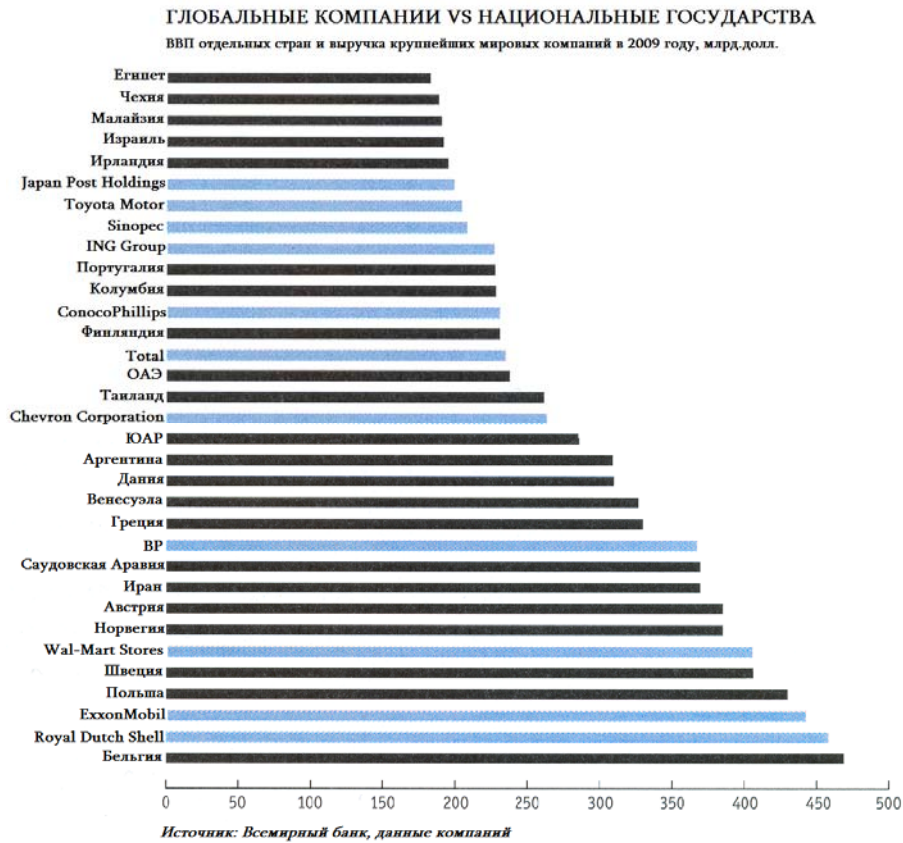
Считается, что прообразами *ТНК* были созданные в начале XVII века британская Ост-Индская компания и голландская Вест-Индская компания. Некоторые исследователи идут еще дальше и полагают, что первым *ТНК* был Орден тамплиеров, который в 1135г. стал заниматься транснациональным банковским делом [10]. Так или иначе, но сегодня, по данным ООН, существует уже более 65 тыс. *ТНК*, контролирующих свыше 850 тыс. аффилированных зарубежных компаний по всему миру, в которых занято свыше 74 млн. человек. Сегодня 52 из 100 крупнейших экономик в мире являются транснациональными компаниями и лишь 48 – государствами. Как видно из *Рис. 1*, у целого ряда *ТНК* (*Royal Dutch Shell, Exxon Mobil, BP, Chevron Corporation* и т.д.) ВВП больше, чем у таких развитых государств, как Польша, Швеция, Норвегия, Аргентина и т.д. [15].

На подобные компании приходится более 70% мировой торговли, причем 40% этой торговли происходит между различными *ТНК*. Отметим также, что ВВП пятисот крупных *ТНК* уже в 2004г. достигал \$21.9 трлн., что составляет около 61% мирового ВВП [16]. Примечательно, что среди 500 крупнейших транснациональных корпораций лидируют компании США. В 2000г. в США насчитывалось 185 *ТНК*, тогда как в Японии – 108, в Германии и Англии – по 34, во Франции – 32, а в Нидерландах – 11.

Вместе с тем у сторонников «десуверенизации» и «конца» государств есть немало оппонентов. Среди них много представи-

телей творческой элиты, которые уверены, что обесценивание суверенитета приведет к культурному перерождению наций и утрате их аутентичности. Неудивительно, что защитниками «государственного» концепта выступают также критики современного миропорядка, и среди них не только участники массового движения «антиглобалистов», но и представители мировой интеллектуальной элиты.

Рис. 1

С несколько иных позиций в защиту национального государства выступает экспертное сообщество «мозговых центров». В частности, аналитики военного ведомства Соединенных Штатов прогнозируют, что в обозримом будущем национальные суверенные государства, несмотря на все трансформации, останутся основными субъектами международных отношений и наиболее эффективным инструментом управления¹. Согласно военным экспертам, одним из основных вызовов для национальных государств является деятельность террористических сетевых организаций типа «Аль-Каиды». Эта организация тоже своего рода *ТНК* или *NGO* – «заменитель» государства в радикально исламском исполнении, объявивший джихад не только США, но и другому (кстати, тоже весьма условному) государству – «мировому сионизму». Противостоять и адекватно реагировать на такого рода вызовы возможно лишь при мобилизации всех национальных ресурсов, т.е. при сохранении и развитии национального государства². Аналогичную позицию занимают многие «гражданские» «мозговые центры» и в особенности европейские политики³: они традиционно большие «государственники», нежели их американские коллеги [17].

¹ http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2008/joe2008_jfcom.htm.

² Но наряду с этим усиление силовых ведомств создает для государства риски другого типа, и этот вопрос мы обсудим во второй главе этой книги. Отметим также, что проблема *разгосударствления* существует и внутри самих вооруженных сил, которые сегодня перепоручают целый ряд своих функций частным охранным и другого рода компаниям.

³ «Глобализация против системы национальной государственности» (интервью с бывшим советником президента Югославаии *Срджем Трифковичем*), <http://www.rodon.org/society-101230101034>.

Весомые аргументы придал «государственникам» экономический кризис 2009г., который показал, что преодолеть системные потрясения без государственного вмешательства практически невозможно. Кризис заставил многих экономистов и политиков самого высокого уровня критичнее относиться к догмам ультралиберальной экономики¹, элементами которой являются, в частности, и *ТНК*. Сделанные из кризиса выводы привели к серьезным изменениям в европейской экономической политике. Администрация президента Обамы также пытается, несмотря на жесткое сопротивление со стороны республиканцев, внедрить в практику некоторые принципы более государственно ориентированной экономики. Конечно, все эти усилия не скоро приведут к результатам, но процесс, как говорится, пошел...

Однако наиболее радикально укрепило как реальные, так и теоретические «позиции» национального государства формирование и практически неизбежное становление *многополярного* или, согласно некоторым аналитикам, *бесполярного* миропорядка, который по своей сути напоминает «поствестфальский мир» [18]. Многополярность начала XXI века, особенно при ее интерпретации в терминах бесполярности, по своей логике предполагает наличие, как минимум, нескольких военно-политических блоков, а также крупных «свободных» геополитических игроков вне каких-либо союзов: в какой-то мере таковым уже сегодня, несмотря на тяготение к ШОС, является Иран. В условиях

¹ *Roubin N.*, Capitalism Doomed? Karl Marx was right that globalization, financial intermediation, and income redistribution could lead capitalism to self-destruct. <http://www.microsofttranslator.com/officetrans/httpquery.aspx?lcidFrom=1033&lcidTo=1049&lcidUI=1033Is>.

экономической глобализации взаимоотношения стран в подобных блоках менее «жестки», чем, например, в биполярной системе. Так, сегодня отношения между США и странами ЕС в рамках наиболее состоявшейся организации – НАТО, далеко не безоблачны. Более того: от представителей некоторых европейских стран можно услышать голоса в пользу создания общеевропейских вооруженных сил вне НАТО. Еще большая «степень свободы» у членов новых военно-политических организаций, таких как ШОС или ОДКБ. Такое положение продиктовано желанием отдельных стран функционировать и лавировать между полюсами силы, по возможности исходя из собственных национальных интересов, что не всегда возможно в жесткой привязке к одному военно-политическому блоку.

Однако ведение многовекторной политики подразумевает эффективное государственное управление. Еще более высокие требования к государственной организации, когда имеются серьезные проблемы в сфере безопасности. Все эти обстоятельства характерны и для Армении, которая:

- Из-за проблем, связанных с политическим статусом НКР, находится в состоянии военно-политической конфронтации с Азербайджаном. Эта конфронтация фактически протекает в режиме «окопной войны».
- По причине процессов, связанных, в частности, с международным признанием Геноцида, имеет неурегулированные, часто переходящие в политическое противостояние отношения с союзницей Азербайджана Турцией. Эта страна осуществляет блокаду коммуникаций Армении, т.е. отношения

с ней можно охарактеризовать как положение «ни войны, ни мира».

- Перечисленные факторы предполагают ведение многовекторной, но не очень комфортной с дипломатической точки зрения политики как со стратегическим союзником – Россией (ОДКБ), так и с Западом (США, НАТО, ЕС).

Другой проблемой, которую нельзя решить без эффективного государства, являются внутренние вызовы. Дважды – в октябре 1999г. после расстрела политических лидеров в парламенте и после попытки радикальной оппозиции совершить «цветную революцию» в марте 2008г. – Армения оказывалась в крайне сложной обстановке. Не вызывает сомнений, что разрешение этих кризисов было бы невозможно без организации эффективных и энергичных мер со стороны государственных структур.

Но задача укрепления армянской государственности актуальна не только в свете внешних и внутренних угроз. Сплочение Диаспоры в контексте национальных интересов, даже при том, что сетцентричная система организации в данном случае является оптимальной, также предполагает наличие идеологического центра, которым должно быть и может быть только сильное армянское государство (хотя бы по той простой причине, что иной альтернативы пока не существует).

Перечисленные факторы просто вынуждают Армению иметь эффективное государство с предельно мобилизованными ресурсами и максимально высоким уровнем суверенитета. Такова ясная логика нашей национальной безопасности.

Известно, что в многополярной системе процесс глобализации принимает мультивекторный характер ([19], см. также следующую главу). Однако это не останавливает процесс общемировой экономической интеграции, формирование глобального информационного пространства, а также рост влияния корпораций, которые охотно и, главное, с выгодой берут на себя функции, ранее являющиеся прерогативой государства. Все эти факторы объективно способствуют трансформации традиционного государственного устройства, что в свою очередь меняет имеющиеся ранее представления о суверенитете.

Характерно, что сегодня, как, впрочем, и в прежние времена, практически во всех странах в той или иной форме происходит противоборство между институтами государства и бизнес-структурами¹. Этот процесс протекает перманентно и с переменным успехом – в зависимости от мировой конъюнктуры, усиливающей или же ослабляющей устои государства [20]. Однако вне зависимости от исхода такого противоборства более мощные в военно-экономическом плане государственные образования – современные империи – по определению имеют более высокий уровень суверенности. Эти империи нового типа, исходя из собственных национальных интересов, как это всегда и было, стремятся по возможности ограничивать независимость других субъектов и подчинить их своей воле. По этому поводу некоторые исследователи не без иронии полагают, что «если у вас нет ядерного оружия, совре-

¹ Элементы такого противоборства явно проглядываются во внутренней экономической политике администрации президента Б.Обамы.

менных средств ПВО и современного тактического оружия, вы можете ... стремительно присоединиться к “гуманитарной коалиции”¹, либо также стремительно получить от нее хорошую порцию томагавков и других сверхсовременных аргументов»².

Возвращаясь же к вопросу оценки перспектив суверенных государств в современную эпоху глобализации, на наш взгляд, следует придерживаться «примирительной» концепции Александра Кустарева³. Согласно Ал.Кустареву, «одна школа понимает суверенитет как “монолит”, другая же рассматривает суверенитет как “корзину” <...> между тем «можно синтезировать оба представления, если рассматривать суверенитет как “право” и как “ресурс”». Такой подход, на наш взгляд, наиболее адекватен существующим реалиям. Можно также утверждать, что суверенитет не является самоцелью, если существуют альтернативные, более оптимальные механизмы реализации национального потенциала и национальных устремлений. Такое положение мы видим в Евросоюзе, где на данном временном отрезке европейские государства отказались от части своих суверенных прав в пользу экономической интеграции и исключения повторения взаимоистребляющих войн на континенте, как это было в первой половине XX века. Сегодня ЕС является первой экономикой мира, и, несмотря на снижение уровня суверенитета некоторых его членов, о котором мы уже говорили, новые междоусобные войны ему в обозримом будущем не угрожают.

¹ Имеется в виду военная коалиция европейских государств, сформированная весной 2011г. против режима полковника Каддафи в Ливии.

² Фокин И., Государство. Что дальше? <http://www.rodon.org.society> – 110622135153.

³ Кустарев А., Государственный суверенитет в условиях глобализации. <http://www.polit.ru/research/2006/10/30/kustarev.html>.

Вместе с тем девальвация принципа суверенитета в заметной степени снизила военный потенциал ЕС (характерно, что оборонные функции для ЕС фактически выполняют США) и тем самым геополитическое значение Европы в целом. Не исключено, что в будущем это обстоятельство может обернуться для европейцев не лучшим образом.

Возвращаясь в наши дни, отметим, что степень суверенности той или иной страны не является чисто умозрительной, основанной на подборе отдельных фактов категорией: она поддается достаточно корректным количественным оценкам, примером чему индексы, которые рассчитываются при составлении рейтинг-листа *Failed States Index*.

Индекс «суверенности» в рейтинг-листе Failed States Index

Регулярно публикуемые рейтинги по тем или иным показателям (вплоть до определения степени «счастья» у разных народов) далеко не всегда следует принимать безоговорочно [21]. Однако есть «высокорейтинговые» организации, которые пользуются доверием экспертного сообщества. В частности, две весьма авторитетные организации – журнал «Международные отношения» (*Foreign Policy*¹) и Фонд мира (*Fund for Peace*²) – регулярно составляют и публикуют *Failed States Index*, что переводится как *Индекс недееспособности* или же *Индекс несостоятельности* государств (см. также [22-24]). При его составлении эксперты в течение года при помощи специального системного инструмента оценки кон-

¹ www.foreignpolicy.com.

² www.fundforpeace.org.

фликтов (*Conflict Assessment System Tool*) анализируют состояние государств. Другими словами, рейтинг-лист *Failed States Index* позволяет получить достаточно адекватные представления относительно уровня развития государственности той или иной страны, и это в равной мере относится к Армении. Заметим также, что несостоявшиеся государства, помимо всего прочего, играют особую роль в глобализационных процессах и военной стратегии, однако эти вопросы мы обсудим в следующем разделе.

Для выявления имеющихся тенденций относительно Армении и соседних с нею стран нами приведены и сопоставлены данные *Failed States Index*, опубликованные в 2006г. и 2011г.¹ При расчете *индексов* составителями учитывались следующие показатели (номера показателей соответствуют нумерации колонок в *Таблицах 1 и 2*).

Социальные показатели:

1. Уровень демографического давления,
2. Уровень миграция беженцев, перемещенных и интернированных лиц, что может привести к гуманитарной катастрофе,
3. Наличие недовольных и мстительно (реваншистски) настроенных групп,
4. Устойчивая и стабильная миграция людей.

Экономические показатели:

5. Неравномерное развитие разных отраслей экономики,
6. Уровень нестабильности экономики.

¹ <http://www.fundforpeace.org/web/index.php?option=comcontent&task=view&id=104&itenid=324>,
<http://www.fundforpeace.org/global/?q=fsi>,
<http://gtmarket.ru/news/state/2011/06/20/2980>.

Политические показатели:

7. Уровень криминализации и/или делегитимизации государственных структур,
8. Наличие и качество общественных услуг,
9. Уровень нарушения прав человека,
10. Уровень влияния аппарата государственной безопасности в качестве «государства в государстве»,
11. Уровень влияния групповых (клановых) элит,
12. Степень вмешательства других государств или внешних политических субъектов (условно можно называть степенью суверенитета).

Суммарный показатель

13. Сумма предыдущих 12 показателей.

Как следует из характера показателей, методика расчетов рейтинга такова, что чем больше баллов набирает та или иная страна, тем сильнее ее недееспособность или же несостоятельность. В последние годы наименьшее количество баллов набирают, как правило, скандинавские страны (Финляндия, Норвегия), которые, кстати, лидируют не только в списке *Failed States Index*, но и во многих других рейтингах. Мы же ограничимся сравнительным анализом показателей *Failed States Index* по странам нашего региона. При этом отметим, что полного количественного соответствия между данными 2006г. и 2011г. нет, т.к. в первом случае были подсчитаны данные по 146 странам, а в 2006г. – по 177. Однако несоответствие подобного характера в нашем конкретном случае не приводит к искажению результатов и позволяет делать вполне количественные выводы.

Данные (по странам региона) Failed States Index, опубликованные в 2006г. и 2011г.

Таблица 1

Страна	Год	Место	Показатели												
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Армения	2006	89	6.0	7.1	5.0	7.0	6.0	5.1	7.0	6.5	6.0	4.5	5.8	5.5	71.5
	2011	101	5.5	6.6	6.0	6.6	6.2	5.3	6.6	5.0	6.5	5.2	7.0	5.8	72.3
Турция	2006	82	7.2	6.1	7.3	5.0	8.6	4.1	6.1	5.7	5.0	6.4	6.9	6.0	74.4
	2011	104	5.9	6.0	8.3	4.5	7.4	5.5	5.9	5.7	5.2	4.0	7.5	5.6	71.5
Азербайджан	2006	61	6.0	8.1	7.3	5.0	7.5	5.9	8.1	6.5	6.0	7.0	7.5	7.0	81.9
	2011	63	5.8	7.9	7.5	5.4	6.9	5.5	7.7	5.7	7.2	7.0	7.8	7.5	81.9
Иран	2006	53	6.5	8.7	6.9	5.0	7.5	3.0	8.1	6.1	9.1	8.0	8.8	6.3	84.0
	2011	35	6.1	7.9	8.5	6.7	7.0	5.4	9.1	5.6	9.0	8.6	9.2	7.0	90.2
Грузия	2006	60	6.0	6.8	7.4	6.1	7.0	5.5	7.7	6.3	5.6	8.1	7.1	8.6	82.2
	2011	47	5.8	7.5	8.0	5.5	6.9	6.0	8.4	6.0	6.9	7.9	9.0	8.5	86.4

Таблица 2

Динамика положительных (в данном случае – со знаком минус) и отрицательных (со знаком плюс) тенденций мест и соответствующих показателей стран региона за 2006 – 2011гг. в рейтинге-листе Failed States Index

Страна	Место	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Армения	- 12	-0.5	-0.5	+1.0	-0.4	+0.2	+0.2	-0.4	-1.5	+0.5	+0.7	+1.2	+0.3	+0.8
Турция	- 22	-1.3	-0.1	+1.0	-0.5	-1.2	+1.4	-0.2	0.0	+0.2	-2.4	+0.6	-0.4	-2.9
Азербайджан	- 2	-0.2	-0.2	+0.2	+0.4	-0.6	-0.4	-0.4	-0.8	+1.2	0.0	+0.3	+0.5	0.0
Иран	+18	-0.4	-0.8	+1.6	+1.7	-0.5	+2.4	+1.0	-0.5	-0.1	+0.6	+0.4	+0.7	+6.2
Грузия	+ 13	-0.2	+0.7	+0.6	-0.6	-0.1	+0.5	+0.7	-0.3	+1.3	-0.2	+1.9	-0.1	+4.2

Из представленных в *Таблице 1* данных видно, что Армения вместе с Турцией является региональным лидером рейтинга (заметим, что еще в 2010г. Армения опережала Турцию в данном рейтинг-листе, и это обстоятельство следует воспринимать как своеобразный вызов) и опережает по критериям «состоятельности государства» не только Азербайджан и Грузию, но и «региональную империю» Иран.

Весьма наглядны и сравнительные тенденции, которые представлены в *Таблице 2*. Больше, чем остальные страны региона, за последние пять лет ухудшили свои позиции Иран и Грузия (соответственно на 18 и 13 пунктов). Армения же «спустилась» вниз на 12 мест (что, как мы уже отметили, является положительной тенденцией), тогда как Азербайджан улучшил свое положение только на 2 пункта. Лучший результат по этому критерию у Турции, которая продвинулась вперед на 22 пункта.

Данные *Таблицы 2* свидетельствуют, что Армения за последние пять лет в целом несколько ухудшила свои суммарные баллы (на 0.8 пункта по суммарному показателю *13*). На наш взгляд, это связано, в частности, с действиями радикальной оппозиции, вызвавшими беспорядки в ходе попытки совершить «цветную революцию» в марте 2008г. (показатель *3* – наличие недовольных групп – для Армении вырос на целый пункт). Противодействие же этим акциям со стороны властей, скорее всего, нашло отражение в показателях *10* и *11* – уровень влияния аппарата государственной безопасности в качестве «государства в государстве» и уровень влияния групповых элит соответственно.

Другим заметным негативным изменением для Армении за последние пять лет следует считать повышение показателей 5 и 6 – *неравномерное развитие разных отраслей экономики и уровень нестабильности экономики*, что, скорее всего, является ожидаемым результатом в свете экономических проблем республики.

Сегодня в СМИ часто можно услышать, что в регионе наиболее демократичной страной является Грузия. Между тем из рейтинг-листа следует (9-ая колонка – «права человека»), что если соответствующий показатель Армении в 2006г. лишь незначительно уступал Грузии, то уже в 2011г. наша республика на 0,4 пункта превосходит соседнюю страну еще и по этому показателю.

Армения по реальному уровню своего суверенитета опережает Азербайджан, Иран, Грузию и лишь незначительно уступает Турции. Этот фактор в рейтинг-листе *Failed States Index*-а отражен в данных колонки 12 («уровень влияния иностранных государств или внешних акторов»). Как следует из Таблиц 1 и 2, разница соответствующих показателей Армении и Азербайджана в 2011г. составляет 1.2 пункта, а чрезвычайно высокий индекс Грузии – 8.5, указывает на то, что эту республику в определенном смысле можно характеризовать термином *prohu* (см. выше), то есть она фактически функционирует в режиме внешнего управления.

Представленные в этом разделе тезисы и факты можно резюмировать следующим образом. Армения победила в Арцахской войне в основном благодаря наличию необходимых ресурсов в государственно-организационной, военно-политической и духовно-интеллектуальной сферах. В результате геополитических катаклизмов, а также протекающей на глобальном уровне

девальвации государства в целом, значительная часть этих ресурсов была утеряна. Несмотря на это, Армения сохранила достаточный запас прочности, чтобы удерживать лидирующие позиции в регионе по критериям дееспособности и суверенности национального государства.

Между тем лидерства лишь в региональном масштабе для армянского общества явно не достаточно. Однако для реализации более амбициозных проектов необходимо решить немало сложных проблем, без чего просто невозможно продвигаться вперед. Так, важнейшей стратегической задачей является создание оптимального и конкурентоспособного идеологического пространства. Корректное формирование подобного пространства подразумевает множество предусловий, одним из которых является адекватное восприятие основных мировых трендов в сфере идеологии и глобализации. Но обо всем этом – в следующей главе.

Литература

1. Наши победы (в 4-х томах). – Ереван: НОФ «Нораванк», 2008-2011гг. (на арм. языке).
2. Курлански М., 1968: год, который потряс мир. – М.: АСТ, 2008.
3. Кокшаров А., Дивергенция суверенитета. Эксперт, #27, с. 20, 2011.
4. Федотова В., Второе дыхание Вестфальской системы. Политический класс, #4(28), с. 97, 2007.
5. Панарин А., Искушение глобализмом. Русский Национальный Фонд. – М., 2000.
6. ван Кревельд М., Расцвет и упадок государства. – М.: ИРИСЕН, 2006.
7. Orrin C. Judd, Paul Driessen, Ramesh Ponnuru, Jeremy Rabkin and Norton Dupor, Redefining Sovereignty. Heritage Lectures, April 10, 2007.
8. Крауч К., Постдемократия. – М.: Изд-во Государственного университета – Высшая школа экономики, 2010.

9. *Десягин М.*, Кризис человечества: выживет ли Россия в нерусской смуте? – Владимир: АСТ Астрель, 2010.
10. *Майклтуэйт Дж., Вулдридж Ад.*, Компания: краткая история революционной идеи. – М.: Хорошая книга, 2010.
11. *Хаггер Н.*, Синдикат. – М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2008.
12. *Лоран Э.*, Нефть. – М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2007.
13. *Хаттон У.*, Мир, в котором мы живем. – М.: Ладомир, 2004.
14. *Кляйн Н.*, Доктрина шока. – М.: Хорошая книга, 2009.
15. *Носырев И., Рябова Е., Молина М.*, Новый мировой порядок. РБК, #1-2, с. 26, 2011.
16. *Горщарик А.*, Глобализация и геополитические интересы России в начале XXI века. Геополитическая доктрина России: реалии и проблемы выбора. Материалы научной конференции – Санкт Петербург, с. 234, 2004.
17. *Райнерт Э.*, Повторение пройденного: как бы ни заклинали неолибералы, идея о государстве не мертва. Эксперт #1 (735), 2011.
18. *Тер-Арутюнянц Г.*, Многополярная и асимметричная Холодная война. Вестник Академии Военных наук, #4(21), с. 23, 2007.
19. *Арутюнян Г., Кюрегян Э.*, Разновекторная глобализация, перманентный хаос и вопросы политкорректности. Альманах добрососедства (Сборник статей участников цикла международных конференций «Неконфликтное прочтение истории – основа добрососедства», Алматы-Москва-Харьков-Кишинев, Москва – сентябрь), с. 78, 2009.
20. *Bremmer I.*, The End of the Free market: Who Wins the War Between States and Corporations? Portofolio, 2010 (цитируется по статье А.Юрьева, «Война» двух систем капитализма: быть или не быть? Международная жизнь, апрель, с. 154, 2011).
21. *Марджанян А.*, О справочнике «Heritage Foundation» по экономическим свободам». 21-й Век, #3(17), 2007 (на арм. языке).
22. *Арутюнян Г.*, Армения в глобальном мире. 21-й Век, # 2(6), с. 3, 2007.
23. *Арутюнян Г.*, Армения 2006: адекватность глобальному миру. КАВ-КАЗ: Ежегодник КИСМИ. – Ереван, с. 57, 2008.
24. *Вераян К.*, Республика Армения в системе международных рейтингов. – Ереван: НОФ «Нораванк», 2010 (на арм. языке).

МУЛЬТИВЕКТОРНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ТРИАДА ИДЕОЛОГИЙ

Происходящие в мире системные изменения, и в первую очередь формирование многополярного миропорядка, неизбежно ведут к переосмыслению некоторых укоренившихся представлений. Это относится, например, к такому основополагающему понятию, как глобализация, пущенному в информационный оборот в конце прошлого века¹. Этот термин, пожалуй, наиболее целостно характеризует реалии современного мироустройства.

В лексиконе политических комментариев и аналитических материалов в СМИ намного реже используется термин «хаос» или же его модификация – «управляемый хаос». Однако в экспертной литературе это понятие также считают ключевым, поскольку именно оно позволяет адекватно воспринимать и интерпретировать присущие нашей эпохе сложные геополитические, информационные и социально-экономические процессы.

Но реже всего в информационном пространстве можно встретить слово «идеология». Более того, упоминания о ней считаются в некотором смысле неполиткорректными и сегодня ассоциируются исключительно с идеологическими установками коммунизма или фашизма. Поэтому в определенных сегментах

¹ Принято считать, что термин «глобализация» впервые применил американский социолог Дж.Маклин в 1981г.

мирового сообщества полагают, что понятие «идеология» является пережитком «нехорошего» прошлого и в просвещенную эпоху глобализации разговоры о нем просто неуместны.

Между тем формирование многополярного миропорядка вносит существенные коррективы в эти процессы, явления и философские категории. Соответственно должна измениться как их интерпретация со стороны экспертного сообщества, так и терминология их описания. Например, в многополярной системе существенно изменился механизм глобализации: новые мировые центры силы по-своему (часто в антагонистических терминах) представляют, интерпретируют и реализуют глобальную интеграцию, особенно в информационно-культурных сферах. При таком развитии должны трансформироваться как причины, так и частота возникновения хаотических развитий. Среди прочих последствий в условиях хаоса естественным образом снижается глобальная управляемость. Это же обстоятельство актуализирует вопрос жизнеспособности отдельных государств и даже цивилизаций. Как мы покажем ниже, жизнеспособность и конкурентоспособность наций и государств во многом зависят от эффективности используемых ими идеологических конструкций.

Начнем обсуждение этих проблем с попытки переосмысления сути «глобализации». Она не совсем обоснованно воспринимается как явление, характерное исключительно для нашей эпохи. Однако представляется, что те или иные формы глобализации имели место начиная с момента образования первых империй.

Имперская «локальная глобализация»

Глобализация не имеет строгого научного определения, однако под этим термином, как правило, понимают «объективный процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации», усиление взаимосвязанности государств, что в итоге может или должно превратить мир в единое целое. Также предполагается, что глобализация, с учетом современных коммуникационных возможностей, сформирует общее информационное пространство, что в конечном итоге приведет к единообразию мировосприятия населения планеты. Одним из социально-политических результатов глобализации является снижение уровня мирового «беспорядка» и повышение уровня «порядка» – иными словами, повышение управляемости в целом.

Однако эти формулировки как бы оставляют открытым вопрос об источниках создания и распространения технологий (подразумеваются те сферы жизнедеятельности, которые так или иначе основаны на знаниях и опыте: наука, техника, искусство, политика, экономика и т.д.), которые должны предопределять общемировые стандарты. Между тем очевидно, что мир крайне неоднороден, и главными генераторами, а также распространителями технологий являются развитые общества [1-3]. Поэтому, несмотря на формирование «глобальных ворот» и других атрибутов, облегчающих распространение технологий, глобализированность по основным политико-социально-культурным характеристикам во многих странах проявляется в поверхностно-имитационной форме. В этом аспекте отметим, что термин «глокали-

зация»¹, конечно же, совершенно верно указывает на ограниченные возможности распространения стандартизированной культуры. Однако современные тенденции указывают на то, что как раз в сферах поп-культуры, массовых коммуникаций и бытовой атрибутики можно усмотреть тенденции унификации, в то время как основные отличия между обществами находятся на уровне цивилизационно-мировоззренческой специфики.

Так или иначе, если принимать за основу наличие конкретных источников глобализации, то можно констатировать, что человечество со времен возникновения первых империй имело дело с явлениями, по своей сути очень похожими и даже идентичными с современной глобализацией. Правда, интеграционные процессы в те времена были менее интенсивны и масштабны и происходили в ограниченном пространстве, поэтому их корректнее определять термином «локальная глобализация».

Известно, что в империях происходит слияние различных этносов, культур и даже цивилизаций, как это имело место, например, в СССР, воспоминания о котором еще достаточно свежи. Очевидно, что приоритетной политической задачей «центра управления» любой империи является утверждение единых «правил игры» на контролируемых территориях и формирование максимальной социально-экономической гомогенности: ведь именно так можно обеспечить эффективное управление. В этом контексте весьма поучителен опыт не только античных империй, но и относительно недавних – российско-советской и Австро-

¹ Робертсон Р., Точка глобального осознания.
<http://www.russ.ru/pole/Tochka-global-nogo-osoznaniya>.

Венгерской империй. Любопытно, что последняя, с учетом ее особых отношений с Германией, являлась в некотором смысле «усеченным» прообразом нынешнего Евросоюза. Характерно также, что некоторые исследователи, и среди них известный социолог Зигмунд Бауман, полагают, что развитие и полноценная интеграция Европы возможна лишь при использовании методов и повторении опыта именно российско-советской империи¹.

Гомогенность информационно-идеологического пространства империи зависит не только от уровня развития коммуникационных средств в данный период времени. Она, конечно же, во многом обусловлена цивилизационно-культурным уровнем имперской нации или же (как это имело место в российской и советской империях) общества в целом, сформированного в результате интеграции имперских народов. Именно цивилизационный потенциал создает своего рода матрицу, которая предопределяет так называемую перманентность империи в информационно-временном измерении. Иными словами, благодаря цивилизационному потенциалу сохраняется не только память об империи, но и происходит активное использование технологий данной цивилизации в последующих эпохах. Например, достижения греко-римской цивилизации в культурной, научной, политической, юридической и других сферах в трансформированном, а иногда и в чистом виде используются до сих пор, чего не скажешь, например, об Османской империи.

В то же время глобализация монополярной эпохи по своим масштабам и темпам отличалась от аналогичных процессов в им-

¹ Бауман З., Прошлое России – это будущее Европы.
<http://www.rodon.org/polit-110519100638>.

перях прошлого: она, из-за революционных преобразований в информационно-коммуникационной сфере, протекала намного быстрее и эффективнее.

Моновекторная глобализация и «хаос»

Глобализация нашей эпохи также в значительной мере является выражением имперской формы правления. Главным «регулирующим» и «контролером» этого практически моновекторного процесса в однополярной системе (теперь уже бывшей) были США. Эта владеющая огромными ресурсами держава доминировала во всех сферах, и глобализация, согласно представлениям американского истеблишмента, была необходимым средством обеспечения собственной национальной безопасности и мирового порядка. В этом контексте не кажется странным, что ряд исследователей, и среди них известный философ Александр Панарин, отождествляют понятия «глобализация» и «вестернизация», считая, что глобализация является попыткой формирования мира в соответствии с западной системой ценностей [4]. Из американских исследователей критически относится к целям и содержанию современной глобализации Иммануил Валлерстайн [5].

Примечательно, что, согласно концептуальным разработкам американских и британских «мозговых центров», глобализированные страны являются «функционирующим ядром» планеты, а находящиеся вне глобализационного пространства считаются «несостоявшимися» или же «неинтегрированной брешью»¹.

¹ Барнетт Т., Новая карта Пентагона: почему США обречены постоянно воевать в XXI веке. <http://www.warndpeace.ru/ru/analysis/view/59123>.

Как известно, западные аналитики в таких терминах определяют страны, которые не в состоянии контролировать свои территории и проживающие на них крупные социально-этнические группы. Согласно оценкам британских экспертов, в настоящее время в «несостоявшихся» странах, число которых достигает нескольких десятков, проживает 880 млн. человек [6]. Такими странами сегодня являются не только Ирак и Афганистан, но и владеющий ядерным оружием Пакистан. Именно в этих «брешах» доминируют «хаотические процессы», а такая ситуация, как мы уже отметили, угрожает безопасности Соединенных Штатов и их союзников. Поэтому вовлечение «несостоявшихся» стран в «глобализированное мировое сообщество» является приоритетной задачей американской национальной безопасности (см., например, [7]).

Вместе с тем «хаотичные» ситуации содержат значительный энергетический потенциал, использование и целевое направление которого может быть выгодным для глобального актора из политических, экономических и иных соображений. Исходя из подобных концепций, иногда в «зоны хаоса» могут искусственно превращаться страны, в действительности вполне состоявшиеся, но действующие не в соответствии с имперскими интересами.

Например, судя по всему, главной целью оккупации Ирака Соединенными Штатами было превращение этой довольно стабильной (если не учитывать курдский фактор) страны в зону, где преобладают хаотические процессы. Ныне в Ираке происходят непрекращающиеся межконфессиональные, межэтнические столкновения и террористические акции. После американской агрессии 2003г. жертвы среди гражданского населения Ирака,

согласно информации различных источников, составляют до одного миллиона, а покинули страну около 5 млн. человек¹. Таким образом, в этой стране фактически был спровоцирован геноцидальный процесс, инициатором которого являются США, а исполнителями (возможно, это звучит несколько парадоксально) – сами иракцы [8]. В итоге Ирак потерял статус одного из лидеров арабского мира, эта страна фактически расчленилась минимум на три части, а на Новом Ближнем Востоке сформировалась геополитически и геоэкономически новая ситуация – в соответствии со стратегическими интересами Соединенных Штатов (более подробно об этом смотри [8]). Однако это было далеко не все: процесс перекройки Ближнего Востока был возобновлен в 2011г. Волна революций и развязанная «гражданская война» в Ливии под аккомпанемент воздушных налетов создали хаотическую обстановку в этом регионе. Возможное будущее арабского мира в контексте глобальной перестройки мы обсудим в главе «Сценарии глобального управления» в третьей части книги.

Однако используемое в данном аспекте определение «управляемый хаос», скорее всего, не совсем корректно: инициированный по политическим соображениям хаос может каким-то образом управляться лишь на начальных этапах. Потом же наступает фаза, когда процесс развивается по своим специфичным канонам и его конечный результат (быть может, в несколько отдаленном будущем) вовсе не обязательно совпадает с исходными расчетами инициатора.

¹ *Примаков Е.*, «Арабская весна» и теория столкновения цивилизаций.
http://www.csef.ru/studies/politics/projects/arab_revolution/articles/1700/.

Характерно, что концепты относительно хаотических территорий – «неинтегрированной брешы» – существовали и в историческом прошлом. Например, греки, римляне и китайцы воспринимали народы и племена вне «глобализированных» имперских территорий как «варваров» и считали их крайне опасными для своих государств. В то же время эти империи часто использовали тех же «варваров» в своих интересах, натравливая их друг на друга или же на своих противников. В этой связи заслуживает внимания то обстоятельство, что в результате военно-политической эволюции «варвары» иногда приобретали статус наследников и продолжателей имперской цивилизации, как это произошло после падения Рима. Согласно некоторым экспертам, подобный сценарий не исключается и для в каком-то смысле преемницы Рима – Европы: демографические тенденции и, как следствие, процесс исламизации в этой части света вполне могут привести к «римскому сценарию». Однако говорить о продолжении греко-римско-европейской цивилизации при таком развитии, скорее всего, будет крайне проблематично¹ (см., например, [9]).

В этой связи уместно также вспомнить эволюцию Византии. Завладевшие этой империей «турки-сельджуки» так и не смогли стать продолжателями традиций богатой византийской культуры – сегодня основными наследниками этой цивилизации считаются греки, славянские народы и армяне. Классическим примером стабильной и перманентной империи, пожалуй, можно считать Китай: китайцы, даже с учетом многовековой эволюции и преоб-

¹ Эдварда Люттвак и Тило Саррацин о мультикультурализме, Титаник «Европа». <http://www.rodon.org/society-110728143032>.

разований, до сих пор в основном контролируют свои территории и являются прямыми наследниками и носителями китайских цивилизационных ценностей.

Рассмотрение исторических прецедентов актуально с точки зрения оценки современных развитий. Сегодня впечатление таково, что уступающая позиции англо-саксонская цивилизация¹, несмотря ни на что, имеет необходимые ресурсы для повторения (в той или иной мере) китайского прецедента. В то же время в многополярном миропорядке жизнеспособность любой страны обусловлена не только ее материальным и интеллектуальным потенциалом, но и способностью вести равноправный диалог с представителями других цивилизаций. Но для этого необходимы соответствующие духовные и идеологические ресурсы. В этом аспекте для тех же США серьезным испытанием является установление многополярности и качественное изменение режима глобализации.

Мультивекторная глобализация

Как мы уже отметили, в условиях многополярной Холодной войны США потеряли монополию «регулирующего-контролера» глобализации (см., в частности, [10, 11]). Появились новые геополитические акторы, чьи представления о мировом гомогенном пространстве отличаются от американских, т.е., помимо США, сформировались центры материальных и нематериальных ресурсов, которые в состоянии осуществить в мировом масштабе экспансию собственных цивилизационных ценностей и других техно-

¹ См., например, *Джозеф Най-младший*, Будущее американской власти. http://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/budushheje_amerikanskoj_vlasti_2010-12-27.htm.

логий или, иными словами, быть генератором глобализации. Очевидно, что системы ценностей и политический строй этих центров могут отличаться друг от друга, что обуславливает различные, порой – противоречивые или диаметрально противоположные векторы глобализационных процессов [12, 13]. Новостью в этом процессе является то, что «глобализаторами» в многополярной и «незаорганизованной» системе могут быть не только крупные державы, но и другие субъекты – не очень крупные государства, обладающие «критической массой» технологических ресурсов и соответствующим инструментарием (информационным, экономическим, лоббистским и т.д.) для внедрения в глобальном пространстве собственных ценностей и стандартов.

Вместе с тем статус глобального актора в новых реалиях могут приобрести также негосударственные структуры, в частности ТНК (см. концепцию *ноополитики*, выдвинутой в 1999г. экспертом *RAND Corporation* Джоном Арквиллом¹, а также предыдущую и последующую главы книги). Эти компании, конечно, в основном выражают интересы своих «родных» держав, однако впечатление таково, что многие из них в многополярной системе, с учетом ослабления роли государства в целом, начнут действовать более самостоятельно. Той же логике могут следовать и крупные международные и неправительственные организации (*NGO*), различные клубы/ассоциации, имеющие соответствующие ресурсы и рычаги влияния. Такие структуры, пользуясь возможностями новых коммуникационных технологий, в состоянии реализовать крупные проекты и таким путем войти в «клуб глобализаторов».

¹ *Arquilla J.*, The Emergence of Noopolitik: Toward an American Information Strategy, RAND Corporation, 1999. <http://www.washprofile.org/en/node/943>.

В этом же контексте заслуживают повышенного внимания террористические группировки, имеющие информационно-сетевую структуру. По некоторым оценкам, подобные организации могут в принципе завладеть оружием массового поражения (например, в том же «неглобализованном» Пакистане). Угроза применения или же возможное применение (с учетом менталитета «шахидов» такое вполне реально) подобного рода оружия способны создать хаос в глобальном масштабе и привести к системным изменениям.

Таким образом, в мире складывается новая обстановка, в которой процессы глобализации приобрели мультивекторный характер. Это никак не говорит о том, что США полностью потеряли свои позиции доминирующего «глобализатора»: они по-прежнему очень влиятельны и сохраняют свое положение «более равного среди равных». Но новые тенденции они чувствуют очень остро, и не удивительно, что в подконтрольных им СМИ термин «глобализация» употребляется все реже: ведь этот проект просто потерял прежнюю привлекательность.

В контексте вышесказанного еще раз подчеркнем, что если, например, в сугубо научно-технической сфере направленность деятельности «глобализаторов» может и совпасть, то векторы цивилизационно-идеологических, а также экономических экспансий могут быть противоположными, т.е. процесс приобрел мультивекторный характер. Отсюда следует, что современная глобализация в принципе может не «упорядочивать» мировое сообщество, а при некоторых сценариях развития способствовать формированию «беспорядка» и «хаоса». Эта тенденция усиливается

также стремлением ТНК и влиятельных *NGO* ослабить и даже заменить собой государственные структуры. Сегодня уже общепринятым стало мнение о том, что масштабный кризис 2008г. во многом был обусловлен действиями именно крупных, фактически неконтролируемых корпораций (см. предыдущую главу).

Из всего этого следует, что мультивекторная глобализация, вкупе с тенденцией ослабления государства, содержит в себе определенные механизмы «хаотизации». Известно также, что в информационную эпоху частота событий увеличивается, а скорость происходящих процессов постоянно возрастает. Это способствует увеличению «беспорядка», поскольку общество и традиционные органы управления не успевают вовремя и адекватно реагировать на угрозы. Подобного рода вызовы диктуют создание новых защитных механизмов для национальных государств и цивилизационных сообществ. Есть все основания полагать, что эффективным механизмом для противодействия новым рискам может стать применение политических технологий, целью которых является формирование полиидеологических систем управления обществом. Не случайно, что глобальный кризис 2008г. синхронизировал определенные сдвиги именно в этом направлении.

Полиидеологические сообщества

Экономический кризис 2008г. порой представляется следствием неких ошибок, допущенных исключительно в финансовой сфере. Однако такая упрощенная трактовка неубедительна, так как экономические проблемы в свою очередь являются компонентом глобальной ситуации в целом. В частности, становление много-

полярного мира свидетельствует об окончании американской монополии не только в политической и экономической сферах. Принявшая тоталитарный характер либеральная (или же неолиберальная) идеология – важнейший инструмент управления монополярным миром, на который опирается система ценностей потребительского общества, – сегодня также теряет свои доминирующие позиции. Это значит, что изменения происходят прежде всего в общественном сознании и психологии, т.е. в идеологической сфере устанавливаются новые, в некотором смысле тоже многополярные, подходы. Подобные концептуальные изменения отражаются на ранее общепринятых понятиях национальной безопасности и идеологии [14].

Сегодня характерные для западного (особенно американского) общества постулаты либерализма (или же неолиберализма, который в американской редакции вполне гармонирует с установками неоконсерватизма) и составляющие с ними единое целое методы хозяйствования уступают свои монопольные позиции. Частично об этом свидетельствует значительное усиление роли и вмешательства государства (не только в Европе, где такая практика традиционна, но в США) в вопросы регулирования рынка. Проявлением таких действий стало спасение государством крупнейших обанкротившихся корпораций, предоставление госсубсидий частным компаниям (на эти цели потрачено более триллиона долларов) и параллельно с этим попытки (пока не очень успешные) частичного переложения на плечи более богатых граждан финансовых забот о социальных программах. Примечательная деталь: сегодня научно-экспертное сообщество ста-

ло перечитывать забытый, казалось бы, «Капитал» Карла Маркса, который был переиздан в ряде стран беспрецедентно большими тиражами. Все это свидетельствует о том, что есть все основания утверждать, что логика нынешних развитий в какой-то степени легитимизирует социалистические идеи в традиционно либеральных обществах¹.

Создавшаяся ситуация отличается от той, что имела место в 90-ые годы прошлого столетия, когда распад советской системы произошел в первую очередь из-за идеологического кризиса. В те годы стремились объявить «вне закона» социалистическо-коммунистические идеи, в то время как нынешние идеологические переоценки никак не предполагают забвения классиков либерализма. Сегодня для решения возникших вопросов применяются любые идеолого-экономические модели или методы, лишь бы они были эффективными. Иными словами, действует принцип: «для решения проблем хороши все методы, кроме плохих». В результате формируются полиидеологические общества, где в определенных пропорциях функционируют как универсальные (или базовые – социалистические и либеральные²), так и национально-консервативные представления [14]. Универсальные идеологии прошли определенную эволюцию и утратили свою прежнюю од-

¹ Roubini N., Capitalism Doomed? Karl Marx was right that globalization, financial intermediation, and income redistribution could lead capitalism to self-destruct. <http://www.microsofttranslator.com/officetrans/httpquery.aspx?lcidFrom=1033&lcidTo=1049&lcidUI=1033Is>.

² Иногда можно встретить определение, согласно которому к базисным идеологиям причисляют также и «демократизм». Нам же кажется, что он в универсальном виде содержится в *либерализме*, а цивилизационно-национальная специфика демократии отражается в консервативных учениях.

нозначность и безапелляционность, что было особенно характерно, например, для тоталитарно-коммунистической или вульгарно-либеральной концепций.

Термину «идеология», введенному в европейскую традицию Антуаном Дестьютотом дэ Трасси («Элементы идеологии», 1801), по сей день даются многочисленные, зачастую взаимодополняющие определения. Это естественно для сложных и эволюционирующих понятий, и мы, в зависимости от контекста, будем использовать те или иные определения этого понятия. Вдобавок, с 90-х годов, вполне в духе так называемого постмодернизма, происходит своеобразное переименование разных идеологий. Например, в Великобритании «неолейбористы»¹ представляют «либерально-социалистическое» направление [15]. В администрации Дж.Буша-младшего важную роль играли «неоконсерваторы», в идеологических истоках которых, по мнению многих исследователей, явно проступали концепты «троцкизма» и т.д.. Как следствие таких процессов возрастает совместимость разных мировосприятий. Формируется многокомпонентное, но не разрозненное, а стремящееся к общности и взаимодополняемости полиидеологическое пространство.

Такая тенденция является эволюционным развитием разработанных ранее политических мировоззрений и технологий. Полиидеологический формат увеличивает и, главное, делает более разнообразными концептуальные ресурсы общества, что позволяет наиболее адекватно реагировать на вызовы в форме как жестко-

¹ Громыко А., Конец идеологии или контуры новой «большой идеи»? http://www.ieras.ru/gromyko_ar5.htm.

го противодействия, так и в режиме использования этих вызовов во благо. Очевидно, что общество, применяющее подобные формы идейной самоорганизации, существенно повышает свои возможности в геополитической, геоэкономической и других сферах. В данном аспекте попытаемся схематично сравнить и оценить эффективность системы национальной безопасности некоторых обществ в зависимости от типа их идеологической формации.

Англо-американские политтехнологии

Примером эффективной полиидеологической организации, пожалуй, является опыт Великобритании, воплощенный также в остальных англоязычных странах. Внутри обществ этих стран имело и имеет место определенная идеологическая толерантность: носители консервативных и лейбористских (в известной мере – социалистической направленности) концептов разработали взаимодополняющие механизмы и совместно действуют на либеральном идеологическом поле, близком к англосаксонскому менталитету. Этим следует объяснять, в частности, крупные стратегические достижения Британской империи (принято считать, что Соединенные Штаты – преемники и наследники Британской империи) и тот факт, что за последние несколько веков англосаксы сумели сохранить мировое лидерство.

Примечательно, что США, перенеяв политическую логику британцев, из-за своеобразия своего исторического развития проигнорировали важность политического значения левой ориентации. В результате, крайнее культивирование либерализма и потребительства в Соединенных Штатах привело к возникновению

серьезных проблем, вследствие которых эта держава стала утрачивать позиции мирового лидера. Наличие идеологических уступок, кажется, осознано американской элитой, и именно этим обусловливается легитимизация некоторых социалистических постулатов и попытка создания механизмов «сдержанности» (если уже не поздно) в американском обществе (см., например, [16]).

Европа без национальной идеологии

В континентальной Европе и сегодня традиционно развиты универсальные (либеральные и социалистические) идеологии (см., например, [17]). Вместе с тем, после краха национал-социализма и Третьего рейха, любые проявления националистических тенденций в современной Европе негативно воспринимаются международным сообществом. Более того, политическое устройство послевоенной Европы и создание Европейского союза во многом направлено на исключение прецедента Третьего рейха. Тем не менее в некоторых европейских странах функционируют политические партии национально-консервативного толка, которые зачастую выступают против интеграционных проектов ЕС. Характерно, что в последнее время лидеры крупных европейских стран практически одновременно выступили с признанием несостоятельности мультикультурального проекта, а в некоторых странах (например, в Венгрии), стремятся законодательно отредактировать европейские принципы толерантности.

Возможно, на каком-то этапе все-таки будет сформирована некая общеевропейская национальная идентичность, и этому не в последнюю очередь будет способствовать именно усиление нето-

лерантности по отношению к мигрантам. Однако пока можно констатировать, что ЕС, будучи самой крупной экономикой мира, в плане геополитического влияния и военного потенциала не занимает ведущие позиции, т.к. организация, ответственная за его оборону, – НАТО – находится под фактическим контролем американцев. Характерно, что слабеющие США даже призывают своих союзников больше заниматься военным строительством, но пока тщетно. Одной из причин такого положения дел является, среди прочего, отсутствие общеевропейской национальной идеологии.

Китайская триада

С точки зрения значения оптимальной идеологической триады, особого внимания заслуживает «китайское чудо». Всего лишь два десятилетия назад Китай находился под грузом многочисленных и разнообразных проблем. Такая же обстановка была в моноидеологическом СССР, который не сумел адекватно отреагировать на вызовы и распался. Однако в конце прошлого века в Китае сумели переломить ситуацию. Благодаря реформам Ден Сяопина сформировалось полиидеологическое поле, в котором уместились не только социалистические¹ и национально-консервативные (конфуцианские), но и либеральные концепты. Китай сегодня обоснованно претендует на роль глобального лидера, так как сумел эффективно использовать свои цивилизационные традиции (в частности, в сфере стратегического планирования [20, 21]) и активно воспринять реалии XXI века. Пример стремительного

¹ Отметим, что взгляды на социалистическое мироустройство в Китае сформировались уже в V в. до н.э. на основе учения мыслителя Мо-Ди [18,19].

усиления этой державы наглядно свидетельствует об эффективности формирования идеологической триады.

Идеологический вопрос в России

Наряду с националистическими и либеральными идеями менталитету значительной части российского общества близки социалистические идеи (основой которых принято считать традиционную структуру русской сельской общины). Известно, что в России мировоззренческие противоречия привели к революциям (в 1917г. – социалистической, а в 1991г. – либеральной), со всеми вытекающими из этого негативными последствиями и насильственной доминацией какой-либо одной идеологической концепции. В результате, обладающая необходимыми предпосылками и амбициями на роль мирового лидера Россия в последнее столетие периодически оказывается в сложных ситуациях. Исходя из этих исторических уроков, нынешние российские власти пытаются как-то совмещать разные идеологические течения. В любом случае следует констатировать, что неблагоприятная ситуация в идеологической сфере отрицательно повлияла на развитие российско-славянского мира.

Ислам и либерализм

Нынешняя общая ситуация в исламском мире характеризуется стремлением религиозного консерватизма к доминированию в идеологической сфере. Примечательно, что те страны, которые сумели совместить религиозный традиционализм (содержащий в себе, в частности, и определенные представления о социальной

справедливости) и либеральные, а также чисто национальные подходы, существенно улучшили свое положение в международном сообществе. Среди подобных государств, наряду с Турцией, Мьянмой и Индонезией, особого внимания заслуживает Иран, где, кажется, удалось в достаточной степени интегрировать фундаментальный ислам, иранские национально-цивилизационные традиции и элементы демократического либерализма. В результате эта страна превратилась в регионального лидера и выступает как одна из наиболее динамично и разносторонне развивающихся стран на международной арене. Заметим, что причиной недостаточной конкурентоспособности исламских стран иногда считают некоторый недостаток интеллектуальных ресурсов. В этом плане примечательно, что Иран с помощью ракеты собственного изготовления запустил в космос спутник, а в сфере нанотехнологий иранские ученые занимают 25 место в мире по цитируемости [22]. Отметим, что Иран – пока единственная исламская страна, со столь сильными позициями в этой области.

Актуальность идеологической «триады» для Армении

Армения, как постсоветская республика, в идеологической сфере в определенной мере повторила опыт постсоветских республик, в которых произошла революционная «деидеологизация». Но относительно недавно Республиканская партия Армении провозгласила в качестве своей идеологии консерватизм, что является подвижкой в процессе формирования конкурентоспособной идеологической системы. В этом контексте нынешнюю оппозицион-

ность партии АРФД («Дашнакцутюн») можно воспринимать, по всем канонам политической науки – исключительно как стимул для усовершенствования национально-идеологической сферы. Есть также признаки того, что в республике формируются партии либеральной направленности (например, «Жарангутюн»), которые – что очень важно – отмежевываются от «вульгарного либерализма» девяностых годов [23, 24].

Однако для формирования адекватной глобальным вызовам идеологической «триады» политическая элита страны должна создать условия для того, чтобы в стране состоялась политическая партия социалистической направленности. Подобная политическая технология позволит не только эффективно разрабатывать механизмы урегулирования внутренних социальных проблем, она будет также способствовать развитию взаимоотношений с другими странами (КНР, государства ЕС), где партии социалистической направленности играют важную роль. В этом контексте заметим, что, к сожалению, в свое время Компартия республики и другие партии соцнаправленности не смогли должным образом воспринять новые реалии и соответственно перестроиться. Более гибкими оказались социал-демократы, но и их организационных ресурсов пока недостаточно для полноценного политического функционирования. Для решения этого вопроса, как уже отмечалось, требуется применение специальных политических технологий с поддержкой со стороны государственных и политических структур.

На наш взгляд, крайне важно, что в свое время «традиционные» армянские партии «Дашнакцутюн», «Гнчакян» и «Рамкавар»

более чем соответствовали современным представлениям о «гармонической идеологической триаде»: они представляли соответственно национальные, социалистические и либеральные течения. К сожалению, сегодня трудно говорить об общеармянском значении и конкурентоспособности партий «Рамкавар» и «Гнчакян». Однако прецедент национального многопартийного строительства весьма поучителен и его следует обновить и применять в современных реалиях.

Из приведенных примеров следует, что структура идеологического пространства общества предопределяет эффективность и жизнеспособность государства в целом. Это непосредственно указывает на то, что понятия идеологии и национальной безопасности коррелируют между собой [14]. Поэтому при более детальном рассмотрении проблемы должна выявиться общность этих категорий. Попытаемся разобраться в этом вопросе.

Идеология и национальная безопасность

Согласно современным обществоведческим представлениям, ***идеология определяется как «комплекс инструкций, обеспечивающий наиболее эффективный режим функционирования и взаимосвязанности протекающих процессов»***. Эта содержащая в себе глубину и динамизм инновационная формулировка Вячеслава Янко¹, на наш взгляд, однозначно применима также для определения национальной безопасности. То есть можно выдвинуть тезис, что в современных условиях задачи интегральной идеологии (идеологической триады) и *НБ*, а также методология решения задач в этих сферах, идейно и практически совпадают.

¹ См. работы автора на сайте <http://yanko.lib.ru>.

Как в идеологической триаде, так и в *ИБ* эффективность функционирования системы предполагает четкое взаимодействие всех сфер жизнедеятельности. Из этого, в частности, следует, что являющаяся важнейшим компонентом *ИБ* информационную безопасность (*ИБ*), которая «ответственна» за «эффективный режим функционирования» в интеллектуально-духовной сфере (технические методы обеспечения *ИБ* в этом контексте являются всего лишь инструментарием), можно идентифицировать с национально-консервативным сегментом интегральной идеологии общества.

Согласно классическим определениям, консервативная идеология – это система воззрений и национальных ценностей, опирающихся на идею традиции и преемственности в культурной и социальной жизни. В свою очередь, идеологию можно считать реальным фактором только в том случае, когда она становится элементом общественного сознания, а этого можно добиться исключительно посредством информационных технологий (широко интерпретируя этот термин и не подразумевая под ним лишь упрощенную пропаганду или набор технических средств). Иными словами, национально-консервативная идеология, если необходимость ее осознана обществом и элитой, должна иметь приоритетный статус в информационном пространстве данного сообщества. Отсюда следует, что основными задачами информационной безопасности являются:

- Встраивание идеологии в собственное информационное пространство.

- Постоянная модернизация и совершенствование основных постулатов национально-консервативной идеологии с учетом реалий современного мира, защита этих постулатов (в смысле контента) от искажений.
- Распространение во внешнем информационном пространстве идеологических концептов в контексте национальных интересов (в режиме сетцентрической, основанной на эффектах информационной политики, см. главу «Цивилизации и информационная безопасность» во второй части книги).

Таким образом, если интегральная идеология общества и обобщенные постулаты *НБ* тождественны, то национально-консервативный компонент идеологии в свою очередь тождествен с задачами *ИБ*, а функции этих двух понятий совпадают. То есть в совокупности их можно определить как комплекс инструкций, обеспечивающий наиболее эффективный режим и взаимосвязь протекающих информационных процессов (при широком толковании этого термина).

Во многих странах, и в первую очередь в Соединенных Штатах, первоочередной задачей «технического» сегмента *ИБ* является обеспечение безопасности информационного компонента «критических инфраструктур»: управленческих, военных, коммуникационно-информационных, энерго- и водоснабжения, полицейско-спасательных, финансовых и других систем. Представляется, что подобные «критические инфраструктуры» характерны также для контентного сегмента *ИБ*, т.е. для национально-консервативной идеологии: не случайно американские эксперты

считают основной задачей *НБ* защиту национальных ценностей. На практике это означает, что в системе ценностей должны быть отобраны и сделаны предметом особой заботы и защиты те постулаты, искажение которых может привести к деморализации нации и общества.

Следуя логике идентификации *НБ* и интегральной идеологии, можно также прийти к выводу, что либеральный сегмент идеологической триады «отвечает» в основном за разделы *НБ* в сфере прав личности и экономической безопасности, между тем как социалистические идеологии непосредственно определяют и обеспечивают функционирование механизмов *НБ* в области социальных гарантий общества.

Если резюмировать представленный в этой главе материал, то можно сделать следующие выводы. В многополярной системе процессы глобализации развиваются в многовекторном режиме, что усиливает тенденции возникновения хаотических ситуаций. Как следствие, снижается общий уровень глобальной безопасности. В этих условиях функционирование полноценной системы национальной безопасности возможно при наличии целостной идеологической триады, составляющие которой соответствуют разделам *НБ*. В частности, установки информационной безопасности непосредственно коррелируют с тезисами национально-консервативной идеологии, а положения *НБ* в сфере экономической и социальной безопасности – с идеологическими постулатами либеральной и социалистической идеологий.

Между тем разработка эффективной системы *НБ* и идеологической триады возможна лишь при наличии соответствующим образом организованных интеллектуальных ресурсов. Принято считать, что наиболее оптимальным форматом для функционирования подобных ресурсов являются специальные исследовательские формирования – «мозговые центры», основной задачей которых является выработка концепций в сферах национальной безопасности и идеологии. Некоторые вопросы, связанные с деятельностью «мозговых центров», мы обсудим в следующем разделе.

Литература

1. *Иноземцев И.*, Расколота цивилизация. – М.: Academia-Наука, 1999.
2. *Арутюнян Г.*, Проблемы развития информационной системы РА в контексте национальной безопасности. – Ереван: Бавих, 2003 (на арм. языке).
3. *Сергеев В., Казанцев А.*, Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот». Полис, #2, с. 18, 2007.
4. *Панарин А.*, Искушение глобализмом. – М.: Русский Национальный Фонд, 2000.
5. *Валлерстайн И.*, После либерализма. – Едиториал УРСС, 2003.
6. Специальный доклад для британского правительства. Зарубежное военное обозрение, #1, с. 95, 2009.
7. *Гриняев С.*, Поле битвы – киберпространство. – Минск: Харвест, 2004.
8. *Арутюнян Г.*, Некоторые задачи стратегии США в контексте иракской проблемы. 21-й Век, #3 (5), с. 105, 2004 (на арм. языке).
9. *Чудинова Е.*, Мечеть Парижской Богоматери. – М.: ЭКСМО, 2005.
10. *Арутюнян Г.*, Многополярная и асимметричная Холодная война. 21-й Век, #4(21), с. 23, 2007.
11. *Тер-Арутюнянц Г.*, Многополярная и асимметричная Холодная война. Вестник Академии Военных наук, #4(21), с. 23, 2007.
12. *Арутюнян Г.*, Разновекторная глобализация, перманентный хаос и диалог цивилизий. Глобус: национальная безопасность, #2(6), с. 3, 2009 (на арм. языке).

13. *Арутюнян Г., Кюрегян Э.*, Разновекторная глобализация, перманентный хаос и вопросы политкорректности. Альманах добрососедства, с. 78. (Сборник статей участников цикла международных конференций «Неконфликтное прочтение истории – основа добрососедства», Алматы-Москва-Харьков-Кишинев, Москва – сентябрь), 2009.
14. *Арутюнян Г.*, Идеология и национальная безопасность. 21-й Век, #4 (12) с. 3, 2009.
15. *Громыко А.*, «Третий путь» – что дальше? Современная Европа, выпуск 2, с. 62, 2006.
16. *Фримен Ч.*, Быть скромнее. Россия в глобальной политике, т. 7, #2, с. 60, 2009.
17. *Кагарлицкий Б.*, Политология революции. – М.: Алгоритм, 2007.
18. *Титаренко М.*, Древнекитайский философ Мо-Ди, его школа и учение. – М.: Наука, 1985.
19. *Фицджералд Ч.*, История Китая. – М.: Центрполиграф, 2008.
20. Китайская военная стратегия. – М.: АСТ Астрель, 2002.
21. *фон Зенгер Х.*, Стратегемы (в 2-х томах). – М.: ЭКСМО, 2004.
22. *Шварц Е.*, Иранский парадокс. Станет ли Исламская Республика сильным игроком XXI века? Политический класс, #52, 2009.
23. *Арутюнян Г.*, Армения в глобальном мире. 21-й Век, # 2(6), с. 3, 2007.
24. *Арутюнян Г.*, Армения 2006: адекватность глобальному миру. – Ереван: КАВКАЗ. Ежегодник КИСМИ, с. 57, 2008.

«ПРОИЗВОДИТЕЛИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ»

В предисловии мы уже отметили, что в современную эпоху национальная безопасность более чем когда-либо зависит от имеющихся интеллектуальных ресурсов, а также способности общества использовать эти ресурсы, исходя из своих национальных интересов. Формой организации интеллектуальных ресурсов сегодня являются не только институты и университеты, но и специальные исследовательские центры, так называемые *think tank*-и. Подобные структуры в постсоветском и, в частности, армянском информационном пространстве принято называть «мозговыми центрами» (*МЦ*). Примечательно, что на Западе, где имеются более глубокие традиции в этой сфере, *МЦ* чаще называют «фабриками мысли» – организациями, «производящими национальные интересы» и «создающими идеологии». Тем самым им приписывается более целевое и динамичное значение.

Классические «мозговые центры»

Некоторые эксперты полагают, что примером первого *МЦ* может послужить созданный в середине XIX века прусский генеральный штаб – по-военному организованный информационно-интеллектуальным ресурс, который потом получил название «мозга армии». Следует признать, что генштабы на самом деле являются структу-

рами, созданными для стратегического планирования, но все-таки первые *МЦ*, близкие нашим современным представлениям, были созданы в США еще в годы Первой мировой войны (к примеру, Институт Брукинга). Однако рост количества и значения *МЦ* в Соединенных Штатах пришелся на период после Второй мировой и особенно в горячую пору Первой холодной войны. Вслед за США «мода» на *МЦ* перешла в Европу и другие регионы.

Задачей так называемых классических и институциональных *МЦ* является генерирование новаторских идей и технологий в сфере безопасности, международных отношений, общественных наук, передовых технологий, перспективных национальных проектов и концепций, стратегических и тактических разработок в самых разных областях. *МЦ* занимаются также консалтингом государственных, политических и партийных (иногда – религиозных) структур и представляющих национальный капитал компаний [1-6]. К примеру, американская *RAND Corporation* (собственно, первая в мире организация, которую назвали «фабрикой мысли») в период биполярного миропорядка внесла значительный вклад в формирование концепции «ядерного сдерживания». В активе этой же корпорации множество разработок в различных сферах. Среди прочих *RAND* внедрила в медийное пространство понятия «информационная война» и «сетевая информационная система» и довела их до уровня реальных политических технологий, которые являются одним из основных блоков военно-политической стратегии США (см., например, [7, 8]).

Часть *МЦ* специализируется на научно-технологических разработках. Достаточно сказать, что *DARPA* – оборонное науч-

ное агентство Пентагона, внедрило в практику всемирную паутину – Интернет. Некоторые *МЦ* на определенном этапе своего развития, используя собственные инновационные разработки, успешно реализуют коммерческие проекты, открывают специальные филиалы или компании. Таким образом, например, были созданы популярные компьютерные «стратегические игры», которые сегодня продаются по всему миру.

По количеству *МЦ* первенство в мире прочно удерживают Соединенные Штаты: там функционирует около 1800 таких организаций, которые выполняют исследования и разработки практически во всех сферах жизнедеятельности. Согласно экспертным оценкам, благодаря именно своим интеллектуальным ресурсам и, в частности, развитому институту *МЦ* США занимают лидирующие военно-политические и экономические позиции в мире. Залогом такого положения являются следующие факторы:

- Государственные структуры, капитал и общество в целом воспринимают первоочередную важность интеллектуальных ресурсов для государственной, военно-политической и экономической системы страны, они предоставляют необходимые ресурсы и создают условия для функционирования научно-исследовательской сферы.
- В США сформирована развитая научная инфраструктура по принципу «замкнутого цикла». Она состоит из вузов и исследовательских институтов, которые снабжают *МЦ* необходимыми кадрами и концепциями, а *МЦ* в свою очередь сотрудничают с правительственными и бизнес-структурами в режиме положительной обратной связи. По этой причине

МЦ называют *интерфейсом* между академической наукой и правительством, т.к. *МЦ* на основе результатов фундаментальных исследований разрабатывают в определенном смысле *пилотные технологии*, которые доводятся до уровня используемых на практике технологий уже в правительственных или иных структурах.

- Между *МЦ* и правительством происходит обмен не только идеями и разработками, но и кадрами: достаточно сказать, что в США в разное время в исследовательских организациях работали госсекретарь Джеймс Бейкер, советник по вопросам национальной безопасности Збигнев Бжезинский, заместители госсекретаря Джон Болтон, Строб Тэлботт и многие другие чиновники самого высокого ранга¹.

В развитых в технологическом плане странах *МЦ*, как правило, организованы по сетевому принципу. Их деятельность координируется в «мягком режиме», соблюдаются принципы взаимодополнения и конкуренции. Такая система весьма эффективна и зачастую дает синергетический эффект, между тем как нарушение этих организационных правил может превратить национальные *МЦ* в не совсем полезную атрибутику, как это имеет место в некоторых постсоветских странах.

Создание сети *МЦ* – трудоемкий и долгий процесс, требующий формирования соответствующих «школ» и традиций, применения всевозможных методик подготовки креативных кадров: например *RAND* предпочитает начать «выращивание» ода-

¹ Теневое правительство США. <http://www.washprofile.org/ru/node/379>.

ренных личностей чуть ли не с начальных классов школы. Не удивительно, что в структурах состоявшихся *МЦ* зачастую находят место также образовательные центры, цель которых – с помощью специальных методов подбора и обучения пополнить национальную элиту творческими, идейными и профессионально подготовленными кадрами.

Но наряду с индивидуальными методами использования творческого потенциала людей применяются и другие, более массовые. Например, *DARPA* в своей новой инициативе под названием «*Unconventional Warfighters*» (что переводится как нетрадиционные, нестереотипные или специальные бойцы) предлагает всем желающим использовать свои таланты в военном деле и для этого выделила \$25 млн. на создание инструментов, которые вовлекут в оборонную сферу американских граждан¹. Конкретные детали программы не раскрываются, но комментаторы предполагают, что это будет так называемый *краудсорсинг* (использование потенциала и интеллекта сообщества людей) и машинное обучение. Согласно сообщению, *DARPA* ищет «футуристов, изобретателей, любителей (даже поверхностных) военной тематики, которые могут взглянуть на войну с нетрадиционной точки зрения» – другими словами, творческих людей. Можно не сомневаться, что *DARPA* с лихвой окупит те \$25 млн., которые будут затрачены на эту программу.

Приведенный пример является хорошей иллюстрацией тому, настолько в Соединенных Штатах развита система *МЦ*. Более того, некоторые эксперты считают, что *МЦ* как институциональ-

¹ <http://www.warandpeace.ru/ru/news/vprint/55664/>.

ные структуры состоялись исключительно в США. Однако сегодня во многих странах основаны аналогичные структуры, которые, обладая характерными для своих обществ особенностями, уже занимают свою нишу в системе национальной безопасности страны. В этом контексте попытаемся рассмотреть, каким образом глобальные военно-политические и экономические перемены сказываются на форме и содержании деятельности *МЦ*.

О некоторых новых тенденциях в деятельности МЦ

В последнее время в СМИ можно встретить аналитические материалы, в которых высказываются мнения, что некоторые известные *МЦ* сегодня отстаивают не национальные, а скорее корпоративные и другого рода интересы¹. Такая тенденция выглядит логичной в свете утраты государством некоторых своих полномочий и функций: в «постдемократическую эпоху» этим организациям иногда становится выгоднее обслуживать не национальные интересы страны и общества, а например *PR*-кампании «симбиоза правительственно-олигархических структур» [9-11].

Об этих и других тенденциях косвенно свидетельствуют данные по числу основанных за год новых *МЦ* в период от 1900-2004гг., приведенные в очень информативном исследовании по *МЦ*². Часть этих данных представлена на *Рис. 2* и никак не интерпретируется авторами исследования. Мы попытаемся сделать

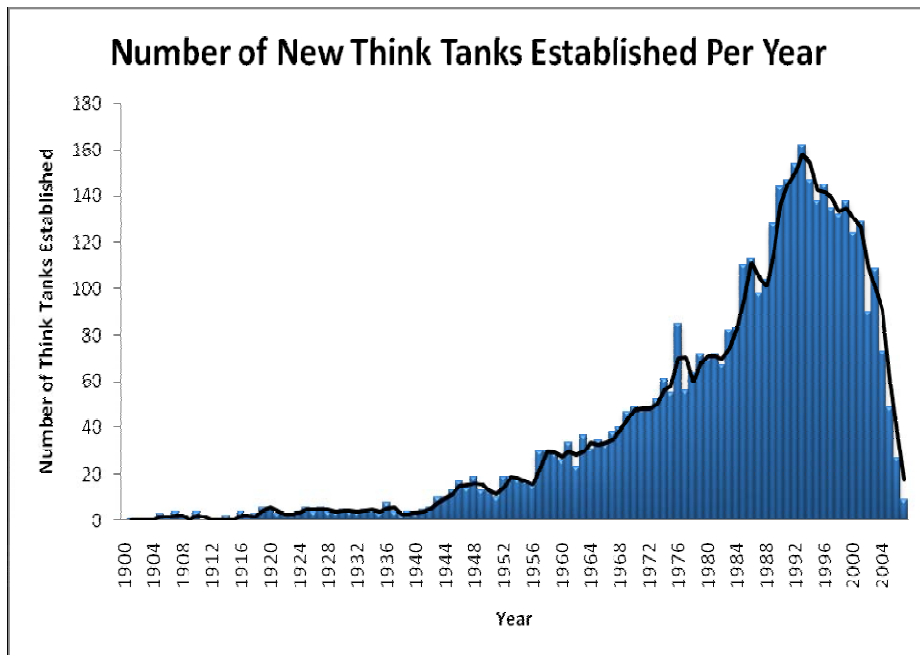
¹ Хассан Дж., Границы революции фабрик мысли.
<http://gtmarket.ru/laboratory/think/2008/1813>.

² *The Think Tanks and Civil Societies Programm. 2008*,
http://www.sas.upenn.edu/irp/documents/2008_Global_Go_To_Think_Tanks.pdf,
http://www.foreignpolicy.com/files/2008_Global_Go_To_Think_Tanks.pdf.

это, взяв за основу некоторые известные факты из эволюции политической ситуации в мире.

Рис. 2

Число основанных за год новых МЦ (1900-2004гг.)

Как видно из диаграммы, максимум роста числа основанных за год новых МЦ приходится на 1976, 1985-1988 и 1992-1996гг.

Первый пик, судя по всему, связан с обострением в семидесятые годы противостояния США – СССР. В разгар Холодной войны МЦ были необходимы Соединенным Штатам и их союзникам как инструментарий для выработки эффективной политики в борьбе с «советами»: другими словами в ту пору МЦ всюю «работали» на государство и оборону.

Второй максимум в диаграмме (1985-1988гг.) скорее всего обусловлен политикой «перестройки» в СССР. Этот этап требовал осмысления новой ситуации и разработки стратегии, отличной от той, которая имела место в годы Холодной войны. Соответственно, требовались новые организации и люди со свежими взглядами и нетрадиционным мышлением.

Можно предположить с большой долей вероятности, что резкий рост численности *МЦ* в 1992-1996 годы связан с созданием многих подобных структур в странах уже бывшего СССР и «социалистического лагеря», а также в Китае в результате реформ Ден Сяопина. Известно, что эти *МЦ*, зачастую функционирующие в юридическом формате общественных организаций (ОО – *NGO*), большей частью финансируются извне (чаще всего посредством других международных организаций) и активно продвигают в странах пребывания проекты либеральной и демократической направленности. Не случайно, что авторы обсуждаемого исследования коррелируют наличие и количество *МЦ* в той или иной стране с процессом формирования в ней «гражданского общества». Из этого следует, что подобные *МЦ* работали на национальные интересы тех стран, которые стремились переделать постсоветские страны по своему образу и подобию. Естественно, что при этом цели и задачи спонсирующих стран *МЦ* могли и не совпадать с национальными интересами стран, где собственно базируются эти *МЦ*. Пример этому – удачные и неудачные попытки «цветных революций» в постсоветском пространстве, в том числе в Армении, когда подобного рода *NGO* сыграли важную роль. В итоге сложилась несколько парадоксальная ситуация:

действительно, согласно классическому определению *think-tank*-ов, они «производили национальные интересы», но вовсе не для той страны, где они базировались и функционировали. Таким образом, можно констатировать, что за рост количества *МЦ* в 1992-1996гг., как минимум в большинстве случаев, отвечают не столько постсоветские страны (где не было особых традиций по созданию *МЦ*), сколько США и некоторые западноевропейские страны, по заказу которых работали эти *МЦ*.

Любопытно также следующее: зафиксированы случаи, когда национальные (вернее, при данной интерпретации – *квазинациональные*) *МЦ* работали не столько на интересы определенных стран, сколько на корпоративные интересы именно спонсирующих организаций (порой *транснациональных*) в силу упомянутой выше тенденции доминирования коммерческих интересов над национальными.

Примечательно, что с 2000г. начинается резкий спад роста численности *МЦ*, и к 2004г. он приравнивается к величинам, характерным для середины прошлого века. Возможно, что это связано с естественным «пресыщением» рынка *МЦ*, но нельзя также исключить следующую версию.

Временной промежуток 2000-2004гг. приходится на пик монополярной системы – экспансии США в Афганистане и Ираке. В условиях глобального доминирования как Соединенные Штаты, так и остальной мир не особо нуждались в новых *МЦ*. К тому же, как уже отмечалось, в этих условиях постдемократии традиционные *МЦ* потеряли свою актуальность и взамен им начали создавать более актуальные организации – типа компаний по пиару и т.п.

Вместе с тем можно предположить, что происходящее на наших глазах становление многополярного миропорядка с его новыми вызовами даст новый импульс развитию национальных *МЦ*, и об этом косвенным образом свидетельствует рост исследований, посвященных самим *МЦ*.

Глобальный рейтинг МЦ

В 2009г. университет Пенсильвании в рамках упоминавшегося выше исследования опубликовал новый глобальный рейтинг *МЦ* (*The Think Tank Index*¹), которые «занимаются изучением публичной политики, экономики, социальной сферы, безопасности, экологии и т.д.». Рейтинг был составлен на основе опроса нескольких тысяч ученых и экспертов, которые оценивали результаты работы этих организаций, и является первым всеобъемлющим рейтингом ведущих *МЦ* мира.

Согласно этому документу, в 170 странах мира насчитывается около 5,5 тысяч *МЦ*, а только в США функционируют 1 777 *МЦ*, т.е. в США базируются более 30% всех *МЦ* мира, и они являются безусловным лидером по этому показателю. Отметим также, что американские *МЦ* имеют тесные связи с аналогичными британскими структурами, которые занимают третье место в мире – 283 *МЦ*, т.е. можно говорить об определенной англосаксонской традиции и культуре, а также доминации в этой сфере. В подтверждение сказанному приведем некоторые цифры.

В США за 2009г. на научные исследования было затрачено \$382 млрд., т.е. около 32% процентов от всех мировых расходов

¹ <http://www.scribd.com/The-Think-Tanks-and-Civil-Societies-Program/d/26565307>.

на науку. Там функционируют около 4300 университетов и колледжей (среди них 200 исследовательских университетов¹) и 20 тысяч научно-исследовательских институтов (НИИ). Достаточно сказать, что в Америке эндаументами (т.е. активами спонсоров, которые сначала выгодно инвестируют, а полученные доходы используют на нужды вузов) на сумму более \$1 млрд. обладают более 48 вузов, а эндаументы знаменитого Гарвардского университета составляют \$29.9 млрд. [12].

После США по количеству *МЦ* следуют: Китай – 428, Великобритания – 283 *МЦ*, Германия – 186, Франция – 165, Аргентина – 122, Индия – 121, Япония – 105, Канада – 94 и Италия – 87.

В постсоветском пространстве *МЦ* распределены следующим образом: в России – 107, Украине – 45, Эстонии – 15, Литве и Беларуси – по 12, Кыргызстане и Латвии – по 9, Казахстане и Узбекистане – по 8, Таджикистане – 6. Замыкает список Молдова – 5.

В Армении и соседних с Арменией регионах картина следующая: в Израиле функционируют 48 *МЦ*, в Турции – 21, Грузии – 14, Армении и Азербайджане – по 13, Иране – 12.

На первое место составители рейтинга поставили специализирующийся на общественных науках, муниципальном управлении, внешней политике и мировой экономике Институт Брукинкса (*Brookings Institution*, основанный в 1916г. американским бизнесменом Робертом Брукингом) с годовым бюджетом \$60,7 млн. Согласно авторам исследования, именно эта организация оказывает наибольшее воздействие на государственную политику США. Любопытно, что в годы правления администрации

¹ http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=26959.

Дж.Буша-младшего в экспертной среде считалось, что наиболее влиятельными МЦ в США являются *Heritage Foundation* и *American Enterprise Institute*, которые разрабатывали наиболее масштабные и амбициозные проекты «неоконов» и которые сегодня занимают в США 5-ое и 8-ое места соответственно.

А в целом лучшая десятка МЦ в Соединенных Штатах выглядит следующим образом:

1. Институт Брукингса (*Brookings Institution*),
2. Совет по внешней политике (*Council on Foreign Relations*),
3. Фонд Карнеги за международный мир (*Carnegie Endowment for International Peace*),
4. Корпорация РЭНД (*RAND Corporation*),
5. Фонд «Наследие» (*Heritage Foundation*),
6. Международный центр имени Вудро Вильсона (*Woodrow Wilson International Center for Scholars*),
7. Центр стратегических и международных исследований (*Center for Strategic and International Studies*),
8. Институт американского предпринимательства (*American Enterprise Institute*),
9. Институт Катона (*Cato Institute*),
10. Институт Гувера (*Hoover Institution*) и правозащитная организация *Human Rights Watch* разделили 10-е место.

Лучшим в номинации «инновационные идеи» стал Институт Катона. Лучшими среди тех, кто «умеет делать политику», названы *RAND Corporation* и *Urban Institute*. Европейский совет по международным отношениям (*The European Council on Foreign Relations*)

занял первое место среди «новых мозговых центров», то есть тех, которые возникли в течение последних пяти лет.

Таблица 3

	<i>Название организации</i>	<i>Страна</i>
1	Королевский институт международных отношений (Четтем хауз – <i>Chatham House</i>)	Соединенное Королевство
2	Международный институт стратегических исследований (<i>International Institute for Strategic Studies</i>)	Соединенное Королевство
3	Стокгольмский международный институт исследования мира (<i>Stockholm International Peace Research Institute</i>)	Швеция
4	Институт международного развития ¹ (<i>Overseas Development Institute</i>)	Соединенное Королевство
5	Центр изучения европейской политики (<i>Centre for European Policy Studies</i>)	Бельгия
6	Институт «Трансперенси Интернешнл» (<i>Transparency International</i>)	Германия
7	Немецкий совет международных отношений (<i>German Council on Foreign Relations</i>)	Германия
8	Немецкий институт международных дел и безопасности (<i>German Institute for International and Security Affairs</i>)	Германия
9	Французский институт международных отношений (<i>French Institute of International Relations</i>)	Франция
10	Институт Адама Смита (<i>Adam Smith Institute</i>)	Соединенное Королевство

Вне Соединенных Штатов мировой рейтинг *МЦ* возглавляют британцы (см. *Таблицу 3*). Обращает на себя внимание преобладание в континентальной Европе количества немецких *МЦ*,

¹ Перевод названия *Overseas Development Institute* несколько условен.

что отражает стремление Германии занять лидирующее положение в Европе.

Десятка лучших исследовательских центров Восточной Европы представлена в *Таблице 4*.

Таблица 4

	<i>Название организации</i>	<i>Страна</i>
1	Московский Центр Карнеги	Россия
2	Институт мировой экономики и международных отношений РАН	Россия
3	Центр экономических и социальных исследований	Польша
4	Центр политических исследований Центрально-Европейского университета	Венгрия
5	Фонд Хайека	Словакия
6	Международный центр политических исследований	Украина
7	Литовский институт свободного рынка	Литва
8	Польский институт международных дел	Польша
9	Центр либеральной стратегии	Болгария
10	Либеральный институт	Чехия

Любопытно, что первое место в этом списке занимает Московский центр Карнеги, который фактически является филиалом американского транснационального *МЦ*. Заметим также, что на втором месте Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии, обладавший высоким статусом в качестве *МЦ* и в советскую эпоху.

Советские и постсоветские реалии

В СССР действовал целый ряд организаций, которые, обладая присущими советской системе особенностями, в той или иной мере осуществляли характерную для *МЦ* деятельность в общест-

венно-политической сфере. Наиболее известными структурами такого типа были курируемые соответствующими отделами ЦК КПСС «элитарные» и расположенные преимущественно в Москве академические институты: например, Институт США и Канады, Институт мировой экономики и международных отношений и другие, которые успешно функционируют по сей день. Эти *МЦ* непосредственно обслуживали политическое руководство империи – «центр», монополиста в сфере внешней и внутренней политики. Судя по мемуарной литературе и, что суть важно, по итоговым результатам, более эффективной деятельности советских *МЦ* принципиально мешала не столько определенная догматичность идеологических установок, сколько невосприимчивость партийного руководства к их разработкам.

Заметим также, что в СССР действовало множество закрытых «почтовых ящиков», которые вели разработки не только в технологической сфере: некоторые из них работали в области социологии и психологии. Однако о деятельности подобных *МЦ* нам известно крайне мало.

Вместе с распадом Советского Союза распалась также научная система этой страны, а с ней и система *МЦ*. Известно, что разложение советского научно-технологического потенциала являлось одной из основных задач *МЦ* противников СССР в Холодной войне. Например, целый комплекс методик («Ложная цель», «Наш лидер», «Испорченное оружие» и т.п.) для борьбы с «советами» в научной сфере изложен, в частности, в документе «*Silver Key*» [7, с. 406]. Разумеется, не избежала системного коллапса и армянская наука. Как мы уже отмечали на страницах этой книги, сегодня в

Третьей республике научно-технической сфере выделяется около \$20-30 млн., тогда как в 80-х гг. прошлого века финансирование сферы составляло, согласно оценкам Госкомитета науки РА, \$600 млн., что сегодня эквивалентно минимум \$1.5 млрд.

Однако складывается впечатление, что даже этими скудными средствами, в частности в гуманитарной сфере, распоряжаются не всегда целесообразно. Иногда финансируются неактуальные и даже маргинальные исследования. Между тем изучение, например, фундаментальных проблем диаспорального Армянства игнорировалось и только недавно начало проводиться благодаря усилиям созданного не так давно Министерства диаспоры РА. Характерно и другое: несмотря на сокращение объемов финансирования и функционирования науки в целом, в республике возросло число получающих ученые звания. Очевидно, что этот процесс сегодня приобрел иное, явно ненаучное содержание.

О потенциале же Армении в научной сфере свидетельствуют хотя бы следующие цифры, приведенные в документе ЮНЕСКО *Science report 2010*¹: Армения тратит на науку \$23млн., Грузия – \$28 млн., Азербайджан – \$113млн., Казахстан – \$384млн., между тем армянскими учеными опубликовано 544 работ, в Азербайджане – 292, в Грузии 328, в Казахстане – 218 научных работ, т.е. при выделении необходимых средств Армения еще в состоянии восстановить свой статус страны с развитой наукой.

¹Голос Армении, #20(20093), 1 марта 2011.

МЦ в Армении

Известно, что в союзных республиках в основном исполняли политические директивы «центра» и по этой причине не испытывали особой необходимости в собственных *МЦ*. Но представляется, что даже при желании союзные республики, при существующей в ту эпоху централизации, далеко не всегда могли бы позволить себя основать такие структуры. Таким образом, культура организации, создания и деятельности структур типа *МЦ*, за редкими исключениями, в союзных республиках, в том числе в Армении, не формировалась¹. В этом контексте особое место занимали исследования в сфере армянской Диаспоры, но и они, насколько нам известно, проводились в свете изучения ситуации в тех странах, где располагались армянские общины. Москва понимала важность этих общин – в целом лояльных к СССР – для внешнеполитической и специальной деятельности, поэтому и «заказы» в этом направлении «спускались» Еревану. Характерно, что по сей день в некоторых академических институтах Армении, даже при отсутствии реального потребителя такого рода научной продукции, продолжают страноведческие исследования в прежнем духе.

Сегодня в республике, по нашим оценкам, действуют порядка 30 учреждений (в *The Think Tank Index* за 2010г. зафиксированы лишь 13 из них) наподобие *МЦ*. Однако большая часть получает заказы и соответствующее материальное содействие от

¹ Имеется в виду гуманитарная сфера, между тем как ситуация была иной в области естественных наук и технологий, в которой, как мы уже упоминали, благодаря действующей достаточно эффективной системе организации науки и талантливым личностям во Второй республике действовали ведущие научные и технологические центры всесоюзного, а иногда даже мирового уровня.

других стран и международных организаций. Работы таких учреждений ориентированы на их заказчиков и, таким образом, не всегда могут, как мы отметили выше, служить нашим национальным интересам. Однако это не означает, что нужно игнорировать деятельность этих центров и не пытаться использовать их в наших интересах. Особенно важны в этом аспекте исследования в социологической, экономической и экологической сферах, анализ результатов которых может оказаться полезным. Другое дело, что результаты выполняемых по заказу международных структур работ не всегда в полной мере доступны армянскому обществу.

С 2000г., когда экономика Армении начала в какой-то мере восстанавливаться, по инициативе отдельных представителей государственно-политической элиты были основаны *МЦ*, нацеленные на исследования в области национальной безопасности. Отметим, что на начальном этапе их деятельности было достаточно много неблагоприятных факторов, некоторыми из которых являлись:

- недоверие государственных, национальных, политических, а также бизнес-структур к интеллектуальной – в частности, отечественной интеллектуальной продукции¹;
- неудовлетворительное состояние национальной науки в целом, особенно в актуальных с точки зрения *НБ* сферах. Очевидно, что это крайне негативно сказывалось на общем уровне экспертно-аналитического сообщества;

¹ В экспертном сообществе это принято квалифицировать как выражение психологии «импортера». Применительно к Армянству такая недоверчивость присуща также представителям национальных и экономических структур Диаспоры.

- определенная недостаточность культуры и традиций формирования, управления и использования структур типа *МЦ* со стороны политической элиты и экспертного сообщества.

Между тем при сложившейся неблагоприятной ситуации в общественных науках финансируемые со стороны государства *МЦ*, кроме всего прочего, могли бы играть роль «локомотива» для академических и университетских исследовательских центров [3, 13]. Это, в первую очередь, относится к возможности актуализации академической тематики, которая, к сожалению, придерживается уже ненужных традиций советской эпохи. Для стимулирования такого процесса *МЦ* могли бы не только консультировать планирующие науку госструктуры, но и, в частности, организовать и курировать соответствующие актуальные грантовые программы для академической науки.

Специально отметим и то, что эффективность реализуемых в контексте *НБ* теоретических и практических разработок сегодня во многом обусловлена возможностью освоения и применения разнообразных современных методов исследований. Известно также, что освоение подобных методов и подготовка соответствующих кадров требует определенных материальных ресурсов, что также не всегда адекватно воспринимается планирующими органами.

Неблагополучную ситуацию в своих целях используют международные организации, которые нанимают «дешевую рабочую силу» и заказывают, в частности, академическим институтам темы, направленность которых далеко не всегда совпадает с национальными задачами: примером этому может служить, в частности, фи-

нансирование программ по исследованию гендерных проблем в некоторых арабских странах. Примерно такая же ситуация в случае некоторых «квазинациональных» *МЦ*, «грантовая» деятельность которых нередко принимает имитационный характер.

В настоящее время ситуация отчасти улучшилась, но зафиксированный прогресс пока трудно считать удовлетворительным [14]. Из существующих сегодня проблем выделим следующие:

- результаты актуальных разработок *МЦ* по объективным и субъективным причинам не всегда оказывают нужное влияние на деятельность государственно-политической элиты, т.е. отечественные *МЦ* и правительственные структуры пока не функционируют в режиме положительной обратной связи;
- у значительной части представителей национального капитала пока еще не сформировано осознание необходимости и важности *МЦ* даже с точки зрения собственных экономических интересов;
- тематическая направленность действующих в РА *МЦ* в терминах национальных интересов не всегда оптимальна, их комплексную деятельность трудно назвать скоординированной;
- несмотря на свою малочисленность, *МЦ* в РА недостаточно сотрудничают друг с другом, а сетевой стиль работы пока не сформирован.

По поводу последнего пункта мы попытаемся представить некоторые соображения, которые могли бы улучшить существующее положение.

***О координации работ исследовательских
и аналитических ресурсов Армении***

Известно, что диаспоральный характер большого сегмента Армянства придает определенную специфичность понятию «национальное аналитическое сообщество»: оно рассредоточено по разным странам и далеко не всегда функционирует скоординированно. Не вызывает особых сомнений и то, что в организационно-политическом плане наиболее состоявшейся единицей Армении и Армянства является Республика Армения, т.е. организацией исследовательско-аналитического сообщества должны заниматься республиканские государственные структуры. Однако следует признать, что в деле координации исследовательско-аналитических структур (*ИАС*) наряду с некоторыми достижениями, существуют и определенные проблемы. Очевидно также, что координация деятельности *ИАС*, исходя из отмеченных национальных особенностей и специфичности самой аналитическо-исследовательской работы, должна осуществляться преимущественно с применением информационно-сетевых «мягких», а не командных методов.

Главной задачей исследовательско-аналитического сообщества должно быть обеспечение правительственных структур, политических организаций и в целом общественности аналитическими разработками и экспертными консультациями относительно ситуации во внутренней и внешней военно-политической, экономическо-социальной и научно-образовательной и других сферах. Вместе с тем *ИАС* должны:

- обеспечить информационно-аналитическое сопровождение текущей политики;
- планировать и реализовать эффективные операции в контексте развязанных против Армении и Армянства информационных войн, имея в виду активную деятельность в этой сфере турецко¹-азербайджанских *МЦ* и масс-медиа [15,16];
- осуществить методологические и теоретические разработки в области обработки и анализа информации;
- разработать сценарии и прогнозы на будущее (этот вопрос будет специально обсужден в главе «Прогнозирование и формирование будущего»).

Вместе с тем оперативное использование *ИАС* предполагает обладание информационной базой данных об этих ресурсах. На сегодня в Армении и в Диаспоре действуют многочисленные *ИАС* самого разного формата, которые обладают определенными интеллектуальными ресурсами, однако представления об их конкретных возможностях пока довольно приблизительные. В свою очередь, значительная часть *ИАС* и их сотрудников подчас не совсем четко представляют себе задачи *НБ*. В результате, функционирование *ИАС* в контексте национальных интересов пока что трудно назвать эффективным.

Поэтому первый этап организационной работы по целевому использованию ресурсов *ИАС* необходимо начать с «инвентаризации» этих структур и создания базы данных на основе соответствующим образом разработанной системы иерархическо-рейтинго-

¹ http://noravank.am/upload/pdf/3_globus_National.pdf.

вых и профильных показателей. В этом процессе необходимо учитывать, что превалирующим параметром в этой сфере остается человеческий и профессиональный фактор, т.е. возможно, что некоторые *ИАС* по своим формальным показателям займут невысокое положение, однако в них могут сотрудничать отдельные исследователи с высоким потенциалом или, наоборот, в *ИАС* с большими материальными и организационными ресурсами может не быть эксперты высокой квалификации. Таким образом, при формировании рейтинговой иерархии *ИАС* нужно учитывать это обстоятельство и «внести в список» также отдельных экспертов.

В ходе создания базы данных *ИАС*, в частности, нужно особо выделить фактор их организационной принадлежности и источников финансирования: последнее обстоятельство, как уже неоднократно отмечалось, за некоторыми исключениями обусловливает политические ориентации и предпочтения данного *ИАС*. При таком рассмотрении в первом приближении аналитическо-информационные структуры можно классифицировать следующим образом:

1. Специализированные аналитические организации с государственным финансированием,
2. Аналитические подразделения в государственных структурах (Министерство обороны, Министерство диаспоры, Госкомитет по науке, Министерство иностранных дел, Служба национальной безопасности и др.),
3. Академические институты, входящие в государственную и частную вузовскую систему кафедры и исследовательские центры,

4. Аналитические ресурсы СМИ и информационных агентств,
5. Общественные организации, деятельность которых с помощью грантов и заказов направляется и финансируется извне.

Отдельной задачей является использование аналитических ресурсов, находящихся за рубежом. Кроме наших соотечественников, здесь следует очень внимательно относиться к тем иностранным специалистам, которые имеют высокий профессиональный уровень и благоприятные для Армении мировоззренческие ориентации. Актуальной задачей является также формирование за рубежом *ИАС* со смешанным составом, с опорой на ресурсы Диаспоры (как это делают на государственном уровне Азербайджан и Турция в США и других странах).

Составленная на основе перечисленных критериев информационная база позволит планирующим органам, исходя из возникших в разных сферах проблем, целенаправленно и рационально использовать ресурсы *ИАС*, что предполагает создание целевой организационной структуры.

Для осуществления работ по учету *ИАС*, планированию и координации их деятельности желательно создать Координационный совет (*КС*), руководитель которого должен иметь высокий государственный ранг. В *КС* должны входить приглашенные эксперты-советники и действующий на постоянной основе аппарат. Этот совет должен периодически созываться и действовать по сетевому принципу, широко применять аутсорсинг, порой выступать опосредованно, организовывать конкурсы, открытые и закрытые обсуждения, конференции и т.д.

КС в целом должен выполнять следующие функции:

- Заранее составить список исследований, аналитических разработок, актуальных с точки зрения *НБ* и национальных интересов. Заказы на выполнение этих работ должны производиться на основе базы данных и рейтингов *ИАС* и экспертов.
- Обеспечить положительную обратную связь между планирующими органами и аналитической элитой, а также обмен информацией и координацию между отдельными *ИАС*.
- Разработать иерархизованную и профилированную систему отправки аналитической продукции по специальным спискам адресатов и таким образом обеспечить распространение «продукции» *ИАС* – аналитических записок, журналов, книг и т.д. – среди политических, силовых и экономических структур и элиты РА, НКР и диаспоральных структур.
- Заранее разработать пакеты для действий *ИАС* в чрезвычайных ситуациях (военные действия, техногенные, природные и социально-гуманитарные катастрофы).

Важным элементом деятельности *КС* должно быть формирование системы организационно-финансовой поддержки отечественных *ИАС*. В частности, необходимо:

- Материально стимулировать *ИАС*, создавать специальные фонды для обеспечения участия представителей аналитического сообщества в международных конференциях, а также для прохождения целевой стажировки перспективных аналитиков в ведущих исследовательских центрах.
- Обеспечить для *ИАС* доступ к платным информационным ресурсам и обеспечивать их специализированной литературой.

Литература

1. *Диксон П.*, Фабрики мысли. – М.: АСТ, 2004.
2. *Абелла А.*, Солдаты разума. – М.: АСТ, 2009.
3. *Арутюнян Г.*, Стратегия развития (в кн. «О некоторых проблемах национальной безопасности»). – Ереван: НОФ «Нораванк», 2009.
4. *Арутюнян Г.*, Мозговые центры и национальная безопасность. 21-й Век, #1(17), с. 3, 2011.
5. *Акопян О.*, Ведущие мировые фабрики мысли сегодня: новые смыслы на службе государства. – М.: Национальный институт развития современной идеологии, 2009.
6. *Акопян О.*, Зарубежные партийные фабрики мысли: технологии и методы работы. – М.: Национальный институт развития современной идеологии, 2010.
7. *Гриняев С.*, Поле битвы – киберпространство. – Минск: Харвест, 2004.
8. *Арутюнян Г.*, Цивилизационный и идеологический контекст информационной безопасности (в кн. «О некоторых проблемах информационной безопасности»). – Ереван: НОФ «Нораванк», 2009.
9. *Крауч К.*, Постдемократия. – М.: Издательский дом Государственного университета – Высшая школа экономики, 2010.
10. *Десягин М.*, Кризис человечества: выживет ли Россия в нерусской смуте? – Владимир: АСТ Астрель 2010.
11. *Десягин М.*, Мировой кризис: общая теория глобализации. Издание второе, переработанное и дополненное. – М., 2003.
12. Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования (под редакцией проф. В.Б.Супяна). – М.: Магистр, 2009.
13. *Арутюнян Г.*, Институциональные структуры государства – армия и научное сообщество. Финансы и экономика, Армения, #3(117), с. 60, 2010 (на арм. языке).
14. Основные вопросы развития науки в Республике Армении. Джермук, 2010 (на арм. языке).
15. *Галстян Д., Гегамян В.*, Новые реалии в сфере исследовательских центров Азербайджана. 21-й Век, #4 (38), с. 3, 2011 (на арм. языке).
16. *Симаворян А.*, Турецкие аналитические центры: теория и реальность. Глобус: национальная безопасность, #3(7), с. 8, 2009 (на арм. языке).

ЧАСТЬ 2.
СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ И
ИНФОРМАЦИОННЫЙ ФАКТОР

ДИАСПОРА И ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ

Английский мыслитель Джон Стюарт Милль еще в XIX веке высказался в том духе, что отсутствие серьезных дискуссий вокруг фундаментальных принципов разлагает, искажает эти же принципы или идеи. С этим утверждением трудно не согласиться. Более того, нам кажется, что обсуждения важных национальных проблем в конструктивном духе должны происходить перманентно, т.к. без поиска и нахождения новых концептов решение общеармянских задач, а их достаточно много, весьма сомнительно.

Построение системы национальной безопасности исключает стандартные подходы при формировании иерархии приоритетов, т.к. в этой сфере второстепенных вопросов практически нет. Тем не менее для нас очевидно, что важнейшая организационная проблема инфраструктуры Армении и Армянства – это диаспоральность, являющаяся преимущественно следствием Геноцида армян в Турции.

Традиции и вызовы постмодерна

Даже беглого знакомства с ситуацией в Диаспоре достаточно, чтобы осознать, что наряду с отдельными успехами в этой сфере у нас есть серьезные проблемы и потери. Общее впечатление таково, что одной только традиционной стратегии, направленной

на выживание армянских общин, сегодня недостаточно для эффективного реагирования на всевозможные вызовы, брошенные нашим общинам. Вследствие влияния разнородных внешних и внутренних факторов, характерных для эпохи постмодерна и «постдемократии», принятый в прошлом жизненный уклад сегодня близок к разложению, и даже смягчение этой тенденции является трудной задачей. Но кроме внешних наличествуют и не менее серьезные внутренние, чисто национальные риски. Известно, что сегодня мы разделены по признакам политической и культурной ориентации, конфессий и религий, наконец – языка. Это зачастую не позволяет представителям различных сегментов Армянства воспринимать друг друга как носителей единой цивилизационной общности (к этому вопросу мы еще вернемся). Подчеркнем, что все перечисленные факторы, быть может, в менее драматичной форме, относятся и к Армении (РА, НКР и Джавахк) [1-3]. Естественно, что в таких условиях планирование и реализация национальных задач крайне затруднительны.

Пожалуй, можно констатировать, что настало время, чтобы армянская элита, следуя советам Дж.Милля, попыталась переосмыслить исторически сложившиеся и существующие поныне национальные форматы функционирования, а также контент семейной, общинной, партийной, религиозной самоорганизации и на этой основе предложить более эффективные алгоритмы.

Однако в этом вопросе необходима осмотрительность: если в отмеченных областях действительно будут выработаны некие инновационные общественно-политические идеи и технологии, то следует избегать революционных методов и не следовать

большевистскому лозунгу «старый мир разрушим – новый построим». Известно, что любые представления о «новом» всегда несколько неоднозначны, цена ошибки весьма велика. К тому же, наше сообщество пока не накопило достаточных ресурсов для реализации масштабных проектов. Более того, часто квазиреволюционные подходы провоцируют так называемые «разрывы» в национальной духовной и интеллектуальной сфере, которые тормозят развитие общества.

В частности, сегодня можно услышать мнения о том, что вопрос Геноцида уже «исчерпал» себя, и пришло время сплотить Армянство не вокруг «трагических событий прошлого», а в контексте «актуальных и позитивных» идей. Такая постановка вопроса, безусловно, является дилетантской: нужно четко различать вопрос национальной памяти, политические развития в направлении международного признания Геноцида, формирование и осуществление новых панармянских проектов и наряду с этим ясно сознавать, что все эти процессы являются частью одного целого (см., например, [4]).

Вопрос международного признания Геноцида

С духовной точки зрения, факт Геноцида и лишения большей части родины (может, нелишне пустить в международный оборот термин «депатриация»¹ и, наряду с «геноцидом», дать этому понятию политико-правовые оценки) составляет часть национального сознания и, тем самым, не может быть предметом обсуждений (если, конечно, не будет тотального применения мани-

¹ Некоторые исследователи предлагают термин «патрицид».

пулятивных технологий по промыванию мозгов). Заметим также, что и с психологической точки зрения память об этой трагедии содержит мотивацию для применения компенсаторных действий, одним из выражений которых является политический процесс международного признания Геноцида.

Этот процесс имеет для Армянства не только нравственное, но и политическое значение. Сформировавшиеся в международном сообществе подходы к этому вопросу отражаются на «рейтинге» Турции и, частично, ее союзника Азербайджана, определяя их в качестве «геноцидогенных» стран. Таким образом, процесс международного признания Геноцида с точки зрения возможных турецко-азербайджанских поползновений является своеобразной смирительной рубашкой и повышает уровень национальной безопасности Армении. Этот фактор служит также дополнительным обоснованием нашей позиции в переговорах по проблеме НКР, а международное муссирование вопроса по ходу последних армяно-турецких дипломатических и информационных баталий определенным образом оказывало поддержку политическим позициям РА. Наряду с этим весьма эффективны сопутствующие признанию Геноцида вопросы сохранения культурного наследия и судебные процессы по отдельным имущественно-материальным вопросам.

В то же время у многих аналитиков складывается вполне определенное мнение, что до сих пор фактор Геноцида в политическом плане используется больше в интересах других акторов, нежели самой армянской стороной. Например, столь долгожданное слово «геноцид» из уст президента США было произнесено,

как следует из статьи А.Наапетяна¹, еще 22 апреля 1981г. В тексте президентского выступления под номером 4838 по случаю Дня поминовения Холокоста Рональд Рейган отметил: «Уроки Холокоста не должны быть забыты, как не должны быть забыты предшествующие Холокосту геноцид армян и следующий за ним геноцид в Камбодже...». Однако такое заявление укладывалось в логику Холодной войны и было направлено против СССР, поскольку содействие начавшимся в советские годы в Армении (а также в других республиках) национальным движениям исходило из интересов Соединенных Штатов². Сегодня ситуация иная, и в ближайшем будущем президент США вряд ли произнесет слово «геноцид», поскольку это пока противоречит нынешней политике этой державы.

Однако очевидно, что даже если весь мир признает факт Геноцида, то это отнюдь не означает, что Западная Армения будет возвращена Армянству, и даже при таком сценарии все наши проблемы решатся. В этом вопросе, пожалуй, следует отказаться от переоценки еврейского прецедента. Признание Холокоста Германией и выполнение репараций было обусловлено поражением этой страны: в Берлине стояли войска союзников, а в Нюрнберге шел известный судебный процесс. Хорошо известно, что еврейский народ подготовил создание своего государства целенаправ-

¹ Наапетян А., Разве Соединенные Штаты не признали Геноцид армян?
<http://www.noravank.am/ru/?page=analitics&nid=2430>.

² Не вызывает сомнений то обстоятельство, что победа в Карабахском конфликте была обусловлена наличием перманентного национального движения во Второй республике, и в этом контексте справедливости ради нужно отметить, что в национальных вопросах получаемая «извне» поддержка, независимо от ее величины и невзирая на контекст, часто совпадала с нашими национальными интересами.

ленной политической, интеллектуально-идеологической и организационно-экономической длительной работой. В нашем же случае даже признание Турцией факта Геноцида (это более чем гипотетический вариант, и он никак не ассоциируется с нынешними властями этой страны), по всей вероятности, примет приблизительно ту форму, свидетелями которой мы стали, когда некоторые европейские парламенты или организации лишь выразили сожаления по поводу тех или иных исторических событий, и дело этим и заканчивались. Анкара согласится на компенсации только в том случае, если окажется в статусе распавшейся страны.

Таким образом, можно констатировать, что процесс международного признания Геноцида, наряду со своим в целом положительным значением, имеет пределы эффективности и не может служить конечной целью. Нашей целью являются не требования по признанию очевидного факта, а реальное возвращение Западной Армении.

Добавим также, что если даже факт Геноцида будет признан повсеместно, то представления о том, какой после этого должна быть политическая стратегия Армянства, сегодня весьма туманны. Отсутствие четкого ответа на этот вопрос свидетельствует о том, что в нашем обществе пока нет необходимой и соответствующим образом организованной критической концентрации интеллектуальных ресурсов для стратегического планирования и разработки различных сценариев будущего. Между тем наличие подобного интеллектуального потенциала общества, как мы уже неоднократно отмечали на страницах этой книги, непосредственно коррелирует с понятием «национальная безопасность».

**Современные интерпретации
«национальной безопасности» и стратегия развития**

В информационную эпоху смысл и содержание системы *НБ* эволюционирует и трансформируется. Сегодня, в дополнение к прежним представлениям о *НБ*, критерием безопасности и конкурентоспособности стала способность общества формировать оптимальную идеологическую среду и обеспечивать развитие в целом¹.

В данном контексте, в частности, признается, что считавшаяся ранее эффективной система «вызов – адекватный ответ» в современных условиях необходима, но уже недостаточна, и применение только этого принципа может даже завести в тупик². В частности, новые подходы, согласно фундаментальному труду А.Владимирова, предполагают, что «согласование парадигм развития и безопасности возможно через диалектику принципа “безопасность через развитие и развитие через безопасность”» [6]. Рассматривая вопросы безопасности по такой методологии, можно прийти к следующему, не столь сложному выводу: основными «ответственными» за развитие (т.е. безопасность) или, иными словами, *критической инфраструктурой* являются человек и человеческое общество. Уровень их развития (в нашей интерпретации – способность приобретения знаний и их применения, и – что ничуть не менее важно – способность эффективной организа-

¹ См. раздел «Мультивекторная глобализация и триада идеологий», а также [5].

² Классический принцип *НБ* «вызов – адекватный ответ» имеет несколько пассивную формулировку и, кажется, не предполагает формирование превентивных «вызовов» в отношении конкурентов. Как известно, этот принцип *НБ* был существенно «отредактирован» сравнительно недавно, при администрации Буша-младшего, когда на концептуальном уровне была разработана и осуществлена «гиперпревентивная» доктрина, проявлением которой стали военные кампании в Афганистане и Ираке.

ции этих процессов) является критерием и залогом безопасности нации и государства.

Из этих определений следует также, что развитие является одним из выражений стратегии, которая предполагает продвижение и «малыми шагами», и «прорывом» (после накопления критического количества достижений «малыми шагами»), что, согласно классической китайской формулировке, обеспечивает «захват будущего и его использование в собственных целях». Представляется также, что воспринимаемая в этом аспекте стратегия развития должна перерасти в доминирующую национальную идею.

Рассматривая задачи будущего Армянства и Армении, следует констатировать, что с точки зрения развития у нас есть серьезные проблемы. И дело не только в том, что сегодня многие исследователи наглядно указывают на падение уровня образования и деинтеллектуализацию общества в целом.

Известно, что интеллектуальный потенциал Армении за последние 20 лет качественно снизился, а проекты развития этой сферы пока не внушают большого оптимизма. Между тем институционально важные элементы государства в терминах национальной безопасности должны представлять собой силовые (в первую очередь – военные) и научные структуры, и если первые в Армении состоялись, то в связи со вторыми у нас есть множество проблем. Примечательно, что приоритетной задачей так называемой стратегической разведки является оценка научно-технических ресурсов условного противника, под которыми в первую очередь понимаются люди – носители знаний и технологий [7, с. 27]. Считается, что остальные области (армия, промышленность,

финансовая система и т.д.) являются производными от научно-технического потенциала.

Еще менее удовлетворительно обстоят дела в Диаспоре, где пока не осознана важность и необходимость национальной науки¹, отсутствуют соответствующие мышление и культура². Как известно, в зарубежье действуют тысячи армянских общественно-политических организаций, которые, однако, редко направляют свои усилия в сторону научно-образовательной сферы (заметим, что другие национальные сообщества, имеющие диаспору, создали множество фондов, спонсирующих научно-образовательную деятельность). В этом контексте следует констатировать также, что пока у нас отсутствует осознанная положительная обратная связь «национальный капитал – национальная наука», которая при отсутствии необходимых государственных ресурсов могла бы частично смягчить ситуацию: в этом плане в Армении к исключениям можно отнести компанию *ARG* (Армросгазпром), а в Диаспоре, пожалуй, фонд Галуста Гюлбенкяна и Армянский национальный фонд науки и образования. Подчеркнем, что здесь мы не рассматриваем вопрос общинных и воскресных школ, у которых более *армяносохраняющая* направленность. Впрочем, и в этом плане мы сегодня оказались в кризисной си-

¹ Под этим определением следует понимать исследовательскую деятельность, которая в той или иной форме (вовсе не обязательно по результатам прикладного и коммерческого значения) соответствует национальным интересам.

² Характерный пример: созданная в РА при содействии американского предпринимателя армянского происхождения Дж.Гафесцяна лаборатория «*H2 ECOпоту*», занимающаяся топливными батареями и вопросами водородной энергетики и единственная в своем роде в регионе, эффективно поработав около 8 лет, относительно недавно закрылась из-за «низкой рентабельности».

туации. Характерно, что как в Диаспоре, так и в Армении зачастую в качестве сверхзадачи воспринимается исключительно процесс признания Геноцида, на лоббинг которого (например, в США) расходуются достаточно большие средства; чрезвычайное значение придается строительству церквей и памятников. Конечно, неоспоримо, что все это крайне важно, однако наряду с этим упускается самое главное – формирование и развитие человеческого капитала.

Не вызывает сомнения тот факт, что комплекс упомянутых стратегических упущений обусловлен не относительной скудостью национальных материальных ресурсов¹, а тем, что мировосприятие армянской элиты пока не достигло уровня мировоззренческих подходов. Между тем мировоззренческие представления сегодня в основном формируются по канонам той информационной среды, в которой пребывают человек и общество. Поэтому мы постараемся в следующих разделах основное внимание уделить тем информационным факторам, которые имеют непосредственное отношение к проблемам армянского цивилизационного сообщества.

¹ Известно, что определенная ограниченность национальных материальных средств также обусловлена слабой развитостью научно-образовательной сферы Армянства: в частности, армянский капитал (как в Диаспоре, так и в Армении) более чем скромен в сфере высоких технологий, считающихся сегодня наиболее рентабельными и перспективными.

Литература

1. *Арутюнян Г.*, Цивилизационный и идеологический контекст информационной безопасности (в кн. «О некоторых проблемах информационной безопасности»). – Ереван: НОФ «Нораванк», 2009.
2. *Тер-Арутюнянц Г.*, Стратегия развития. АНИВ, #2(29), с. 37, 2010.
3. *Арутюнян Г.*, Стратегия развития и геополитические сценарии. 21-й Век, #3(15), с. 3, 2010.
4. *Дабег М.*, Память в опасности: армянский опыт в контексте новой международной политики. 21-й Век, #1 (17), с. 3, 2011.
5. *Арутюнян Г.*, Идеология и информационная безопасность. 21-й Век, #4 (12), с. 3, 2009.
6. *Владимиров А.*, Государство и война. Политический класс, #2 (50), с. 95, 2009.
7. *Плэтт В.*, Стратегическая разведка. – М.: ФОРУМ, 1997.

ЦИВИЛИЗАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Тезис Арнольда Тойнби о том, что успешное функционирование цивилизаций предполагает адекватные ответы на брошенные вызовы, несмотря на появившиеся новые интерпретации этой формулировки, и по сей день не потерял своей актуальности [1]. Правда, сегодня под адекватностью иногда воспринимают исключительно копирование или имитирование всего того, что происходит в глобализирующемся мире, в особенности в так называемых «продвинутых» странах. Очевидно, что это скорее неспособность реагирования на вызовы, нежели нечто иное. Мы же постараемся придерживаться первоначальных концептов Тойнби, подразумевающих в первую очередь эффективное противодействие – в самом широком смысле этого слова – внутренним и внешним угрозам, и попытаемся оценить положение современной Армении и армянского сообщества именно в этом контексте.

В нашу эпоху вызовы зачастую имеют инфогенное происхождение, и безопасность обществ напрямую зависит от уровня собственных информационных ресурсов, способности их успешной мобилизации для ответных действий, а также знания методологии и понимания стратегии «условного противника». Но изначально необходимо определить возможные источники внешних и внутренних инфогенных угроз для Армении (в информационном контексте – РА, НКР и Джавахка) [2-5].

Инфогенные вызовы

Источниками внешних инфогенных угроз могут быть:

- Страны и организации, являющиеся конкурентами или противниками Армении.
- Страны и организации, преследующие свои интересы, но игнорирующие национальные интересы Армении, в числе которых могут быть также военно-политические и экономические партнеры Армении.
- Циркулирующие в информационном пространстве нерегулируемые, хаотичные информационные потоки, не направленные специально против РА, но оказывающие негативное воздействие на общественное сознание.

Источниками внутренних инфогенных угроз могут быть:

- Базирующиеся в Армении, но подпитываемые внешними ресурсами политические, общественные, экономические организации и СМИ, деятельность которых направлена против наших национальных интересов.
- Опирающиеся на внутренние частные и государственные ресурсы политические, общественные, экономические организации, компании, государственные органы и СМИ с размытыми представлениями о национальных интересах Армении. Как следствие, подобные структуры могут невольно (из-за отсутствия соответствующей идеологической ориентации) стать источником инфогенной опасности для общенности (подобные действия иногда определяются как «информационная война против собственного народа» [3]).

Выявление и определение инфогенных угроз в значительной степени обусловлено наличием развитых представлений о национальном интересе. Можно констатировать, что любая концепция *национальной безопасности* предполагает наличие четких формулировок относительно понятия *национальный интерес*. В противном случае определение инфогенных (да и других) угроз будет чрезвычайно затруднено.

Известно, что современные инфогенные процессы формируют глобальное информационно-интеллектуальное пространство, которое в известной мере доступно, что является несомненным плюсом. Вместе с тем это пространство отражает существующую иерархию в глобальном мире и политике. Однако, как это мы уже отмечали, в условиях мультивекторной глобализации в информационной сфере субъекты с небольшими военно-политическими, материальными ресурсами, обретая необходимые интеллектуальные ресурсы и действуя асимметрично, могут достичь значительных результатов. Подобная ситуация должна восприниматься нами и как вызов, и как стимул, дополнительная мотивация для развития собственной ресурсной базы. Суть вызовов, в частности, состоит в том, что глобализация (какой бы она ни была – мовекторной или мультивекторной) содержит элементы идеологической и цивилизационной экспансии. Это явление, как правило, отражает национальные интересы воздеющей стороны и тем самым может нанести урон государству или обществу, подвергающемуся этой экспансии. Наряду с этим формирование общего информационно-интеллектуального пространства, взаимодействие разных цивилизаций в режиме диало-

га создают благоприятные условия для развития и целевого распространения собственного духовно-культурного контента.

Таким образом, и опасность разрушения собственной системы безопасности, и возможность влияния на глобальные процессы являются составными частями современных информационных процессов.

Информационные операции и войны

Современное содержание и терминология информационных операций и войн начали формироваться в 1991г.¹ В 1998г. уже была разработана «Объединенная доктрина информационных операций» Министерства обороны США². В этом документе, в основу которого были положены разработки «мозгового центра» – корпорации *RAND*, представлены, в частности, следующие определения понятий «информационная операция» и «информационная война»:

- информационная операция – действия, предпринимаемые с целью затруднить сбор, обработку, передачу и хранение информации информационными системами противника при защите собственной информации и информационных систем;
- информационная война – комплексное воздействие на систему государственного управления противостоящей стороны и ее военно-политическое руководство, которое уже в мирное время может привести к принятию благоприятных для ведущей информационную войну страны решений, а в ходе вооруженного конфликта способно полностью пара-

¹ *Гриняев С.*, Информационная война: история, день сегодняшний и перспектива.
<http://www.agentura.ru/equipment/psih/info/war/>.

² Joint Doctrine for Information Operations. 9 October (Joint Pub 3-13), 1998,
http://www.c4i.org/jp3_13.

лизовать функционирование управленческой инфраструктуры противника.

Из приведенной формулировки следует, что информационная война – это реализация инфогенных угроз технического и духовно-психологического типа. Разработки в данном направлении продолжаются, и в настоящее время в практическую плоскость переместилась концепция информационных войн второго поколения [4, 6]. И если информационная война первого поколения рассматривается как некий важный компонент наряду с традиционными средствами (ядерными, биологическими и др.), то во втором поколении она приобретает полностью самостоятельное значение. Среди задач, которые предполагается решать с помощью информационных войн этого типа, выделим следующие:

- формирование атмосферы бездуховности и безнравственности, негативного отношения к культурному наследию противника;
- манипулирование общественным сознанием и политической ориентацией социальных групп населения страны с целью создания политической напряженности и хаоса;
- распространение недоверия и подозрительности, обострение политической борьбы между партиями, провокация взаимоуничтожения;
- международная дискредитация государства и нации, ухудшение их отношений с остальными;
- нанесение ущерба жизненно важным интересам нации и государства в политической, экономической, оборонной и других сферах.

Как видим, в информационных войнах второго поколения особое значение придается факторам духовно-психологического типа. И, как нетрудно заметить, тезисы информационных войн второго поколения нашли свое практическое применение в революциях – как в прошлых, так и в нынешних, цветных. И то, с чем столкнулась Армения в ходе поствыборных разрывов 2008г., является классическим образцом современных информационных войн, когда манипулирующая сторона добивается поставленных перед собой задач, в частности, сея недоверие и нетерпимость между разными сегментами общества. В этом контексте примечательна, скажем, попытка распространения дифференциации «карабахец – уроженец Армении» и придание ей отрицательно-политического оттенка, неадекватная реакция некоторых зарубежных армянских общин на выборные реалии и, как следствие, формирование негативного имиджа РА (следовательно, и Армянства) за рубежом.

Необходимо подчеркнуть, что при наличии интенсивных и в целом неконтролируемых информационных потоков от инфогенных угроз (например таких, как «формирование негативного отношения к культурному наследию») практически невозможно защититься административными и запрещающими мерами. Эффективным средством защиты могут быть только собственные информационные и цивилизационные ресурсы, а также ведение государственными и негосударственными структурами эффективной информационной политики на базе этих ресурсов. Подобная политика осуществляется, в частности, следующими методами:

- *киберполитика*. Согласно автору термина, Дэвиду Роткопфу¹ (1998г.), развитие информационных технологий привело к тому, что традиционные субъекты политики, государства, уже утратили свою монополию на обладание знанием (информацией). В прошлом только спецслужбы и дипломаты знали, что творится в той или иной части мира, между тем сегодня рядовой пользователь Интернета и СМИ может быть столь же осведомлен и, следовательно, может сыграть определенную роль в информационно-политических процессах;
- *ноополитика* (политика знаний). Автором термина являются сотрудники *RAND Corporation* Джон Арквила и Дэвид Ронфелдт². В опубликованной в 1999г. работе они, констатируя снижение роли государства, пришли к выводу, что новые субъекты политики – международные организации и другие *NGO*, а также влиятельные *СМИ*, крупные *ТНК*, террористические и преступные структуры – обрели интеллектуальные и информационные ресурсы, что позволяет им вести собственную политику в глобальном информационном пространстве. *Ноополитика* играет важную роль в мультивекторной глобализации (см. главу «Мультивекторная глобализация и полиидеологический мир»). Такая политика основана на концепции «сетцентричных войн» или, другими словами, «информационных войнах третьего поколения», к обсуждению которых мы еще вернемся;

¹ *Rothkopf D.J.*, Cyberpolitik. The Changing Nature of Power in the Information Age. http://www.arl.psu.edu/HLForum/conferences/x/roth_doc.htm.

² *Arquilla J., Ronfeldt D.*, The Emergence of Noopolitik: Toward an American Information Strategy. RAND Corporation, 1999. http://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1033.html.

- *медиаполитика*. Термин в 2001г. ввел в оборот Ли Эдвардс¹, который показал, что Интернет и телевидение превратились в важнейший фактор политики. Именно они играют существенную роль в формировании внешней и внутренней политики, обращают внимание общества и властей на ту или иную проблему.

К этому списку следует добавить еще одну сферу и понятие – *мобайл-политику*. Она отражает широкое распространение и развитие технических и информационных возможностей мобильных телефонов, так называемого третьего экрана (наряду с телевизором и монитором компьютера). Пользователи подобных телефонов (число которых перевалило за миллиарды) могут получать, обрабатывать и передавать текстовую, аудио- и видеоинформацию в динамичном, мобильном режиме, независимо от местоположения или географических координат [7]. *Мобайл-политика* сегодня стала важным фактором и во внешнеполитической (вспомним арабо-израильский конфликт 2006г. и особенно масштабную «арабскую революцию» 2011г.) и во внутривнутриполитической сфере (отметим развития, связанные с президентскими выборами в РА 2008г., когда действия демонстрантов координировались в основном при помощи *SMS*-сообщений, так называемого флеш-моба). Сегодня *мобайл-технологии* играют важную роль также в процессе формирования социальных сетей, и к этим вопросам мы еще обратимся на страницах этой книги.

¹ <http://www.washprofile.org/en/node/943>.

Совокупность приведенных выше технологий является тем инструментарием, посредством которых ведутся информационные войны современности. Обладание подобным арсеналом позволяет принудить к принятию «благоприятных для ведущей информационной войны страны решений» других субъектов политики. В современных условиях подобными субъектами стали и цивилизации.

Цивилизация в контексте политики

Цивилизационный фактор и в прошлом играл важную роль в международных отношениях, однако как разработанная политическая категория он стал восприниматься, скорее всего, с 1993г., когда в журнале «*Foreign Affairs*» была опубликована статья Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций»¹. По мнению автора, основным и важнейшим вектором современных глобальных развитий станут столкновения отличающихся друг от друга цивилизационных групп, причиной которых, как выразился позднее по этому поводу Александр Неклесса, является «взаимная идиосинкразия культурно-исторических геномов».

Как известно, понятие «цивилизация» характеризуется как совокупность признаков и качеств (генеалогических, языковых, религиозных, культурных и т.п.), свойственных нации или группе наций (см., например, [9, 10]). В то же время в работах разных авторов отличаются как перечень этих признаков, так и их интерпретации. В зависимости от автора различаются даже состав и число как «мертвых», так и существующих ныне цивилизаций.

¹ В дальнейшем она была переработана и опубликована в виде монографии [8].

По Хантингтону (который избегает четкой формулировки понятия «цивилизация»), в современном мире есть 9 цивилизаций: Западная, Латиноамериканская, Африканская, Исламская, Китайская, Индуистская, Православная, Буддистская и Японская. Подобная классификация цивилизаций может вызвать множество вопросов. В частности, согласно некоторым исследователям, США и Европу уже нельзя унифицировать и представлять в качестве единой Западной цивилизации (как это делает Хантингтон), так как на сегодня это во многом разные цивилизационные модели. Более того, сегодня существует тенденция углубления противоречий между ними, что позволяет нам рассматривать отдельно «западную» и «англосаксонскую» цивилизации [11].

Представляется, что формулировка относительно единой Западной цивилизации, как, впрочем, и другие определения в монографии Хантингтона, отражает скорее политические, американоцентристские предпочтения ее автора, нежели особенности примененной академической методологии. Таким образом, хантингтоновский перечень цивилизаций, скорее всего, отражает концептуальные представления определенной части американского истеблишмента и подчинен четкой логике: указанные цивилизационные единицы в той или иной мере обладают военно-политическим и экономическим потенциалом и являются основными акторами в современных международных отношениях.

С появлением «Столкновение цивилизаций» понятие «цивилизация», которое прежде являлось предметом исследования преимущественно историков, философов и культурологов, в значительной мере переместилось в сферу реальной политики, где

не так существенны характерные для академической науки фактологические или же методологические тонкости. Концептуальный тезис Хантингтона был положен в основу американской политики и сегодня, в частности, является как бы идеологией проходящего под слоганом «антитеррористической войны» противостояния США с Исламским миром. Представляется, что определенная часть концепций в современной американской политике – доктрина гиперпревентивных ударов, информационно-психологические войны, доктрина Льюиса¹ (фактически представляющая постулат «разделяй и властвуй») – известные в классической стратегии тезисы, которые были систематизированы, заново осмыслены, получили научное обоснование и современную терминологию в американских «мозговых центрах».

Известно, что доктринальные постулаты, применяемые Соединенными Штатами, значительным образом воздействуют на форму и содержание современной международной жизни: они становятся своеобразным сводом канонов, диктующим «правила игры» в международных отношениях. Подчиняясь этой логике, противоречия и общность в цивилизационной сфере стали важным, а иногда и определяющим фактором в идеологических, политических и даже экономических отношениях.

Заметим, что в противовес теории «столкновения цивилизаций» бывший президент Ирана Хаттами выдвинул концепцию «диалога цивилизаций». Однако надо признать, что имплементация той или иной амбициозной концепции в глобальную политику преимущественно зависит от суммарных ресурсов, которы-

¹ Внешнеполитические доктрины США. <http://www.washprofile.org/ru/node/479>.

ми обладает внедряющий. В этом контексте иранский подход, в отличие от американского, пока обсуждается в основном в интеллектуально-аналитических кругах, но в целом имеет большой потенциал для развития, особенно в контексте российского инициативного проекта «Диалог цивилизаций».

В любом случае, «цивилизационная» терминология в выступлениях лидеров самых разных стран сегодня стала привычной. Можно констатировать, что недооценка или, тем более, игнорирование этого фактора может иметь тяжкие последствия для любой большой или малой нации или государственного образования.

Между тем не всегда то или иное общество может однозначно ответить, к какой цивилизации оно относится, и в соответствии с этим сформировать свою внешнюю и внутреннюю информационную стратегию. Часть из них не только не имеет четких представлений о собственной цивилизационной принадлежности, но и раздроблена по своим ориентациям в этой сфере. Нации или их союзы, оказавшиеся в подобной ситуации, Хантингтон называет «разорванными цивилизациями» и, пожалуй, справедливо предвидит их крах в будущем. Порой «цивилизационная разорванность» – следствие внешних воздействий. Как известно, такой сценарий в недавнем прошлом был осуществлен в Югославии: эту некогда развитую страну сейчас называют «бывшей». Той же логике подвержена сегодняшняя Украина, где общество поляризуется по признакам прорусской и прозападной ориентации. Примечательно, что, согласно прогнозам Хантингтона, в аналогичной ситуации могут оказаться и США [12].

Нужно отметить, что некоторая путаница в вопросе цивилизационной ориентации имеет место и в Армении: в среде национальной элиты озвучиваются порой взаимоисключающие подходы в вопросах политической/цивилизационной ориентации Армении и Армянства. Это явление обусловлено следующими обстоятельствами:

- географическое положение РА и объективно сформировавшаяся политическая ситуация диктуют руководству страны необходимость проведения гибкой, сбалансированной политики, маневрирования в сферах влияния крупных геополитических акторов – России, США, ЕС и отдельных государств этого союза, Ирана и (уже или скоро) Китая. Как следствие, в республике сформировались группы политиков и экспертов, являющихся сторонниками того или иного геополитического направления. В свою очередь, геополитические предпочтения в этих группах из-за отсутствия необходимой концепции перерастают в цивилизационные. Подобная тенденция является следствием как личных политических/цивилизационных ориентаций членов упомянутых групп, так и, возможно, определенной работы, проводимой с ними представителями мировых политических центров силы;
- некоторые политические и общественные круги армянской Диаспоры свои цивилизационные предпочтения, как правило, отождествляют с местами собственного проживания – преимущественно с Россией, США, Европой, Ближним и Средним Востоком.

Разнообразие цивилизационных ориентаций – классическое проявление внешних и внутренних инфогенных угроз. Источниками угроз в области информационной безопасности Армении являются – как это было ранее сформулировано – «опирающиеся на внутренние частные и государственные ресурсы политические, общественные, экономические организации, компании, государственные органы и СМИ с размытыми представлениями о национальных интересах Армении». В контексте прогнозов Хантингтона относительно «разорванных цивилизаций» упомянутые выше геополитические и цивилизационные разногласия нужно воспринимать как серьезнейший вызов Армении и Армянству в целом. Из чего следует императив: необходимо разработать подходы, позволяющие избежать нежелательных развитий и сценариев «разрыва».

Армения – уникальная цивилизация

Логика современных международных отношений поставила перед опасностью «разрыва цивилизации» не только Армению, но и ряд больших и малых государств (из бывшего СССР – Грузию, Украину, Азербайджан и Молдову), которые в плане выбора цивилизационной ориентации оказались, в лучшем случае, перед дилеммой. Известно, что для сохранения политического суверенитета и национальной идентичности в такой ситуации необходимы культурно-исторические, цивилизационные ресурсы. Между тем подобными ресурсами обладают далеко не все. В этом плане наша позиция выглядит намного предпочтительнее. Есть все основания утверждать, что Армения и Армянство являются особой или, пользуясь несколько отредактированной терминологией Арноль-

да Тойнби, *локальной* цивилизацией. Армянской цивилизации присущи самобытные духовно-культурные ценности:

- генеалогия армян и армянский язык занимают особое место в группе индоевропейских народов;
- в контексте идеи государства, которое первым приняло христианство, Армянская Апостольская церковь имеет свою особую направленность и место в христианском мире;
- феномен армянской письменности Маштоца и обусловленное им многовековое литературное наследие;
- армянская культура (архитектура, музыка, хореография и т.п.) обладает всеми признаками уникальности.

Известно также, что армянская культура «экспортировалась» в самые разные страны. В связи с этим отметим, что в настоящее время проблемы арменоведения выходят за рамки характерных для прошлого века научных параметров и переосмысляются в качестве важного компонента информационной безопасности (в частности, ее духовного, цивилизационно-культурного сегмента) Армении. Иными словами, в условиях цивилизационной конкуренции развитие арменоведения стало одним из предусловий обеспечения национальной безопасности. Создавшаяся ситуация, пожалуй, требует условного разделения функций арменоведения на фундаментально-академические и прикладные. Цель прикладного арменоведения – максимально эффективное использование результатов академических арменоведческих исследований в информационной сфере (функция «мозговых центров») и их применение для решения задач национальной безопасности (функция правительственных структур).

Чувство собственной уникальности является элементом сознания армянского общества. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты соцопроса «Отношение молодежи Армении к европейским ценностям и интеграции Армении в Европу»¹, представленные в *Таблице 5*.

Таблица 5

По-вашему, к какой культуре и образу мышления близка армянская культура?

	Культура	%
1.	Русская	4,3
2.	Ближневосточная	7,4
3.	Европейская	6,9
4.	Американская	1,6
5.	Ни к какой. Армянская культура и менталитет уникальны	70,5
6.	Затрудняюсь ответить	9,3
7.	Всего	100

Как видим, подавляющее большинство опрошенных считает, что «армянская культура и менталитет уникальны».

В среде политической элиты и экспертного сообщества фокусный соцопрос провел также фонд «Нораванк». Результаты опроса свидетельствуют, что большинство респондентов (примерно 70%) также уверены, что Армения является носителем уникальной цивилизации. Ниже приведем некоторые характерные ответы опрошенных:

- «Армения является локальной цивилизацией... нашему народу свойственно состояние открытости и восприимчивости – это главное преимущество нашей нации... историческая миссия Армении – быть связующим звеном цивилизаций».

¹ http://partnership.am/files/unlisted/European%20values_data_rus.xls.

- «Пожалуй, бессмысленно искать на пути глобализации или победного шествия радикальных исламистов более стойкую преграду, чем армянская цивилизация».
- «Армянство... обладает уникальным языком, культурой, письменностью, отличающейся от других христианских народов церковью... Армения, Армянство – уникальное цивилизационное явление».

Таким образом, социальные группы, играющие важную роль в стране, – молодежь, политическая элита и экспертное общество – воспринимают Армению как особую цивилизацию. Не вызывает сомнений, что и при массовых опросах результат был бы примерно тем же. Эти реалии являются серьезной предпосылкой для переноса отмеченных тезисов в политическое поле РА. Однако задачи и постулаты, связанные с самобытностью, не должны привести к формированию идеи так называемой «цивилизационной стены», которая тормозит развитие общества и по своей сути не характерна для нас¹.

¹ Понятие «стена» иногда приобретает идеологическое и символическое значение. Например, строительство Великой Китайской стены (высота – до 10 м, толщина – 10 м, длина – 3000-4000 км) было начато в 246г. до н.э. и завершено в 1620г., то есть длилось примерно 19 веков. По этому поводу заметим, что китайская стена была прототипом «железного занавеса», т.к. не только ограждала страну от неприятелей, но и затрудняла выезд собственных граждан «за рубеж». В наш век самым грандиозным и «идеологически выдержанным» проектом «стены» была, конечно, граница СССР: она тянулась на десятки тысяч километров. В настоящее время власти Израиля возводят 700-километровую стену для отделения от палестинцев. Аналогичная программа реализуется в США, где идет постройка 1200-километровой «стены» на американо-мексиканской границе, чтобы пресечь нелегальное проникновение мексиканцев в США. С такой же, но, естественно, менее масштабной инициативой выступили недавно и греческие политики, предложив построить стену на границе с Турцией, чтобы оградить страну от незаконных турецких мигрантов. Идеей «стены» прониклись также некоторые азербайджанские политические деятели: они предлагают воздвигнуть «цивилизационную стену» между Арменией и Азербайджаном. Думаю, армянская сторона должна приветствовать эту идею.

Поэтому для достойного позиционирования в международном конкурентном поле цивилизационная уникальность является необходимым, но недостаточным условием. Современные условия диктуют, чтобы носитель той или иной цивилизации мог соответствовать и быть адекватным логике мироустройства, владел механизмами самоорганизации, умел пользоваться предоставленными возможностями для духовного, интеллектуального и экономического развития. Иными словами, чтобы быть конкурентоспособной, цивилизационная система должна быть восприимчивой и «открытой».

В этом контексте примечательно, что армянская цивилизация, будучи самобытной, одновременно содержит в себе универсальные составляющие, суть которых созвучна современным общечеловеческим ценностям. Следование христианским заповедям и гуманизм отражены в нашей историографии, эпосе, деловых и воинских кодексах поведения, а идеи свободы и справедливости всегда были частью армянского менталитета. О таком отношении свидетельствуют также результаты социологических опросов общественной организации «Партнерство во имя открытого общества», согласно которым, большинство респондентов – примерно 60%, не видят каких-либо противоречий между европейской и армянской системами ценностей (*см. Таблицу 6*).

Представленные выше результаты аналогичны результатам опроса о цивилизационных ориентациях, проведенного Армянским центром стратегических и национальных исследований среди экспертов и общественности [13]. Согласно этим данным, представленным в *Таблице 7*, 20.6% респондентов считают, что «мы

резко отличающаяся и самобытная цивилизация», а по мнению 22.7% – «мы всеобщий синтез». Отсюда следует, что наибольшая группа опрошенных – 43.3% (при опросе среди экспертов этот результат достигает 54%) – считает, что в цивилизационном аспекте Армянство уникально или «открыто», будучи синтезом разных цивилизаций. Между тем респондентов, придерживающихся иных цивилизационных ориентаций, существенно меньше.

Может показаться, что наличие «открытых» и «закрытых» подходов в обществе несколько противоречиво или двойственно. Однако эти реалии – выражение цивилизационной самодостаточности и отражают способность сохранять самобытность и одновременно быть причастным к мировым тенденциям.

Таблица 6

С каким из утверждений Вы согласны?

	Утверждение	%
1.	Европейская культура очень развита и прогрессивна, и мы должны стремиться принять ее за образец и усвоить ее ценности и стандарты.	10.1
2.	Европейские ценности и стандарты в основном противоречат армянским национальным ценностям и традициям, поэтому мы не должны подражать им.	23.4
3.	Не вижу смысла противопоставлять армянскую и европейскую культуры: мы спокойно сможем интегрироваться в Европу, сохранив и наши традиции, и наши ценности.	59.4
4.	Затрудняюсь ответить	7.1
5.	Всего	100

Таблица 7

	Социологический опрос	
1.	Западная цивилизация европейского типа	8.8%
2.	Восточная цивилизация азиатского типа	12%
3.	Русская цивилизация	17.6%
4.	Мы резко отличающаяся и самобытная цивилизация	20.6%
5.	Мы всеобщий синтез	22.7%
6.	Затрудняюсь ответить	18%
7.	Иное	0.3%

Таким образом, при разработке системы информационной безопасности следует уделять особое внимание цивилизационной сфере. Это особенно актуально сегодня, когда в глобальном политическом поле преобладают противостояния межцивилизационного характера. В этом контексте Армянство, обладая необходимыми ресурсами и будучи уникальной цивилизацией, имеет благоприятные исходные позиции, что является одним из пред условий конкурентоспособности как при «столкновении цивилизаций», так и при ведении «диалога цивилизаций». Однако успешное функционирование в этих условиях подразумевает высокую степень организованности всех национальных сегментов и не в последнюю очередь Диаспоры.

Литература

1. *Тойнби А. Дж.*, Цивилизация перед судом истории. – М.: ПРОГРЕСС, КУЛЬТУРА, 1996.
2. *Арутюнян Г.*, Проблемы развития информационной системы РА в контексте национальной безопасности. – Ереван: БАВИХ, 2003 (на арм. языке).
3. *Почепцов Г.*, Информационные войны. – М: Рефл-бук, Ваклер, 2000.

4. *Гриняев С.*, Поле битвы – киберпространство. – Минск: Харвест, 2004.
5. *Арутюнян Г.*, Цивилизационный фактор в контексте проблем информационной безопасности. 21-й Век, #2(12), с. 3, 2006 (на арм. языке).
6. *Арутюнян Г.*, Лики и угрозы информационной войны. Карабахский экспресс, #2(14), с. 73, 2008.
7. *Рейнгольд Г.*, Умная толпа. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006.
8. *Хантингтон С.*, Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003.
9. *Сорокин П.*, Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Изд-во политической литературы, 1992.
10. *Панарин А.*, Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: АЛГОРИТМ, 2002.
11. *Арутюнян Г.*, Переходное состояние: геоидеологический фактор в глобальных развитиях. 21-й Век, #2, с. 3, 2005.
12. *Хантингтон С.*, Кто мы? – М.: АСТ, ООО Транзиткнига, 2004.
13. 13-летие независимости и суверенитета РА: результаты экспертных и социологических опросов. Армянский центр стратегических и национальных исследований, октябрь. – Ереван, 2004 (на арм. языке).

НАЦИОНАЛЬНАЯ СЕТЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И СЦЕНАРИИ

Обсуждая национальную систему информационной безопасности, мы, безусловно, должны иметь в виду не только Армению, но и все армянское сообщество: их информационные проблемы и возможности общие или должны быть общими. В условиях государственности (в РА и НКР) с помощью разумных исполнительно-законодательных решений можно организовать информационные ресурсы и создать эффективную систему *ИБ*. Но без учета диаспорального сегмента такая система будет локальной. Между тем в Диаспоре национальные ресурсы рассеяны и их организация, создание механизма взаимодействия с Арменией и между собой – дело далеко не простое. Тем не менее формирование полноценной национальной системы *ИБ* – задача разрешимая, если применять не только методы «ручного управления», но и современные сетевые технологии [1-3]. Однако для этого, как минимум, следует иметь представление об информационных возможностях и проблемах армянского сообщества.

Ресурсы и задачи армянского сообщества

Для начала попытаемся выделить благоприятные для Армянства факторы в контексте *ИБ*:

1. Армянское сообщество – носитель собственных цивилизационных ценностей, и эта цивилизационная общность яв-

ляется основой для восприятия и осознания Армянством себя в качестве единого целого (*см. предыдущий раздел*). В этом контексте следует подчеркнуть, что попытки сужения представлений об армянах не как о цивилизационной единице, а исключительно как об однородной этнорелигиозной группе однозначно противоречат как объективной реальности, так и нашим национальным интересам.

2. Сохранение идеи и памяти об исторической Родине (имеется в виду не только Восточная, но и Западная Армения).
3. Фактор Геноцида и нерешенный Армянский вопрос.
4. Реальность существования армянской государственности в виде РА и НКР.
5. Комплекс военно-политических отношений РА-НКР с Азербайджаном и Турцией, что, по сути, является актуальным отражением и продолжением Армянского вопроса.

Два последних фактора сегодня являются важным элементом реальной глобальной политики, что в аспекте информационной интеграции Армянства является позитивом. Благоприятным фактором является и принятие международных, особенно европейских, конвенций о национальных меньшинствах: они могут помочь армянским общинам в рамках законодательства конкретной страны улучшить организационно-информационную сферу. Однако в экспертном сообществе существует также мнение, что все вышеупомянутые факторы еще недостаточны и необходимы новые, созвучные логике современного мира идеи и национальные проекты, которые могли бы создавать новые механизмы для национальной самоорганизации.

Вместе с тем в деле создания системы общеармянской *ИБ* есть и серьезные проблемы. Представим некоторые из них:

1. Численность проживающие за рубежом армян по меньшей мере вдвое превосходит население Армении, то есть конструирование общенациональной информационной системы, хотя бы чисто количественно, – более масштабная задача, чем организация *ИБ* Армении.
2. Армянство разделено на разные сегменты по конфессиональным, языковым и культурным признакам, есть отличия и в геополитических ориентациях: эта проблема касается не только исламизированных армян в Турции и некоторых других странах, но и наших многочисленных иноязычных и иноконфессиональных соотечественников, живущих как в Армении, так и в других странах. С коммуникационной точки зрения, некоторые сложности вызывают различия между восточноармянским и западноармянским литературными языками.
3. Географически Армянство рассеяно приблизительно по 100 странам [4, 5], которые условно можно классифицировать по следующим цивилизационным зонам и регионам:
 - Армянское нагорье – регион собственно Армянской цивилизации, который ныне лишь частично контролируется армянскими государствами, и в этом контексте следует уделять особое внимание проблемам армян, проживающих на территории современной Турции;
 - православно-славянская цивилизационная зона – здесь нужно выделить как постсоветское пространство (насе-

ние которого пока в той или иной мере является носителем российско-советских цивилизационных ценностей), так и страны, претендующие на так называемое «византийское наследие» (например, Греция, Болгария и Сербия);

- англоязычные страны (или же, по нашей классификации, зона англосаксонской цивилизации) – Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и др.;
- страны континентальной Европы;
- зона исламской цивилизации – в первую очередь страны Ближнего и Среднего Востока;
- латинское (католическое) цивилизационное пространство – Испания, Португалия, Италия и страны Южной Америки.

Все эти страны и регионы оказывали и продолжают оказывать определенное влияние на мировосприятие, менталитет, культурную, политическую и социально-экономическую ориентацию проживающих там армян, что создает серьезные проблемы коммуникационного характера. Как видим, армянское сообщество является собой в известной степени неоднородную систему, и отдельные его сегменты могут по-разному воспринимать наши национальные интересы. Исходя из этого, нашу цивилизацию в какой-то степени можно отнести, по терминологии Хантингтона, к так называемым «разорванным цивилизациям», подверженным риску распада.

Вместе с тем такая ситуация содержит в себе и определенные возможности: способность, в частности, инорелигиозных и иноязычных сегментов Армянства общаться и сотрудничать с

представителями разных народов и конфессий нужно воспринимать как дополнительный ресурс для обеспечения конкурентоспособности в глобализирующемся мире. Заметим, что подобными возможностями обладают далеко не все народы. Таким образом, разные сегменты Армянства несут на себе разную функциональную нагрузку, и в условиях нынешней цивилизационной конфронтации они могут выполнять специфическую миссию и превратиться в «реализаторов» наших интересов в других геополитических и культурных зонах.

В некоторых случаях различные сегменты и общины армянского сообщества также могут служить друг для друга своеобразными «воротами глобального мира» [6]. Однако реализация подобной стратегии возможна только при высоком уровне национальной организации.

Но помимо отмеченных проблем, обусловленных в основном диаспоральным фактором, в деле общенациональной информационной организации существуют риски и другого рода.

Информационные войны и Армянство

Известно, что после окончания Второй мировой войны число суверенных государств существенно увеличилось. Вместе с тем сегодня наблюдаются тенденции несколько иного рода: в стратегической перспективе некоторые страны могут потерять свою этноцивилизационную идентичность и превратиться в пассивных объектов мировой политики. Эта проблема особенно актуальна для небольших наций и государств, не обладающих необходимыми ресурсами, в частности, в интеллектуально-духовной (инфор-

мационной) сфере. В этом контексте определенную роль играют как неконтролируемые подобными обществами глобальные и в первом приближении хаотичные информационные потоки, так и целенаправленные пропагандистско-манипулятивные информационные атаки, иногда содержащие элементы так называемых *nation building* технологий.

Армения и армянское сообщество являются субъектами информационных войн и наибольшую угрозу для нас представляют войны второго поколения, целью которых, в частности, является достижение деструкции обществ или государств (*см. предыдущий раздел*) [7]. Очевидно, что для противодействия им, а при необходимости и для реализации превентивных шагов, необходимы оперативные информационные ресурсы. Попытаемся представить некоторые из них:

1. *Цивилизационные* – т.е. ресурсы национальной, духовной и культурной сферы;
2. *Технологические* – т.е. человеческие, интеллектуально-творческие, научно-технические и собственно информационно-медийные ресурсы;
3. *Материальные* или же производственные, коммерческо-финансовые и другие возможности подобного рода;
4. *Организационные* – т.е. способность самоорганизовываться и создавать необходимые для жизнеобеспечения структуры, в том числе государства, общины, общественно-политические, экономические и другие организации, и, что крайне важно, обеспечивать взаимодействие этих структур и реализовать с их помощью национальные программы и проекты.

Попробуем вкратце оценить наши возможности в представленных сферах:

- Армянство, будучи носителем цивилизационных ценностей, сполна владеет духовно-культурными ресурсами (см. *предыдущий раздел*).
- Близки к удовлетворительному уровню технологические ресурсы, однако нужно учесть, что сравнительно малы и не полностью учтены (что является актуальной организационной задачей) человеческие ресурсы – численность армян в мире по разным оценкам достигает, как минимум, от 10 до 12 млн. человек (см., например, [4, 5]).
- Сравнительно не очень велики и, главное, не учтены и не систематизированы интеллектуально-творческие и собственно информационные ресурсы.
- Близки к удовлетворительному уровню и также не сполна учтены материальные ресурсы. Отметим, что по некоторым оценкам инвестиционный потенциал армянской диаспоры составляет минимум \$400 млрд¹.
- Как показывает анализ реальной ситуации, безусловно недостаточны организационные ресурсы: у нас имеются определенные проблемы в сфере национального менеджмента, и в этом контексте обнадеживают лишь системные и энергичные действия Министерства диаспоры РА.

¹ <http://www.regnum.ru/news/armenia/1405526.html>.

Как видим, в плане необходимых для жизнедеятельности и конкурентоспособности ресурсов армяне в целом занимают неплохое положение в международном сообществе. Вместе с тем создается впечатление, что при бесспорном владении цивилизационными, в достаточной мере – технологическими и материальными ресурсами, наш статус в глобальном мире мог быть и выше, а положение – благоприятнее. Причину подобного положения следует искать в организационной плоскости.

Пожалуй, не стоит подробно представлять важность организационного фактора: очевидно, что высокая степень организованности при ограниченности прочих ресурсов приводит к успеху, а отсутствие организованности – к провалу даже обладателей громадных ресурсов других типов. Очевидно также, что представленные типы ресурсов взаимосвязаны друг с другом, и упущения в организационной сфере снижают, а порой минимизируют эффективность действий в сферах, где ресурсов казалось бы достаточно.

Безусловно, армянское сообщество не лишено организационных способностей. Однако складывается впечатление, что в неэкстремальных условиях нам свойственно проявлять некоторую беспечность, что отрицательно сказывается, в частности, при формировании общеармянского информационного пространства. Такая ситуация, пожалуй, актуализирует уточнение и систематизацию задач в этой сфере.

***Задачи организации национальной
информационной системы***

В качестве первоочередных задач в информационной сфере выделим следующие:

1. Инвентаризация имеющихся информационных ресурсов и формирование новых, создание условий для их эффективного функционирования и сотрудничества.
2. Разработка концепции внутриармянской и внешней пропаганды/контрпропаганды и ее практическая реализация.
3. Создание взаимодополняющих брендов Армянства и Армении, внедрение этих брендов – в качестве элементов сознания – в армянской среде и в других сообществах.
4. Разработка и реализация общественно-политических, научных, учебных и иных панармянских проектов.
5. Широкое применение современных технологий («медиа», «кибер» и «мобайл») информационной политики для решения задач армянского сообщества.
6. Концептуальная разработка национальной «ноополитики» – сетцентричной системы, и формирование на этой базе единого информационного и организационного пространства Армении и Армянства.

Для эффективной реализации первых пяти пунктов, в частности, необходимо организовать международные армянские «мозговые центры», которые должны разработать информационно-организационные форматы с учетом опыта других народов, обладающих диаспорой. Последний пункт в списке – концепту-

альная разработка информационной сетевцентричной (ИС) организационной системы и формирование с ее помощью единого информационного пространства – следует воспринимать как стратегическую сверхзадачу.

О сетевцентричной системе

В публикациях относительно организации Армянства нередко можно встретить тезис, что самым эффективным инструментом для этого является *информационно-сетевцентричная система – ИСС*¹ (см. предыдущий раздел, а также [8-10]). В то же время впечатление таково, что иногда это понятие воспринимается несколько упрощенно. В этом аспекте нелишне вкратце представить историю формирования и сущность этой информационной и военно-политической технологии.

Концепцию «информационно-сетевцентричных войн» разработали в конце 90-х годов прошлого века сотрудники корпорации *RAND* Дж.Арквила и Д.Ронфелдт. В качестве исходного было принято положение о том, что в информационном обществе могущество государства (социума) в первую очередь зависит от возможности быть осведомленным и способности адекватно реагировать на полученную информацию – иначе говоря, адекватно оперировать имеющимися знаниями.

Согласно представлениям авторов концепции, понятие «сеть» предполагает отказ от присущего индустриальному обществу метода иерархического управления «центр-периферия» и

¹ *Arquilla J., Ronfeldt D., The Emergence of Noopolitik: Toward an American Information Strategy.* RAND Corporation, 1999.
http://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1033.html.

формирование не имеющей четкой структуры, т.е. неструктурированной системы, подчиняющейся логике саморазвития и нелинейных процессов.

Элементы сетецентричной системы, будучи разрозненными и в то же время имея высокий уровень прав и возможностей действовать самостоятельно, находятся в едином информационном пространстве – сети, имеют общее руководство, общие цели и задачи. Сетецентричный формат, в частности, обладает высокой устойчивостью: даже если из строя выходит один или несколько управляемых компонентов, то остальные, благодаря высокой автономии, могут эффективно продолжать свою деятельность.

Предложенная *RAND* концепция привлекла внимание военных стратегов (Д.Рамсфелд, П.Вулфовиц), и очень быстро многие «мозговые центры» начали заниматься практическим внедрением этой концепции. В Пентагоне был основан Департамент по реорганизации вооруженных сил, который, исходя из принципов сетевых войн, проводит реформы американской армии и разрабатывает новые концепции. Отдельного внимания заслуживает доктрина «основанных на эффектах действий», формулируемая как «группа действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в условиях мира, кризиса и войны», что иногда интерпретируется как «внедрение собственного культурного кода в сознание других».

Некоторые исследователи полагают, что в результате сетевой организации формируется коллективно-командный сверхинтеллект, дающий возможность решать непосильные для индивидов сверхсложные задачи, и будущий глобальный миропорядок

будет представлен неким комплексом сетевых организаций [11]. Политику, проводимую посредством высокоразвитой *ИС*, принято называть также *ноополитикой* в том смысле, что она основана на знаниях.

Однако следует учесть, что *сетевая система* является инструментом, которым могут пользоваться далеко не все, т.к. для его эффективного применения необходимо:

- создание действующей на основе разработанной стратегии эффективной операционной системы с высокоинтеллектуальными экспертами и исследователями, имеющими возможность полноценно осведомляться, быстро анализировать и качественно оценивать полученную информацию, а затем инструктировать «рядовых» членов сети, чтобы те адекватно и эффективно реагировали на те или иные события;
- формирование идеологической концепции, которая должна быть притягательной не только для «рядовых» членов сети, но и в известной мере для той среды (общества), в которой они функционируют;
- осознание на уровне всех звеньев сети перманентной военной обстановки (широко интерпретируя это понятие и не имея в виду чисто военное положение), соответствующий мобилизационный стиль и настрой работы и действий.

Заметим, что при таком рассмотрении вроде бы ставится под сомнение основной тезис определения «сети» – отсутствие иерархического управления: однако в подобной системе «центр» отсутствует лишь условно, он не виден, но реально присутствует

в виде интеллектуально-организационного ресурса и к тому же имеет четкую и иерархизированную структуру.

Для организации диаспоральной национальной информационной системы *ИСС* должна быть весьма эффективной. Армянское сообщество еще в историческом прошлом применяло элементы сетевой организации, и классическим примером этому является Армянская Апостольская церковь. Сегодня же по сетевому принципу функционируют, например, партия «Дашнакцутюн», Общеармянский благотворительный союз и другие национальные структуры.

На сегодня число армянских общественно-политических организаций, по данным Министерства диаспоры РА, достигает 30 000, однако они далеко не всегда проводят координированную деятельность, между ними порой отсутствует обратная информационная связь. Для внедрения же и эффективного использования «сетевых технологий» необходима, как уже отмечалось, критическая масса духовных, интеллектуальных, организационных ресурсов и мобилизованного общества, что не всегда имеется в наличии. Очевидно, что для исправления ситуации в первую очередь необходима интеллектуальная элита: характерно, что Арнольд Тойнби связывал жизнеспособность цивилизаций именно с наличием этого «творческого меньшинства».

Вместе с тем очевидно, что именно *ИСС* является тем инструментом, который может обеспечивать общенациональное управление не только в условиях нормального развития Армении и Армянства, но и при возникновении чрезвычайных ситуаций. В этом контексте рассмотрим три сценария: два экстремальных – теоретических, и один «промежуточный» – намного более реалистичный.

«Виртуальная Армения»

Сущность этого катастрофического сценария заключается в следующем: в результате определенных военно-политических процессов Армения (РА и НКР) лишается армянского населения и превращается в абстрактную, виртуальную идею-понятие (примерно такое, каким для нас в какой-то мере является нынешняя Западная Армения). Это возможно, в частности, в случае следующих развитий:

- *Военная ядерно-экологическая катастрофа.* Конфликт Иран-Израиль/США приводит к региональной ядерной войне, вследствие которой сосед Армении, Иран, подвергается ядерной атаке. Армения не участвует в конфликте, однако ее территория подвергается радиоактивному заражению, что приводит к экологической катастрофе. В этом случае проживание на значительной части территории нынешней Армении становится нецелесообразным. Заметим, что научные прогнозы последствий ядерных войн имеют почти 60-летнюю историю, и все они предрекают катастрофы общемирового масштаба. В частности, согласно проведенным недавно исследованиям Колорадского университета (США), в случае применения в локальном конфликте 50 атомных бомб, мощность которых не превышает мощности бомб, сброшенных на Хиросиму, погибнет 50 млн. человек, т.е. почти столько, сколько во время Второй мировой войны.
- *Техногенная ядерно-экологическая катастрофа.* Этот сценарий сводится к взрыву на Мецаморской АЭС (наподобие или сильнее тех, которые произошли в Чернобыле в 1985г. и в Фукусиме в 2011-ом).

В результате реализаций одного из этих сценариев территорию нынешней Армении (и не только) из-за несовместимых с жизнью экологических условий покидает большая часть населения. При таком развитии, пожалуй, Армения в какой-то период времени может превратиться в практически безлюдную, виртуальную Родину. Заметим, что число представленных, кажущихся невероятными, но теоретически вполне возможных сценариев может быть больше.

В случае подобных развитий задачи существования и организации Армянства можно решить исключительно посредством заранее сформированной *ИСС*. В создавшихся условиях жизнеспособность системы на практике может быть гарантированной, пожалуй, в том случае, если будут действовать несколько центров информационного управления, ни один из которых в течение определенного времени не будет иметь доминирующего статуса. Однако эти центры должны руководствоваться едиными идеологическими постулатами, представляющими концепцию выживания и безопасности Армянства. Также важно, чтобы эти центры были в состоянии функционировать в нелинейном режиме, по принципу взаимодополнения, обеспечивая положительную обратную связь между отдельными звеньями.

«Могучая Армения»

Этот сценарий предполагает восстановление Арменией своей исторической территориальной целостности в результате геополитических потрясений и консолидацию Армянства в этом новом государстве. Такое возможно, в частности, если:

1. Турция вовлекается в широкомасштабную войну с одним или несколькими соседями одновременно (например, с Ираном, Израилем, Арменией или Грецией).
2. Неудачный для Турции ход войны приводит к усилению межэтнических конфликтов; к борьбе, которую уже ведут курды, присоединяются также другие национальные меньшинства – армяне, греки и прочие: другими словами, так называемый турецкий «кризис идентичности» перемещается в практическую военно-политическую плоскость.
3. Эти процессы обостряют отношения между самими турецкими группировками, имеющими различные политические (исламистские, кемалистские) ориентации, и, наконец, приводят к гражданским столкновениям. Кризис государства и общества принимает хаотичный и неуправляемый характер.
4. Армения и Армянство (возможно, и другие заинтересованные державы) пользуются сложившейся в Турции ситуацией, способствуют расчленению этой страны, и им удастся в значительной степени восстановить территориальную целостность Армении. Следующим шагом становится сосредоточение Армянства на территории освобожденной Родины, и таким образом формируется могучее Армянское государство.

Однако, даже *Могучая Армения*, где может проживать преобладающая часть Армянства, должна стремиться к тому, чтобы иметь в развитых странах малочисленные, но дееспособные общины. Другими словами, даже если Армения превращается в доминирующий центр Армянства, все равно нужно стремиться к

сохранению части тех ресурсов, которые рассеяны по миру, придав им статус как бы особых, неформальных посольств. При таком варианте нужно сформировать классическую, сосредоточенную в Армении ИСС организации Армянства, когда управление преимущественно осуществляется из одного центра.

«Развитая Армения»

Этот сценарий предполагает возможное будущее нынешней Армении, сформировавшееся в результате концептуального развития. При этом предполагаются следующие реалии:

1. Армения за счет собственных ресурсов, а также ресурсов всего армянского сообщества, при содействии стран союзников и партнеров формирует развитую научно-технологическую инфраструктуру и тем самым добивается существенного экономического прогресса. Вооруженные силы полностью гарантирует военную безопасность страны, происходит интенсивный процесс заселения и освоения освобожденных территорий в рамках НКР. Страна по возможности интегрируется в международные политические, экономические структуры и становится полноправным субъектом международных отношений.
2. Подобная Армения становится очень привлекательной для Армянства, отношения Армения-Армянство принимают системный характер, начинается формирование единого информационного, организационного и экономического пространства.

Не вызывает сомнений, что *Развитая Армения*, владея значительной частью национальных и организационных ресурсов, будет представлять важный сегмент Армянства, и поэтому армянское государство в *ИСС* будет играть доминирующую роль. Однако во всех случаях немалая часть наших ресурсов все равно будет находиться в иных цивилизационных зонах, и поэтому эти сегменты Армянства не теряют свою «долю» и влияние в национальной *ИСС*.

Таким образом, с информационно-сетевой точки зрения, в случае реализации данного сценария Армения занимает как бы «среднюю» позицию между двумя предыдущими сценариями. Подобная «промежуточная» система должна совмещать в себе и нелинейную (децентрализованную), и классическую (армению-центричную) *ИС* концепции.

В этом и предыдущем разделах мы постарались показать важную роль информационных технологий в деле организации национального сообщества. Но вместе с тем информационная сфера развивается крайне бурно. Например, в последние годы появились, если можно так выразиться, новые субъекты информационного пространства (социальные сети, блогосфера и т.п.). Без учета этих новых явлений невозможен корректный анализ проблем информационной безопасности. В следующем разделе мы представим наше видение изменений, которые происходят в виртуальной среде.

Литература

1. *Арутюнян Г.*, Проблемы развития информационной системы РА в контексте национальной безопасности. – Ереван: НОФ «Нораванк», 2003 (на арм. языке).
2. *Арутюнян Г.*, О некоторых задачах информационной безопасности. Регион. – Ереван: НОФ «Нораванк», 2003 (на арм. языке).
3. *Арутюнян Г.*, Информационные проблемы организации Армянства (в кн. «Основополагающие правовые требования Западного Армянства»). – М., 2009.
4. Энциклопедия «Армянская диаспора». – Ереван, 2003 (на арм. языке).
5. *Малхасян М.*, «рмяне в мире. – Ереван, 2007(на арм. языке).
6. *Сергеев В., Казанцев А.*, Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот». Полис, #2, с. 18, 2007.
7. Антиармянская информационная система Азербайджана. – Ереван: НОФ «Нораванк», 2009 (на арм. языке).
8. *Гриняев С.*, Поле битвы – киберпространство. – Минск: Харвест, 2004.
9. *Mitchell P.T.*, Network Centric Warfare. IISS, Adelphi Paper, 2006.
10. *Рахманов А.*, Сетецентрическая система управления: закономерные тенденции, проблемные вопросы и пути их решения. Военная мысль, #3, с. 41, 2011.
11. *Гриняев С.*, Интернет как супермозг: от гипотезы до модели. 21-й Век, #1, 2003.

РЕАЛЬНЫЙ *HOMO VIRTUALICUS* И «ПОСТДЕМОКРАТИЯ»

Кризис заключается как раз в том факте, что старое умирает, а новое не может зародиться. В этом «междущарствии» проявляется множество патологических синдромов.

Антонио Грамши, Тюремные тетради.

Первоначально созданный для общения профессионалов, Интернет всего за несколько десятилетий (а по иным критериям отсчета – за неполные двадцать лет) стал доступен миллиардам, а внутри него начали создаваться социальные структуры с различной функциональной нагрузкой. Все это – очередной виток перманентной информационной революции, со всеми вытекающими из этого сложного явления последствиями позитивного и негативного характера. Следует также констатировать ставшую уже несколько тривиальной истину, что Интернет, особенно с имплантированными соцсетями и блогосферой, уже не является пассивным информационно-коммуникативным, социально-психологическим и бизнес-сервисным феноменом. Он уже вышел из монитора компьютера и стал реальным, крайне важным общественным, экономическим и военно-политическим фактором.

Исходя из вышесказанного, мы придерживаемся того мнения, что всемирная паутина – составная часть окружающей нас среды, и поэтому однозначно оценивать те или иные явления в Интернете не совсем корректно. Исследователи же должны по-

пытаться разобраться в закономерностях функционирования этого феномена, что позволит – с точки зрения защиты интересов общества – содействовать положительным тенденциям или же противодействовать негативу.

Основываясь на этих предпосылках, мы попытаемся оценить роль Интернета и соцсетей в «информационном обществе», а также проследить за эволюцией виртуального сообщества, которое, вступая в конфликт с реалиями современной «постдемократии», пытается отстаивать классические представления о демократическом обществе. Вместе с тем политизированная виртуальная сфера подсказывает необходимость рассмотрения Интернета и соцсетей в терминах *информационной безопасности*: сегодня этот комплекс является мощным инструментом для ведения информационных сетевых войн и геополитического противостояния [1].

Социальные сети и информационное общество

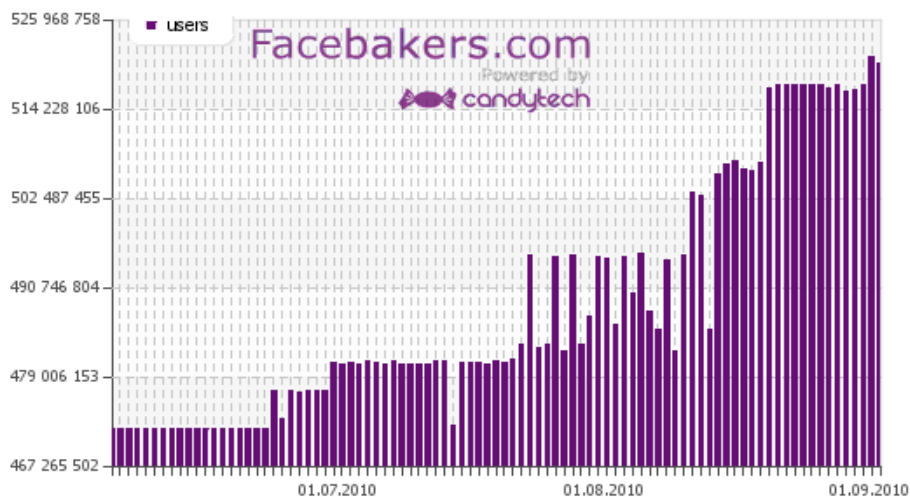
По подсчетам *RBC daily* к 2012г. число пользователей Интернета – посредством компьютеров, мобильных и игровых консолей – превысит 30% от общего населения Земли и составит около 2 миллиардов человек. Наиболее бурно развивающимся сегментом Интернета являются соцсети и блоги: по некоторым оценкам, сегодня более 70% аудитории Интернета посещает эти структуры. Время, которое интернет-пользователи провели в 2009г. в социальных сетях, согласно данным компании *Nielsen*, по сравнению с 2008г. увеличилось на 82%.

Рост посещаемости социальных сетей впечатляет: в 2007г. – 210 млн., в 2008г. – 242 млн. человек, и с каждым годом это число растет: аудитория только сети *Facebook* в декабре 2009г. превысила

206 млн. человек (67% всех пользователей соцсетей в мире). Но уже в 2010г. эта цифра, как следует из *Рис. 3*, возросла до 520 млн.¹, причем увеличение более чем на 50 млн. произошло за три летних месяца. Капитализация соцсети *Facebook* по данным 2011г. составила около \$34млрд., и она по этому показателю обогнала даже *Google*.

Рис. 3

Рост числа пользователей Facebook за летние месяцы 2010г.

Появление этих новых форм – соцсетей и блогосферы – превратило Интернет из полезного, но пассивного инструмента получения информационных услуг в интерактивную информационную социальную среду. В такой среде происходит не только изоляция пользователей от реальной жизни: многие исследователи отмечают «уход из реальности» определенного сегмента сетевой аудитории (так называемые «киберпанки»). В последнее время мы наблюдаем, как виртуальные пользователи входят в реальный контакт, порой – весьма бурно, с окружающей средой. По-

¹ <http://www.facebakers.com/countries-with-facebook>.

добная ситуация порождает множество вопросов не только прикладного, но и теоретического характера.

Феномен «материализованного» соучастия человека в не-реальной среде противоречит утверждению о том, что в эпоху постмодерна «индивид погружается в виртуальную реальность симуляций и во все большей степени воспринимает этот мир как игровую среду, сознавая ее условность, управляемость ее параметров и возможность выхода из нее» [2]. Элемент игры, конечно же, в соцсетях присутствует, но вместе с тем индивид все больше и больше воспринимает виртуальную среду как некую реальность. Между тем принято считать, что такое восприятие скорее всего было свойственно человеку эпохи модерна, считавшему виртуальный мир некой, быть может, не совсем понятной, возможно – мифифицированной, данностью. Таким образом, похоже, что развитие Интернета и в особенности соцсетей создает некое новое, сочетающего в себе характеристики модерна и постмодерна, вполне реального «симбиозного» индивида – *Homo Virtualicus*.

Воспринимая некоторую условность понятий модерна и постмодерна и не вдаваясь в нюансы определений этих эпох, попытаемся вкратце рассмотреть некоторые характеристики современного виртуального общества в терминах классической теории информационного общества¹. Согласно общепринятому мнению,

¹ Считается, что автор этого термина – профессор Токийского технологического университета Ю.Айяши, который впервые применил его в 1969г., когда по заказу японского правительства изучал влияние развивающихся в то время компьютерных технологий на общество. Согласно Айяши, компьютеризация дает людям возможность пользоваться надежными источниками информации и освобождает их от рутинной работы. Предполагалось, что изменится также производственный процесс, результат которого – товар – должен стать «информационно более объемистым». Этот подход развил другой японец – Масуда. Согласно его теории, «движущей силой развития общества должно быть создание продукта информационной, а не материальной деятельности». <http://iph.ras.ru/page46589323.htm>.

развитие Интернета и ИТ-технологий в целом являются верными показателями становления постиндустриального информационного общества в терминах Дэниеля Белла и Элвина Тоффлера [3-5]. Между тем, если обобщить основные тезисы этих авторов, в таком обществе определяющими должны были быть научные знания, а центром социальной организации, условно говоря, «университет», где собственно «производятся» и накапливаются эти знания. Должны были измениться и социальные отношения: привилегированное положение в таком обществе должен был занимать «информированный класс», а новыми бедными становились «неинформированные» слои общества. Однако в последние годы появились концептуальные исследования, которые ставят под сомнение утверждение о том, что вследствие развития ИТ сектора современное общество можно характеризовать как информационное.

Так, Дмитрий Иванов в своей работе «Общество как виртуальная реальность» резонно отмечает, что информационное общество не состоялось, и в первую очередь потому, что классики отождествляли информацию и знания [2]. Согласно Д.Иванову, нужно четко различать *сообщение* (или послание), *интерпретацию* (восприятие) и *коммуникацию*. *Сообщение* – это вещь или же передаваемый интеллектуальный продукт человека, *интерпретация* – это мысль, т.е. приобретаемое знание, *коммуникация* же – всего лишь операция передачи (трансляции). В современном же обществе именно *трансляция (коммуникация)* доминирует в триаде сообщение–интерпретация–коммуникация. То есть получается, что Интернет и другие проявления ИТ – мобильная связь, *Skype* и т.д., лишь тиражируют интеллектуальный продукт, но никак не создают нечто новое.

Более того: как Д.Иванов, так и другие аналитики¹ указывают на ту четкую тенденцию, что количество и качество фундаментальных научных исследований в современном мире в целом снижается, т.е. генерация, производство новых знаний и идей уменьшается. В итоге своих рассуждений Д.Иванов приходит к выводу, что в эпоху постмодерна понятие *информации в некотором смысле девальвируется и трансформируется, выделенной им триаде доминирующее значение приобретает коммуникация, т.е. операция трансляции символов, побуждающая скорее к действиям, но не к генерации и приобретению знаний.*

Следует признать, что подобная трактовка информации несколько упрощает ситуацию и в свою очередь также не совсем точно отражает существующие в нашу эпоху реалии. Ведь тиражирование информации и ее доступное распределение как минимум среди интернет-пользователей (а численность таковых неуклонно увеличивается, и они в скором времени станут большинством в обществе) приводит как бы к *информационной демократизации этого общества*. Иными словами, Интернет приводит к росту усредненной информированности глобального сообщества, членов которого уже затруднительно называть «бедными» в терминах Белла или Тоффлера.

Однако данное обстоятельство, которое можно охарактеризовать как своеобразный *ликбез* для виртуального общества, при всех своих, казалось бы, положительных последствиях, содержит – в определенном смысле – и негативные элементы. Это связано

¹ Мамчур Е., Фундаментальная наука и технологии: поиски механизмов взаимодействия. <http://iph.ras.ru/uplfile/natsc/articals/mamchur/modern-tehnology.pdf>.

в первую очередь с тем, что у *Homo Virtualicus* возникает иллюзия, что он владеет не только *тиражированной, популяризированной информацией*, но и *знаниями, что дает ему право высказывать суждения по тем вопросам, в которых он не разбирается в силу своего непрофессионализма в данной сфере*. Такая ситуация и такие иллюзии чреваты отрицательными последствиями для глобального сообщества и особенно в тех случаях, когда подобный синдром *иллюзорного, ложного всезнания* заражает представителей политического класса, т.е. тех, кто принимает участие в принятии решений.

Следует также учесть, что виртуальная информация не только часто носит поверхностный характер, но и зачастую изобилует неверными сведениями и откровенными фальшивками. По меткому выражению обозревателя одного из наиболее авторитетных изданий, «*The Economist*», ситуация с передачей информации сегодня напоминает ту, которая была лет триста тому назад, когда сведения распространялись устно, в разного рода кофейнях и тавернах [6]. Наряду с этим интеллектуальный уровень современных соцсетей не всегда располагает к оптимизму, и это относится не только к повальному увлечению разного рода играми, что приводит к своеобразной инфантилизации *net-сообщества* (см., например, [7]). Нам кажется, что вслед за выражением *easy music* можно ввести в оборот термин *easy information* – *легкая информация*, которая к тому же передается на весьма упрощенном, «глобализованном» языке «глобиш» (*globish*)¹. Этой *легкой информации* свойствен определенный синергизм, так как она,

¹ *McCrum R.*, *Globish*. – London/New York City: Viking/Norton, 2010.

в отличие от профессиональной – *сложной информации*, обладает сверхтекучестью¹ (это можно называть также *информационной сверхпроводимостью*) и легко резонирует с себе подобными, разветвляется, а в итоге мы получаем бурный, но не всегда утешительный эффект. По некоторым признакам нравы и обстановка в виртуальном сообществе в определенном смысле напоминают те, которые имели место в коммунальных квартирах эпохи раннего социализма в СССР. Поэтому некоторые действия *Homo Virtualicus* в соцсетях уж больно напоминают не борьбу за идеалы демократии и справедливости, а некую смесь эксгибиционизма с тривиальным виртуально-бытовым доносительством.

Эти факторы, а также те трансформации, которые происходят в мире в целом, вносят коррективы в наши представления о современном обществе. Поэтому небезынтересно, каким именно является это общество и в какой эпохе мы собственно живем.

Демократии: реальная и виртуальная

Английский социолог Колин Крауч в своем недавно вышедшем на русском языке труде «Постдемократия» определяет нынешнюю эпоху как «постдемократическую» [8]. В такой системе политики «замкнуты в своей собственной среде и поддерживают связь с обществом посредством начиненного манипулятивными технологиями *PR*-а». При этом сохраняется вся формальная демократическая атрибутика: выборы, разделение ветвей власти и т.д., однако в постдемократическом обществе, как в додемократические времена,

¹ *Мартиросян С.*, Сверхтекучесть информации в социальных сетях.
http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=4810&sphrase_id=1076.

всеми делами вершит симбиозная политическая и финансовая элита, причем доминирующей является последняя составляющая.

Скепсис относительно сути современной демократии имелся у многих и ранее. Например, Борис Ключников окрестил нынешнюю формацию как «новый тоталитаризм¹, а автор этих строк в своих выступлениях употреблял термин «квазидемократия». По сути, к тем же выводам, что и Крауч, приходит Михаил Делягин. В его труде «Кризис человечества: выживет ли Россия в нерусской смуте?»² системные проблемы современного устройства общества рассматриваются в контексте развития спекулятивного капитала, деградации представлений о демократии и информационной революции [9].

Созвучно взглядам Колина Крауча выступает и другой известный политолог, итальянец Данило Дзола, который характеризует современную действительность следующим образом: «Мы живем в условиях режима, который я бы назвал *теле-постдемократической олигархией*, и в этом обществе большинство граждан не выбирают и не избирают, а просто игнорируют политику в молчаливой покорности»³ [10]. Очень близких, но намного бо-

¹ Ключников Б., О глобализации, новом тоталитаризме и России. «Наш современник», #6, 2000. http://www.patriotica.ru/actual/kluchnikov_glob2.html.

² В продолжение темы об определении информационного общества уместно обратиться и к этой замечательной книге, где отмечается, что получаемая и используемая в режиме *on-line* информация позволяет практически свести на нет временной интервал между интеллектуальной (нематериальной) работой и материальными результатами. Такая возможность в значительной степени меняет традиционные представления о человеческом творчестве как в известной степени нематериальной категории. На наш взгляд, подобная жесткая привязанность креативности к материальным результатам в определенном смысле девальвирует или же, как минимум, трансформирует понятие «творчество».

³ Дзола Д., Авторитарный популизм.

<http://2010.gpf-yaroslav.ru/layout/set/print/viewpoint/Danilo-Dzolo-Avtoritarnyj-pop>.

лее пессимистичных взглядов придерживается британский социолог польского происхождения Зигмунт Бауман, который полагает (разделяя последние концепты Френсиса Фукуямы), что в современной эпохе не только происходит «усовершенствование человека» посредством изощренных методов «промывания мозгов», но и недалек тот день, когда для «осчастливалиния» и «деиндивидуализации» людей будут применяться методы генной инженерии [11-13].

Не случайно, в последние годы вышло в свет множество фундаментальных трудов, в которых анализировалось влияние крупных корпораций на общества и принимаемые политические решения [14-16]. В этом ряду особо отметим фактологически насыщенный и глубокий анализ Уилла Хаттона, а также те замечательные эссе, которые периодически публикует обозреватель журнала «Эксперт» Александр Механик (см., например, [17]).

Необходимо констатировать, что Колин Крауч не только подобрал очень удачный термин, но и дал подкрепленное фактами научное обоснование наблюдаемым явлениям. В частности, он считает, что современные представления о демократии подразумевают «ограниченные возможности правительства в неограниченной экономике» и сводят демократическую составляющую к проведению выборов, которые можно назвать таковыми лишь с большой натяжкой. В этих условиях правительство становится своего рода «институциональным идиотом», которого все время обвиняют в невозможности реализовать эффективную политику, приписывая такую возможность лишь «частному бизнесу». Представляется также, что «постдемократия» в принципе приравнива-

ет страны с «развитой» демократией к тем, в которых демократические институты – в современной интерпретации этого понятия – имеют недолгую историю. Однако это не мешает «развитым» демократиям постоянно обвинять «неразвитых» в неэффективности их борьбы против олигархата, что также, наверное, является своеобразной «постдемократической» традицией.

Но так или иначе, безусловным является утверждение, что современное общество в своем эволюцировании не достигло демократических идеалов. Именно в таком, более чем несовершенном обществе и функционирует среднестатистический член социальных сетей в Интернете.

Homo Virtualicus

В отличие от постдемократических реалий, в виртуальном мире, где нет четко выраженных иерархических структур управления и где соблюдается известная анонимность граждан, вроде бы царят классические, *протодемократические* нравы (но лишь в определенной мере, и к этому вопросу мы еще вернемся), похожие на те, которые, возможно, имели место в античных Афинах. Однако вместе с тем, и это – важная деталь, в отличие от афинян, *Homo Virtualicus* при проявлении определенной выдержки и умения может и не понести сурового наказания за свои слова и виртуальные поступки.

Вместе с тем положение в этой сфере меняется. «Граждане виртуально протодемократического общества», при всех своих известных и не очень известных особенностях, являются производными от реального мира, и поэтому определенное взаимодействие и даже конфликты между виртуальными и реальным обще-

ствами неизбежны. Это особенно характерно для тех сетевых структур, которые формируются по идейным интересам. Насколько нам известно, первый конфликт такого рода с вынесением обвинительного приговора в России (за высказывания в блоге о милиции) произошел в 2008г., но сейчас такие конфликты стали почти обыденными [18]. Наверное, нет смысла вдаваться в подробности известного «Химкинского дела» в Москве с поджогом муниципального здания или же борьбу казахских студентов против коррупции в своих отечественных вузах посредством блога *vzjatochnik.info*. Нечто подобное имело место и в Ереване, когда против сноса представляющего архитектурную ценность кинотеатра, а затем и против закона о реформировании образования была собрана масса подписей в блогосфере с последующим переносом «дела» в *Facebook*, что и вынудило власти поменять или же отредактировать свои первоначальные решения.

Есть множество примеров консолидации и «материализации» (с тем или иным успехом) *Homo Virtualicus* для реальных действий в реальном мире. Наши наблюдения по Армении показывают, что наиболее эффективно и конструктивно работают организации по охране окружающей среды и памятников культуры: это, как правило, очень доброжелательно воспринимается «реальным обществом». В таком контексте действия сетевых сообществ можно представить как некий механизм для компенсации дефицита демократии в условиях «постдемократии». Об этом, кстати, говорит и сам Колин Крауч в одном из своих интервью¹. Любопытно также и то, что, на наш взгляд, подобные акции соцсетей фактически

¹ Колин Крауч, Постдемократический мир корпораций.
<http://www.russ.ru/pole/Postdemokraticeskij-mir-korporacij>.

укрепляют пошатнувшиеся демократические институты. Это может показаться парадоксальным, но, выступая против властей, соцсети в некотором смысле укрепляют институты «национального государства» «постдемократических условиях» в его отношениях с наднациональным капиталом (если, конечно, у властей на то имеются желание и воля, как это имело место в приведенном выше примере в Армении). Вместе с тем виртуальные сообщества занимаются не только вопросами культуры и экологии.

WikiLeaks и «государства в государствах»

Относительно недавно как реальное, так и виртуальное сообщества были взбудоражены акциями расположенного в исландском «информационном оффшоре» ресурса *WikiLeaks*¹, на сайте которого было представлено сотни тысяч секретных документов Пентагона и Госдепа. Известно, что после этого в различных странах, с не особенно скрываемой подачи военного ведомства США, начались преследования сотрудников *WikiLeaks*. Обвинения были весьма зыбкими и, скорее всего, надуманными. Тем не менее были выданы ордера на аресты, возбуждены судебные дела и вызваны на допрос сотрудники этого информационного ресурса. В конце концов был арестован и сам глава *WikiLeaks* – Джулиан Ассанж.

Заметим, что вряд ли в свое время движение против войны во Вьетнаме могло бы собрать хоть небольшую часть той массо-

¹ Особенности этого созданного в 2006г. сайта, редакторы которого утверждают, что обладают примерно миллионом секретных документов, состоят в том, что система обеспечивает высокую степень анонимности источников «утечек» информации, а однажды опубликованный материал практически невозможно «удалить» из сети, для чего в разных странах были открыты около 300 копий – так называемых зеркал.

вой аудитории и столько антивоенных аргументов против американского правительства, как это сделал *WikiLeaks*. Известно также, что, несмотря на непопулярность войн в Афганистане и Ираке (а в последнем она продолжается, несмотря на декларирование ее окончания), в целом реальный мир достаточно вяло реагирует на эти процессы. Причин тому много, но большей частью они лежат в плоскости той же «постдемократии» с искусственным манипулированием обществом (возможная при нынешнем симбиозе СМИ, власти и олигархата глобально-тотальная пропаганда, большие денежные компенсации семьям погибших военнослужащих¹ и т.д. «Утечки» *WikiLeaks* сыграли свою специфическую роль в революциях в арабском мире, особенно в Тунисе².

Несмотря на большой виртуальный и реальный ажиотаж, акции *WikiLeaks*, в отличие от движения против войны во Вьетнаме, существенно ничего не изменили. Однако, работая по правилам базирующейся на эффектах *ноополитики*, они создали информационный фон в глобальном масштабе. Это дает основание некоторым аналитикам выдвинуть версию, что действия *WikiLeaks* являются не порывом и инициативой «правдолюбцев», а частью масштабной и хорошо спланированной информационной операции.

Согласно, например, нашей версии, эти действия помогают администрации президента Барака Обамы избавиться от неоконсервативного наследия Дж.Буша-младшего. В этом контексте самым важным является то, что новая администрация США приня-

¹ См., например, [19].

² Арутюнян Г., Гриняев С., Сетевые революции – оптом для всего мира.
<http://www.tpp-inform.ru/global/1075.html>.

ла решение о выводе войск из Ирака и Афганистана, а в целом пытается вести более сдержанную политику в военной и экономической сферах. Известно, что эти подходы часто наталкиваются на сопротивление со стороны республиканцев и представителей военного ведомства. Для ослабления позиций последних и была спланирована операция *WikiLeaks*. Это вполне соответствует духу ведения дел Б.Обамы, которого за умение использовать интернет-ресурсы называют «*on-line президентом*».

Вместе с тем подобный сценарий возможен лишь в ослабленном – в соответствии с концепциями Колина Крауча и Михаила Делягина – государстве, которое фрагментизировано не только в плане олигархат–правительство–общество, но и по ведомственно–корпоративному признаку. Не секрет, что в американском обществе особое положение занимают Пентагон и военно-промышленный комплекс (на угрожающе возросшую роль ВПК указывал президент Эйзенхауэр еще в 50-ых годах прошлого века). Обладая средствами, в условиях острого бюджетного дефицита, приближающегося к триллиону долларов (\$700-800 млрд. с учетом военных расходов в Афганистане и Ираке), Пентагон является своего рода государством в государстве. Это ведомство, в полном соответствии с логикой «постдемократии», в определенной степени слилось с коммерческими структурами, о чем регулярно свидетельствуют крупные, многомиллиардные коррупционные скандалы¹. Не удивительно, что интерпретация нацио-

¹ Томлинсон Х., Американская война с терроризмом опутана сетью взяточничества, мошенничества и коррупции. The Times, 28 декабря 2010, <http://www.b111.org/v.php?id=82262>.

нальных интересов Соединенных Штатов военными зачастую отличается от озвученных Белым домом. Любопытно, что эти обстоятельства послужили мотивом для создания ряда кинофильмов о попытках захвата власти в США «ястребами-генералами». Для них характерен «*happy end*» (как правило, благодаря смекалке и самоотверженности сотрудников секретных служб и президентского аппарата), но тревожный осадок, и не только у американцев, все-таки остается. Очевидно, что все это не только плод фантазии сценаристов Голливуда: на такую возможность указывают и американские обозреватели (особенно после 11.09.2001), причем оперируя реальными фактами и имевшими место инцидентами¹. Поэтому вполне возможно, что войнами в Ираке и Афганистане мировое сообщество обязано не политическим соображениям администрации Дж.Буша и не геополитическим проектам неоконсервативных *think-tank*-ов типа *Heritage Foundation*, а скорее корпоративным интересам военной элиты. Военные же, в свою очередь, связаны с производителями военной техники, с многочисленными поставщиками и посредниками, т.е. с крупным бизнесом. Не зря некоторые американские аналитики считают, что такое доминирование военных в политических делах реально угрожает безопасности США².

¹ Рудаков А., Военный переворот в США?
<http://www.globoscope.ru/content/articles/762/>;
Очень американский переворот, «*TomDispatch*», США,
<http://www.inosmi.ru/usa/20100201/157913783-print.html>.

² Пфафф У., Как милитаризм угрожает Америке. *Foreign Affairs*,
<http://www.rondon.org/polit-101227130918>.

На этом не очень утешительном фоне разведсообщество США (в первую очередь – ЦРУ), будучи более информированным о ситуации в Центральной Азии и Ближнем Востоке, да и в мире в целом, с намного меньшим энтузиазмом относилось к перспективам масштабных войн (см., в частности, [20]). Известно также, что американские спецслужбы, и сами будучи «государством в государстве» (общий их бюджет оценивается примерно в \$120 млрд.), ревниво относятся к усилению Пентагона и содействующему его Госдепартаменту (бюджет – \$15 млрд.). Возвращаясь же к публикациям *WikiLeaks* с учетом этих фактов и соображений можно представить следующий сценарий.

В некоторых СМИ проскользнула информация о том, что не исключено, что одной из сил, которая привела Барака Обаму в Белый дом, является ЦРУ. Если принять такую версию в качестве рабочей гипотезы, то случай с *WikiLeaks* является выражением противостояния двух ведомств США – ЦРУ и Пентагона. В пользу этой версии указывает и то, что президент Обама в апреле 2011г. (намного позже публикации версии автора осенью 2010г. [1]) назначил шефа ЦРУ Леона Паннета министром обороны США, сместив на этом посту Роберта Гейтса¹. В контексте версии весьма любопытно и то, что группа бывших сотрудников спецслужб США, Великобритании (и почему-то Дании) выступила с открытым письмом в защиту Джулиана Ассанджа в духе того, что публикации *WikiLeaks* принесли пользу, т.к. они помогли общественности «составить собственное мнение о реальных механизмах формирования государственной политики» [21].

¹ <http://www.interfax.ru/politics/news.asp?id=187923>.

Однако так или иначе очевидно, что безнаказанную утечку огромных массивов секретной информации невозможно представить без содействия могущественных сил в самом американском правительстве (будь то спецслужбы или же диссидентское движение *Homo Virtualicus-ов* в русле соцсетевой демократии). Никак нельзя отрицать и того, что в определенных случаях эти утечки способствуют продвижению концепций нового президента. Поэтому весьма логично, что действия *WikiLeaks* ассоциируются с информационными операциями.

Социальные сети и сетевые войны

Как это мы уже отметили в предыдущей главе, основанные «на эффектах» информационно-сетевые операции и войны (*ИСО* и *ИСВ*) стали одним из краеугольных элементов современной политики США и других ведущих государств. В этом аспекте нетрудно заметить, что виртуальные социальные сети во многих своих проявлениях являются идеальным инструментом для ведения *ИСВ*.

Практически все СМИ и аналитики отмечают, что в революционном движении появился такой эффективный инструмент, как социальные сети (*Facebook*, *Twitter* и т.д.), многочисленные блоги и т.п.¹ Как уже отмечалось, в Тунисе организации «народного бунта» и свержения президента Бен Али во многом способствовали и публикации *WikiLeaks*, обнародовавшие переписку американских дипломатов, в которой приводились факты о коррумпированности членов семьи свергнутого президента. По несколь-

¹ «Бархатные революции» в Северной Африке: как это делается в Египте.
http://www.csef.ru/studies/defence/projects/theory_of_information_war/articles/1194.

ко другому сценарию, но в том же духе развивались события и в Египте: еще в июне 2010г. менеджер ближневосточного отделения *Google* Ваель Гоним открыл антимубараковскую страничку в *Facebook*, куда заходили до полумиллиона посетителей в день.

Неудивительно, что именно в разгар революций в арабском мире Государственный департамент США решил организовать «передачи» в формате *Twitter* на китайском, хинду и русском языках. Неудивительно, что после отставки Мубарака Барак Обама приватно встретился с главами крупных *IT*-компаний (своего рода «пир победителей»).

Пентагон же принял решение обзавестись специальной программой, нацеленной на проведение проамериканской пропаганды через различные социальные сети и блоги¹. Данная инициатива – часть операции «Искренний голос» (*OEV*), первоначально разработанной для ведения психологической борьбы с сетевой деятельностью сторонников «Аль-Каиды» и других сил в Ираке. Применяемая технология позволит вести секретную блогерскую деятельность на зарубежных сайтах и тем самым противодействовать кампаниям по дезинформации или хакерским атакам. Контракт стоимостью \$2,76 млн. достался компании *Ntrepid*, и в рамках этой программы будут создаваться вымышленные виртуальные личности в *Twitter*, *Facebook* и других соцсетях, которые по всем внешним признакам должны казаться обычными пользователями из разных стран. Известно также, что «под контролем одного военного будет до десяти онлайн-персонажей», а круглосуточно будут

¹ Рудакова Д., США готовят операцию по манипулированию социальными сетями. <http://www.rbcdaily.ru/2011/03/21/world/562949979906266>.

работать до 50 операторов. Надо полагать, что от своих коллег решили не отставать и американские спецслужбы. В силу своей специфики они открыто не декларируют свои намерения, но любопытно, что летом 2011г. одна известная хакерская группа заявила о своем намерении «взломать» *Facebook*, так как эта сеть подозревается в сотрудничестве с ЦРУ.

Примеру США последовали и правительства других стран. Израиль объявил призыв добровольцев в своеобразную «армию блоггеров», которой предстоит выйти на поля интернет-сражений для борьбы с антисионизмом¹. Руководит проектом Министерство абсорбции Израиля, которое приглашает израильтян, владеющих каким-либо иностранным языком, «представлять Израиль в антисионистских блогах на английском, французском, испанском и немецком языках». Также представляют интерес блоггеры, пишущие на русском и португальском. СМИ отмечают, что соответствующий опыт у Израиля уже есть. В начале 2010г. иерусалимский мемориал холокоста Яд Вашем запустил арабскую версию своего веб-сайта, чтобы «противодействовать опровержению холокоста в арабском и мусульманском мире. На сайте выложены яркие фотографии нацистских злодеяний и видеосвидетельства выживших жертв».

Естественно, что все эти тенденции проявились и в Армении.

Соцсети в Армении и «критические инфраструктуры»

В республике по оценкам начала 2011г. насчитывается около 130 тысяч пользователей сети *Facebook*, а в последнее время наблюдается четкая политизация этого сегмента. Например, недавно

¹ <http://www.csef.ru/actual/1348/>.

экс вице-спикер Национального Собрания Армении выступил с инициативой создания «Онлайн-альянса либералов», или «ЗА». Цель альянса, по словам его создателей, заключается в том, чтобы «посредством Интернета объединить либералов Армении, Арцаха и Диаспоры и направить их совместную интернет-деятельность на благо страны и народа»¹. Как название (в традициях «цветных революций»), так и цели этой виртуальной организации в особых комментариях не нуждаются. Согласно экспертным наблюдениям, роль «виртуального сообщества» возрастет, в частности, в период предстоящих парламентских и президентских выборов. Некоторые «интернет-авторитеты» не скрывают, что во время этих выборов в РА в очередной раз (после 2008г.) – причем с более широким применением сетевых методов – будет предпринята попытка совершения «цветной революции». Имеющиеся факты свидетельствуют о том, что на сегодня в контексте национальной безопасности в интернет-сетях накопился значительный «отрицательно заряженный» потенциал.

Мировой опыт свидетельствует, что для регулирования «виртуальной» сферы применение силовых или административных методов неэффективно. Для применения же «мягких» методов противодействия необходимо:

- иметь четкие политические и идеологические установки,
- получать адекватную информацию о «сетевых структурах» и блогосфере,
- осуществлять мониторинг общественного мнения в социальных сетях,

¹ <http://www.regnum.ru/news/armenia/1363477.html>.

- владеть современными информационно-психологическими технологиями и обладать инструментарием их применения,
- разработать методики внедрения конструктивных идей в социальные сети.

Однако сетевые структуры являются источниками рисков и в другом плане. Как известно, одной из задач *ИБ* считается обеспечение безопасности так называемых «*критических инфраструктур*» – систем управления, энерго- и водоснабжения, коммуникационно-информационных, финансовых и других систем. Представляется, что в этот список следует включить также и соцсети.

В частности, согласно данным *Ponemon Institute*, порядка 65% участников опроса – пользователей социальных веб-сайтов не используют настройки безопасности и приватности, 90% регистрируются в сети, не удосуживаясь ознакомиться с ее политикой безопасности, а 40% указывают при регистрации настоящий домашний адрес, и столькие же нарушают тайну пароля. Естественно, что в такой обстановке криминал в соцсетях процветает, как в лучшие для гангстеров времена в Чикаго. К примеру, сегодня через социальные сети координируют действие курьеров, которые переводят деньги со счетов, взломанных при помощи компьютерного вируса, на нужные счета¹. Весьма проблемной фигурой в соцсетях является и администратор, который постепенно приобретает статус оруэлловского «Большого Брата». Вполне естественно, что базы данных в соцсетях представляют

¹ В США вынесен приговор интернет-мошеннику.
<http://lenta.ru/news/2011/01/06/fyodorov/>.

интерес не только для криминальных структур, но также и для мало-мальски уважающих себя спецслужб. Однако полноценно справиться с огромными массивами информации в Интернете способны лишь гиганты электронной разведки типа Агентства национальной безопасности Соединенных Штатов.

Намного сложнее, как нам кажется, обеспечение защиты контентного сегмента, в котором уровень *ИБ* во многом определяется способностью общества отстаивать свои базовые ценности. Это особенно важно в контексте принципа сетевых войн о «имплантация своего культурного кода в социуме условного друга или конкурента».

Обобщая представленный материал, можно констатировать, что сегодня происходит интенсивное и предметное взаимодействие между реальным и информационно-виртуальным мирами. Граница между ними, благодаря бурному развитию соцсетей и блогосферы, становится условной, а понятие «виртуальный» теряет свой первоначальный смысл. Важным результатом этого процесса является то, что социальные сети и блогосфера в Интернете способны как минимум тормозить процессы *дедемократизации*, столь характерные для современных *постдемократических* обществ. В определенных случаях – в контексте тенденции к доминированию транснационального капитала на государственном и глобальном уровнях – действия подобных структур могут быть направлены на защиту «национального государства» и цивилизационных ценностей общества. Таким образом, при определенных сценариях развития интернет-структуры способны стать глобальными демократическими институтами.

Но наряду с этим социальные сети и блогосфера в Интернете являются инструментом для ведения информационно-сетевых войн, т.е. в известных обстоятельствах эти структуры становятся в некотором смысле оружием массового поражения, обладание которым увеличивает искушение проведения экспансионистской политики. Поэтому интернет-структуры и их действия следует изучать и оценивать также и в терминах информационной безопасности, с использованием методик по определению и защите *критических инфраструктур технического и контентного сегментов*.

Вместе с тем развитие ставшей реальной виртуальной сферы продолжается. Это должно привести к новым изменениям и трансформациям как внутри сетевого, так и мирового сообщества. Поэтому ознакомимся с некоторыми прогнозами на этот счет.

Возможные сценарии

Прогнозы относительно будущего Интернета относятся как к технической сфере, так и к социальной. В частности, эксперты *Cisco* и *Monitor Group* полагают, что в ближайшие 15 лет интернет-аудитория будет расти в основном за счет жителей развивающихся стран, а границы Интернета будут размыты¹. В этом случае пользователи по всему миру смогут выходить в сеть с большого количества доступных устройств, а Интернет станет центром оказания услуг. Вместе с тем Интернет ожидает превращение в небезопасную сеть из-за возрастающего числа кибератак, и, как следствие, у него могут появиться безопасные аналоги, доступ к которым будет недешев. В этом аспекте любопытно, что в США не исключают

¹ <http://lenta.ru/news/2010/08/26/future/>.

возможности нанесения военного удара в ответ на кибератаки, т.е. действия в Интернете могут послужить *casus belli*, а возникшие войны могут в принципе привести к тотальному разрушению как реального, так и виртуального миров [22].

По прогнозам же шведских исследователей, формируемый «новый мир» настолько «сложен» и стремителен в своих изменениях, что управление им могут осуществлять только высокоинтеллектуальные люди, которые будут объединены посредством Интернета [23]. Эти интеллектуалы должны сформировать новую мировую элиту, так называемую *нетократию* (от слова *net* – сеть), которая, благодаря своим интеллектуальным способностям, должна управлять «хаотичным миром» будущего. С этой точки зрения уместно вспомнить также труд Сергея Гриняева, в котором говорится о возможности формирования «сверхинтеллекта» в сетевом обществе [24].

Ко всем теориям относительно будущего мира следует подходить как с определенным скептицизмом, так и с большим вниманием. Последнее относится к тем прогнозам, которые выполняют высококлассные эксперты с применением современных прогностических методов. Внимание к прогнозам оправдано хотя бы тем, что стратегическое планирование подразумевает оперирование результатами сценарных разработок, т.е. в определенной мере прогнозирование формирует мир будущего. Похоже, что эту истину понимали и в исторические времена: небезызвестный Джакомо Казанова говорил, что «если бы некоторые исторические события не были бы предвидены, то не было бы и этих событий». Вопросы формирования будущего мы более подробно обсудим в следующей части этой книги.

Литература

1. *Арутюнян Г.*, Интернет-структуры в контексте «постдемократии» и информационной безопасности. 21-й Век, #4(16), с. 3, 2010.
2. *Иванов Д.*, Общество как виртуальная реальность (в кн. «Информационное общество»). – М.: АСТ, 2004.
3. *Тоффлер Э.*, Третья волна. – М.: АСТ, 2004.
4. *Белл Д.*, Грядущее постиндустриальное общество. Образец социально-прогнозирования. – М.: Академия, 1999.
5. *Белл Д.*, Социальные рамки информационного общества. Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986.
6. *Back to the coffee house.* The Economist. July 9th-15th, 2011.
7. *Павловский Г.*, Интернет есть, счастья нет. Эксперт, # 30-31(715), с. 15, 2010.
8. *Крауч К.*, Постдемократия. – М.: Государственный университет, Высшая школа экономики, 2010.
9. *Десягин М.*, Кризис человечества: выживет ли Россия в нерусской смуте? – Владимир: АСТ Астрель, 2010.
10. *Дзола Д.*, Демократия и сложность: реалистический подход. – М.: Издательский дом Государственного университета, Высшая школа экономики, 2010.
11. *Бауман З.*, Глобализация. Последствия для человека и общества. – М.: Весь мир, 2004.
12. *Бауман З.*, Счастливый человек постдемократического общества. Независимая газета (НГ Политика) #3(74), 22.02.2011.
13. *Фукуяма Ф.*, Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. – М.: АСТ, 2008.
14. *Хаггер Н.*, Синдикат. – М.: Столица-Принт, 2007.
15. *Лоран Э.*, Нефть. – М.: Столица-Принт, 2008.
16. *Хаттон У.*, Мир, в котором мы живем. – М.: Ладомир, 2004.
17. *Механик А.*, Преодолевая «идиотизм». Эксперт, #45(729), с. 74. 2010.
18. *Таратуга Ю., Зыгарь М.*, Вы у нас еще попишите. Русский Newsweek, #18-19, (287), с. 13, 2010.
19. *Арутюнян Г.*, О некоторых задачах стратегии США в контексте Иракской проблемы. 21-й Век, #3(5), с. 105, 2004 (на арм. языке).
20. *Тенет Дж. (при участии Харлоу Б.)*, В центре шторма. Откровения экс-главы ЦРУ. – М.: Коммерсантъ, ЭКСМО, 2008.

21. Сотрудники западных спецслужб защищают «Викиликс». Зарубежное военное обозрение. #1, с. 105, 2011.
22. Зарубежное военное обозрение. #6, с. 96, 2010.
23. Берд А., Зондерквист Я., Netokratia. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. Стокгольмская школа экономики. – СПб., 2005.
24. Гриняев С., Интернет как супермозг: от гипотезы к модели. 21-й Век, #1, с. 140, 2003.

ЧАСТЬ 3.
ФОРМИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

Независимо от того, как было предугадано будущее, его власть приковывать и занимать воображение была постоянной особенностью человеческого состояния.

Д.А. Уилсон¹

Прогнозирование будущего всегда было одним из вопросов, волнующих человечество. Как в исторические, так и в нынешние времена разного рода оракулы, прорицатели или провидцы имели и имеют особый статус, пользовались и продолжают пользоваться большим уважением в обществе. Еще во втором тысячелетии до н.э. жрицы храма Аполлона греческого города Дельфы были известны античному миру своим искусством предсказания, и прежде чем по своему обыкновению предпринимать что-либо великое, цари и полководцы обязательно посещали этот храм, получали от жриц (надо полагать, за определенное вознаграждение) свою долю прорицаний. Однако складывается впечатление, что затем античные герои все-таки больше руководствовались собственными соображениями и интерпретациями этих довольно-таки смутных предсказаний. Очень похоже на то, что они поступали правильно: часть «дельфийских прорицаний» сохранилась, и из анализа, проведенного специалистами уже в наши дни, следует, что значительная часть предсказаний (41%) просто фиксировала известные реалии, 32% составляли наставле-

¹ Шотландский историк, автор книги «История будущего» [1].

ния-инструкции (т.е. сделай это и только это), 22% составляли запрещающие указания, 3% являлись неверными предвидениями будущего, а сбылось всего 2% от всех прогнозов. Как видим, вероятность собственно предсказаний составляет всего 5%, из коих в действительности, в полном согласии с теорией вероятностей, сбылось меньше половины.

Несмотря на такие не очень утешительные результаты, традиция обращаться к оракулам сохранилась до наших дней. И сегодня немалое число разного рода деятелей, предпринимателей, да и простых смертных регулярно обращается к всевозможным прорицателям и, щедро раскошеляясь, пытается понять, что же их ждет в ближайшем или более отдаленном будущем. Согласно социологическим и психологическим исследованиям, такое положение обусловлено тем, что часть людей склонна видеть в туманных формулировках оракулов реальные факты и развития своей жизни, что заставляет их верить во всевозможные «предсказания». В специальной литературе подобные эффекты носят имена психологов Форера («эффект Барнума»), Розенталя и Готорна, открывших и изучивших эти явления.

Но основным предназначением прогнозирования будущего является отнюдь не только утоление любопытства. Очевидно, что формирование представлений о будущем является основой стратегического мышления и, соответственно, стратегического планирования и управления. Отсутствие же этих категорий, как правило, крайне негативно сказывается как на государствах, так и на любых более или менее серьезных начинаниях (см., например, [2-4]).

Методы прогнозирования

В новейшей истории прогнозирование будущего начало носить более системный характер, а сфера получила научное название – футурология. В первое время футурологами были преимущественно писатели, поэты и философы, предсказания которых были плодом собственной интуиции и фантазии. Например, великий поэт Велимир Хлебников еще в 1912г. предсказал гибель Российской империи в 1917г., уж не говоря о том, что сама Октябрьская революция и создание социалистической державы в некотором смысле являлись футурологическим проектом, задуманным социалистами. В жанре видения будущего именно писателями были написаны блестящие эссе, антиутопии и другие произведения, которые расширили кругозор современников [5-9]. Более того, некоторые из этих прогнозов сбылись, и поэтому в экспертном сообществе их называли *«гениальными предсказаниями»*.

Но такой способностью обладают не только писатели-фантасты и поэты-футуристы. Главу Института исследования трендов Джэральда Селенте¹ называют американским Нострадамусом, так как он предсказал крах фондовых рынков в 1987г., распад СССР в 1991-ом и азиатский кризис 1997 года. Согласно утверждениям Селенте, мировой гегемонии Соединенных Штатов в скором времени придет конец, т.к. Америка, несмотря на сильные отличия от СССР, следует по тому же пути, что и в своё время Советский Союз. Более того, он предрекает, что США ждут голодные бунты, которые завершатся революцией.

¹ <http://www.rodon.org/polit-101028130814>.

После наступления волны кризисов и падения кредитного рейтинга США эти прогнозы приобрели особое значение, и к этим вопросам мы еще вернемся. Однако следует иметь в виду, что достоверностью прогнозов руководитель Института исследования трендов обязан не только своей гениальной интуиции. Он в своей работе широко пользуется методами, которые начали разрабатываться и развиваться в США со второй половины прошлого века. Именно тогда (1953г.) сотрудники американского «мозгового центра» *RAND* Теодор Гордон и Олаф Хелмер разработали технологию прогнозирования, которая в честь города, где располагался храм Аполлона, была названа «Дельфи» (*Delphi*).

Метод «Дельфи». Суть метода заключается в следующем [10]. Во время первого этапа эксперты, действующие на квазианонимных условиях, представляют свои прогнозы по исследуемой проблеме, которые доводятся до всех участников. Эксперты должны комментировать крайние точки зрения и в итоге обосновать или изменить собственные оценки. Процедура повторяется до тех пор, пока не достигается приемлемое для организаторов совпадение прогнозов¹.

Для эффективного применения технологии «Дельфи» необходимо соблюдение множества предварительных условий, однако главным фактором, конечно же, является наличие высококвалифицированного экспертного сообщества и эффективная организация этого сообщества.

¹ *Walonick D.S., An Overview of Forecasting Methodology.*
<http://www.statpac.com/research-papers/forecasting.htm>.

«Метод написания сценариев». Этот метод пользуется особой популярностью при построении долгосрочных прогнозов. Сценарии, как правило, предполагают три возможных варианта развития событий: оптимистичный, пессимистичный и наиболее вероятный (см., например, [11]). Первые сценарии подобного рода – в виде штабных игр – изначально составлялись в генштабах разных держав. Однако принято считать, что теоретические основы этого метода были разработаны в 60-х гг. прошлого века, а первое сценарное планирование прикладного значения реализовали в 1971г. аналитики нефтяной компании *Royal Dutch Shell* – таким образом они попытались рассчитать весьма актуальные в те годы возможные варианты повышения цен на нефть со стороны ОПЭК и прогнозировать их последствия.

Следует подчеркнуть, что сценарные разработки содержат множество элементов составления экспертных прогнозов. В то же время сценарное планирование направлено не только на формирование общих представлений о будущем. Оно главным образом позволяет предположить, какие развития политического, экономического или иного характера могут иметь место в той или иной ситуации (это может произойти как в будущем, так и в настоящем) и какие последствия будут иметь эти процессы.

Сценарный образ мышления позволяет в раскованном режиме предугадать возможные, порой взаимоисключающие и кажущиеся экстремальными варианты локальных или глобальных развитий. При этом воображение экспертов ценится очень высоко: не случайно, что в такого рода разработки вовлекаются не только узкие специалисты по данной проблеме, но и писатели-

фантасты, шахматисты и прочие, так называемые «креативные» личности. Подобный «вольный» подход к возможным развитиям, в числе прочих преимуществ, позволяет заранее подготовиться к самым неожиданным военно-политическим или экономическим поворотам. Благодаря этим особенностям, «сценарные технологии» нашли широкое распространение как в государственных структурах или действующих под их эгидой «мозговых центрах», так и в крупных коммерческих компаниях.

Существуют различные методики сценарных разработок, однако, как правило, они предполагают выполнение следующих шагов [10]:

- по возможности уточняется общий фон развития ситуации и выделяются те события, которые имеют большую вероятность воплощения в жизнь;
- определяются те факторы и параметры, которые имеют максимально большое воздействие на развитие данного события;
- в рамках возможного определяются предельные значения вышеупомянутых факторов и параметров – иными словами, оцениваются максимальные и, наоборот, минимальные масштабы их воздействия;
- в результате определенных логических сопоставлений вышеуказанных параметров и факторов формируются те возможные сценарии, вероятность реализации которых оценивается максимально высоко или, по крайней мере, теоретически не исключается.

Метод «Форсайт» (Foresight). В сфере прогнозирования сегодня четко видна тенденция создания комбинированных методов, в которых сочетаются различные подходы и технологии. В качестве такого примера типичным и наиболее популярным является метод «Форсайт» – «видение будущего».

Этот метод сочетает в себе алгоритмы методов «Дельфи», написания сценариев, экстраполяции тенденций и т.п. «Форсайт» применяется для «достижения наиболее полного согласия экспертного сообщества по вопросам социально-экономического и научно-технологического развития» [10]. Чтобы учесть все возможные варианты и получить полную картину, при проведении «Форсайта» привлекается большое количество экспертов. Так, в японских долгосрочных прогнозах научно-технологического развития, проводимых каждые пять лет, участвуют более двух тысяч экспертов, которые представляют важнейшие направления развития науки, технологий и техники. Однако японцев в плане многочисленности привлекаемых специалистов обошли корейцы: в последнем их подобном проекте участвовали более 10 тысяч экспертов.

Особенность этого метода состоит также в том, что его «конкретное выражение диктуется возможностями ... каждого конкретного государства». Характерно, что разработчики «Форсайта» считают, что наступление «желательного» варианта будущего во многом зависит от действий, предпринимаемых сегодня, поэтому выбор вариантов сопровождается разработкой мер, обеспечивающих оптимальную траекторию инновационного развития. Не случайно в экспертном сообществе бытует мнение, что ценность «Форсайта» заключается не столько в достоверности полученных оценок, сколько в самом процессе выработки согласованных подходов к проблеме.

Базовыми принципами «Форсайта» являются следующие утверждения [12].

- Будущее творимо, оно зависит от прилагаемых усилий.
- Будущее вариативно (возможно много вариантов будущего) – оно не проистекает из прошлого и зависит от решений, которые будут предприняты участниками.
- Есть сферы, по отношению к которым можно строить прогнозы, но наши действия не предопределены.
- Будущее нельзя спрогнозировать или предсказать, можно быть к нему готовым.

Относительно метода «Форсайт» уместно привести слова Дуайта Эйзенхауера, сказанные им в 1944г. во время подготовки высадки в Европу: «Возможно, в реальности операция будет развиваться не совсем так, как мы это планируем, но планировать операцию все равно необходимо».

Экстраполяция тенденций. Посредством этого способа изучаются тенденции показателей, которые экстраполируются на будущее математическими методами. Базовым принципом является тезис о том, что «будущее формируется под влиянием тех же сил, которые играли определяющую роль в прошлом». По этой причине метод эффективен при краткосрочном прогнозировании, он применим тогда, когда условия остаются стабильными на протяжении большого отрезка времени, «охватывающего как наблюдавшийся в прошлом, так и прогнозируемый отрезок времени» (наличие так называемой инерции развития) [10].

Глобальное политическое прогнозирование. Основоположником этого направления считается выдающийся русский ученый Александр Панарин¹ (см. также [13-15]). Исходной точкой такого прогноза является представление о том, что будущее человечества качественно иное, его невозможно экстраполировать из сегодняшних реалий. Согласно Ал.Панарину, «человечество стоит перед дилеммой: либо оно откроет дверь в качественно иное будущее – либо будущего у него не будет вовсе». Утверждение же, что будущее является продолжением настоящего, т.е. является «количественным наращиванием сложившихся параметров и тенденций», не выдерживает критики по следующим трем основаниям:

- *Первое* из них «связано с экологическими «пределами роста» – несомненной экологической перегрузкой планеты. Это требует смены самой *парадигмы* развития современной технической цивилизации и форм ее отношений с природой.
- *Второе* связано с тенденциями нравственного вырождения, «которое проявляется не только в катастрофическом ухудшении моральной статистики, касающейся массового поведения, но и в существенном ухудшении принимаемых современными элитами решений – политических, экономических, административно-управленческих. Возникает необходимость смены социокультурной парадигмы, формирующей нравственный и поведенческий код современного человечества».
- *Третье, согласно Ал.Панарину*, «связано с углубляющейся социальной поляризацией между адаптированной (благополучной) и неадаптированной (неблагополучной) частями

¹ *Панарин А.*, Глобальное политическое прогнозирование.
<http://www.polit-inform.ru/showObject/objID/72>.

человечества». Между тем ранее считалось, что «процесс глобальной модернизации осуществляется в русле единой общечеловеческой перспективы – приобщения менее развитых слоев, стран, регионов к единому эталону».

Пессимизм Ал.Панарина в социально-нравственной сфере сегодня разделяют многие.

Кроме кратко представленных методов прогнозирования, применяется и ряд других. По данным 2001г. различными методами прогнозирования пользовались около 30 стран, и сегодня их число, несомненно, значительно выросло. Лидером же в этой области продолжают оставаться США.

Вместе с тем надо учесть, что далеко не все разработки в сфере научного прогнозирования нацелены по возможности объективно оценить будущие развития. Иногда такие исследования преследуют внутривнутриполитические цели и являются своего рода *PR*-ом для той или иной политической силы (как, например, [16]). Некоторые из них скорее относятся к жанру «информационных войн» и призваны создавать определенные настроения в международном сообществе. Наверное, к таковым можно отнести и книгу «Следующие 100 лет» руководителя известной организации *STRATFOR* Джорджа Фридмана [17]. Кстати, на выдвигаемый Фридманом, в частности, весьма сомнительный прогноз о важной роли Польши в войнах XXI века в союзе с США весьма жестко отреагировали сами поляки в лице председателя Института геополитики Лешека Сыкульского¹.

¹ *Сыкульски Л.*, Геополитические мифы Джорджа Фридмана: взгляд из Польши, <http://www.win.ru/digest/6231.phtml>.

В экспертном сообществе особое внимание уделяют прогнозам, систематически выполняемым и широко комментируемым в СМИ американским Национальным разведывательным советом – *NIC* (см., например, [18]). Не отстают от них и военные эксперты: достаточно отметить, что, согласно некоторым источникам, в одном только Пентагоне работает около 1500 специалистов по методу «*Форсайт*». В частности, особое место на «рынке прогнозов» занимает составленные в 2008 и 2010 гг. командованием Объединенных сил США (*USIFCOM*) документы «Среда для действий объединенных сил» (*The Joint Operating Environment–JOE 2008* и *JOE 2010*)¹, в которых специалисты Пентагона сделали попытку предсказать военно-политическую ситуацию на нашей планете через четверть века.

Философия и прогнозы Пентагона

Американские военные начинают свой анализ с рассмотрения опыта прошлого и некоторых философских мировоззрений. По их мнению, представления о сущности войны и мира, которые сформировали еще Сунь-Цзы (VI в. до н.э.) и уже в XIX в. Карл фон Клаузевиц, до настоящего времени не претерпели особых изменений [19–21]. Примечательно, что формулу победы американские стратеги XXI века, как и Сунь-Цзы, видят в познавательной сфере, поэтому они часто обращаются к следующей формулировке китайского классика: «Если знаешь себя и знаешь врага, то ты всегда победишь. Если знаешь себя, но не знаешь врага, то у тебя будут и победы, и поражения. Если не знаешь себя и не знаешь врага, то каждая твоя битва чревата поражением».

¹ http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2008/joe2008_jfcom.htm,
<http://www.fas.org/man/eprint/joe2010.pdf>.

Нельзя не согласиться также с утверждением авторов, что политические лидеры довольно поздно воспринимают быстро происходящие изменения. Их представления о будущем зачастую являются всего лишь попыткой перенести обыденные реалии в будущее посредством простой экстраполяции. Эксперты *JOE* подходят к этой задаче самокритично и указывают на ошибки, которые допустило в прошлом американское военно-политическое руководство в результате неверных представлений даже о ближайшем будущем. Данное обстоятельство, следует признать, не является спецификой исключительно американского истеблишмента. Вот что пишет Андрей Афанасьевич Кокошин, обращаясь к российской политической элите в своей недавно опубликованной книге: «К сожалению, лишь очень небольшая часть современных практиков способны мыслить, обращаясь к будущему, планировать будущее, т.е. обладают стратегическим мышлением, выходя за рамки обыденности» [22, с. 62].

Американские стратеги придают особую важность фактору политической воли властей, наличие которой дает большие перспективы даже странам, обладающим небольшими ресурсами, (что в полной мере относится к Армении). В этой связи заметим, что фактор воли занимает важное место при количественных стратегических оценках [23, 24]. Например, в предложенной аналитиком ЦРУ Рэйем Клейном формуле для определения суммарной мощи государства, характеристика, отражающая фактор *воли*, является одной из ключевых:

$$P = (C+E+M) (S+V),$$

где P – мощь государства, С – население и территория, E – эконо-

мические возможности, *M* – военная мощь, *S* – коэффициент национальной стратегии, *W* – воля по достижению целей национальной стратегии.

В Пентагоне признают, что США в политическом и экономическом плане теряют абсолютные монопольные позиции, однако они убеждены, что, как и раньше, эта держава будет доминировать в сфере инноваций. Особо подчеркивается, что в войнах будущего залогом победы будут воображение и интеллект, а сами эти войны можно квалифицировать как борьбу за «умы и души» людей. Эксперты *JOE* не сомневаются, что информация является «стратегическим оружием», и исходят из того положения, что «восприятие происходящего значит больше, чем происходящее».

В этом контексте не удивительно, что военное ведомство серьезно обеспокоено тем, что в американских вузах заметна некоторая деградация и что они начали уступать по своему уровню, например, индийским и китайским университетам. По мнению авторов *JOE*, американская научно-образовательная сфера нуждается в совершенствовании и реформировании, и в этом военные эксперты вполне солидарны со своими коллегами из Национального совета по разведке США (*NIC*), которые подготовили доклад «Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир». Согласно прогнозам *NIC*, к 2025г. Китай и Индия почти достигнут паритета с США в двух областях: в научном и человеческом капитале (Индия) и правительственной восприимчивости к инновациям в бизнесе (Китай). Китай и Индия существенно сузят, но не ликвидируют разрыв по всем остальным факторам. Вместе с тем, согласно *NIC*, США сохранят доминирующую позицию в

трех областях: защита прав интеллектуальной собственности, искушенность в бизнесе для стимулирования инноваций и поощрение творческого подхода.

Согласно прогнозам военных, в последующие 25 лет мировая экономика вырастет более чем в два раза, и ВВП, превышающий \$100 млрд. (расчеты произведены по «докризисному» курсу доллара), будут иметь не только экономические гиганты, но и Бангладеш, Нигерия, Пакистан, Филиппины и Вьетнам (рост экономики футурологи часто непосредственно связывают с ростом демографических показателей [25]). Эти страны попытаются добиться лидирующего военно-политического положения в своих регионах и сформировать вокруг себя соответствующие объединения. Так или иначе, США со своими \$21 трлн. ВВП будут лидером экономической сферы, однако по этому показателю к ним вплотную приблизится Китай (\$16 трлн.), который и сейчас считается основным конкурентом Соединенных Штатов. Остальные страны будут существенно уступать этим державам (Япония – \$7 трлн., Индия – \$6 трлн., Германия и Мексика (!) – \$4 трлн. и пр.).

Эксперты Пентагона подчеркивают, что если не будут предприняты необходимые шаги, то уже в ближайшем будущем нужно ожидать энергетического кризиса. По их оценкам нефтедобыча в мире имеет технологический предел – 110 млн. баррелей в день, но уже в 2012г. потребуется 186 млн. баррелей. Безусловно, что именно это обстоятельство вынуждает технологически развитые страны вести активную политику в сфере альтернативных источников энергии.

Однако человечеству угрожают не только энергетические проблемы. Согласно *JOE*, в 2030г. нехватка воды будет угрожать

около 3 млрд. людей, а Ближний Восток, Северную Африку, а при развитии некоторых сценариев – Китай, ожидает настоящий «водный голод». Примечательно, что по прогнозам *JOE* возводимые Турцией водохранилища на реках Тигр и Евфрат создадут серьезные проблемы между этой страной и Ираком и Сирией, что может послужить поводом к военным действиям.

То, что военные эксперты Пентагона концентрируют внимание на проблемах энергетики и водных ресурсов, которые могут стать непосредственными причинами военных конфликтов, безусловно, оправдано. Однако этот вопрос беспокоит не только экспертов Пентагона. Примерно к таким же выводам приходят специалисты Всемирного банка и *МИС*¹, которые связывают проблему воды с нехваткой продовольствия.

Экономические прогнозы

Согласно экономическим прогнозам, «к 2030г. потребность в пище возрастет на 50% в результате прироста мирового населения, повышения финансового благополучия и перехода растущего среднего класса к западному рациону. Проблемы с доступом к постоянным источникам воды достигнут критической отметки, особенно для сельскохозяйственных нужд, и ситуация лишь ухудшится по причине быстрой урбанизации по всему миру и приросту населения ориентировочно на 1,2 миллиарда человек в ближайшие двадцать лет». Эксперты *ВБ* посчитали 21 страну с суммарным населением 600 млн. человек, которые испытывают

¹ Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад НРС США, <http://www.e-reading.org.ua/book.php?book=145433>.

недостаток либо сельскохозяйственных угодий, либо питьевой воды. Вследствие дальнейшего роста населения прогнозируется, что к 2025г. тридцать шесть стран, с населением около 1,4 млрд. человек, попадут в эту категорию.

Однако сегодня у экономистов наибольшие опасения вызывает финансовая сфера. Во время Всемирного экономического форума в Давосе в январе 2011г. его участникам был представлен доклад – прогноз на основе опроса более чем 600 известных политиков и экспертов, которые должны были оценить риски, угрожающие человечеству. Вслед за природными катаклизмами, связанными с изменением климата, но опережая опасности геополитических конфликтов, второе место в списке рисков заняли именно финансовые проблемы [26]. Важность этой сферы особо проявилась во время недавнего глобального системного кризиса, и не случайно, что этот кризис привел к резкому увеличению числа прогнозов в экономической сфере. Обусловленные этим, да и предыдущими кризисами события, помимо всего прочего, наглядно показали, какую важную роль играет способность властей давать правильную оценку прогнозам экспертов.

Известно, что целый ряд американских (и не только) экономистов (лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц¹, Нуриэль Рубин² и др.) весьма корректно экстраполировали существующие финансово-экономические тенденции и достаточно точно определили даже время «лопая пузырей» в банковской сфере. Однако правительство Соединенных Штатов предпочло

¹ <http://poslezavtra.com.ua/mechenye-nobelem-kritik-rynka-dzhozef-stiglic/>.

² <http://www.polit.nnov.ru/2009/06/16/roubini/>.

придерживаться сугубо монетаристских подходов, выразителем которых являлся глава (ныне – бывший) Федеральной резервной системе США Алан Гриспен, и проигнорировало предостережения других специалистов. В любом случае, как отмечают некоторые эксперты, глобальный кризис показал необходимость «перехода от запаздывающей ответной “ручной” реакции к проактивной работе на основе прогностических систем нового поколения»¹.

Несмотря на муссируемые в глобальном информационном поле мнения, что худшее в мировой экономике позади, по мнению целого ряда экспертов и исследовательских центров самых различных ориентаций, нынешняя глобальная система экономической безопасности продолжает оставаться более чем нестабильной и уязвимой. Например, тот же Джозеф Стиглиц уверен, что надежды, связанные с восстановлением экономики США, не оправданны и что нынешний кризис, в первую очередь, означает распад американской капиталистической системы. По его словам, другие страны должны ориентироваться не на США, а сосредоточить внимание на собственных возможностях². С точки зрения Стиглица солидарны многие другие экономисты, в том числе и другой Нобелевский лауреат – американец Джеймс Макджилл Бьюкенен.

В этом контексте можно предположить, что в сложившейся ситуации возможны финансово-геоэкономические развития, которые могут существенно изменить весь комплекс уже закрепив-

¹ *Ворожихин В.*, Глобальное прогнозирование как элемент национальной безопасности. <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/175444/>.

² <http://fintimes.km.ru/59870>.

шихся в последние десятилетия геополитических представлений. Характерно, что не так давно в «пессимистических сценариях» будущего преимущественно рассматривались неконтролируемое распространение ядерного оружия (что уже стало реальностью) и драматические последствия ядерных конфликтов (между Индией и Пакистаном, КНДР и Южной Кореей, Израилем и Ираном). Однако сегодня в информационном пространстве начали превалировать обсуждения возможности и (порой не менее трагичные, чем при ядерной войне) последствия краха глобальной финансово-экономической системы.

Сценарии девальвации доллара

В экспертных кругах повышенный интерес вызвал опубликованный в 2009г. труд Д.Моторина, В.Бианки, Ал.Серавина и С.Сычева, в котором представлены написанные в блестящем стиле сценарии, посвященные возможным механизмам и последствиям девальвации доллара [27]. В основе постулата о девальвации основной мировой валюты авторами выдвинуты, в частности, следующие тезисы:

- это не противоречит никакой закономерности экономического или общественного развития;
- процессы этого типа, как показывают, в частности, многочисленные анализы, посвященные последнему кризису 2009г., вероятнее всего предварительно планируются и осуществляются определенными силовыми центрами.

Некоторые из предложенных в книге сценариев мы представим и обсудим ниже.

Pax Americana-2, Остров Америка и «Чимерия». Как известно, сегодня почти все субъекты глобальной экономики держат свои валютные активы в долларах либо в займах казны США (так называемых *UST*). Естественно, что страны мира заинтересованы в том, чтобы доллар, являющийся оплотом всемирной экономической системы, не обвалился. Используя эти реалии, США посредством определенных информационных и финансовых манипуляций провоцируют лихорадочную скупку долларов и *UST* с тем, чтобы сохранить существующую финансовую систему. Для удовлетворения сформированного ими же спроса США «вынужденно» начинают печатать огромное количество долларов, что девальвирует эту валюту в несколько раз, существенно снижая внешние долги США и, в то же время, разоряя всех участников международного финансового сообщества. Наряду с этим США, руководя всем этим процессом, владея ситуацией и долларовым станком, успевают по низкой цене приобрести важнейшие производственные активы по всему миру. В результате этого комплекса действий США восстанавливают глобальную монополию и, тем самым, заново утверждают однополярный миропорядок: начинается период «второго американского мира» – *Pax Americana-2*.

Однако при другом разветвлении этого же сценария, осуществляя свои намерения, американцы встречают серьезное противодействие Китая и ЕС. В результате, им не удастся полностью реализовать свои замыслы – в частности, покупать большое число активов за рубежом. Как следствие, США отчасти решат только свои внутренние проблемы и превратятся в развитое, но в некоторой степени изолированное государство, без притязаний

сверхдержавы (*сценарий Остров Америка*). Примечательно, что американские экономисты Чарльз Раули и Натаниел Смит называют сценарии с таким исходом «Аргентиной», имея в виду, что по своему статусу США могут приравняться к этой латиноамериканской стране.

Интересен также вариант, согласно которому «долларовый пылесос» включают США и Китай. В этом случае операция «девальвация» увенчивается успехом. Сценарии совместного «управления» миром Пекином и Вашингтоном, так называемой «*Чимерии*» (от словосочетания *Chine* и *America*) активизировались с января 2009г., когда Збигнев Бжезинский, будучи с визитом в Пекине, призвал США и Китай решать глобальные проблемы сообща.

Хорошо известно, что реализация такого сценария является прямой угрозой для ЕС и России. Поэтому не случайно, что при осуществлении *Чимерии* рассматривается, в частности, возможная оккупация Китаем богатых ресурсами сибирских и дальневосточных территорий России.

«Чируссия», или Good bye America. Пожалуй, именно вышеупомянутое обстоятельство вынуждает руководство России искать общие и зачастую антиамериканские общности в отношениях с Китаем. С геополитической точки зрения, обе державы озабочены, в частности, некоторым ослаблением своих позиций в Центральной Азии вследствие военного присутствия США в Афганистане (выражением этого беспокойства можно считать создание ШОС). Исходя из этих реалий, в экспертном обществе сегодня рассматривается возможность сближения этих держав. Неко-

торые комментаторы называют это союзом Медведя и Дракона, мы же по аналогии с Чимерией, назовем этот союз, к примеру, Чируссией.

Д.Моторин и соавторы считают возможным, что КНР и РФ, проведя подготовительные работы и пресекая действия США на финансовом рынке, резко начнут вываливать на рынок свои накопленные доллары и *UST* (долларовые резервы Китая – около \$2 трлн.). В то же время они совместно «включают» долларовый «пылесос» и приобретают сырьевые активы во всем мире. Согласно сценарным разветвлениям, США может ответить на это военной операцией, к которой, однако, союзники соответствующим образом подготовились. В новом миропорядке господствуют державы, обладающие самыми большими людскими и экономическими (КНР) и территориально-материальными (РФ) ресурсами.

Примечательно, что США могут потерять глобальное лидерство не только благодаря действиям *Чируссии*. В ряде других сценариев падение этой империи произойдет, если США не смогут пресечь носящие системный характер процессы экономического спада, и они станут неконтролируемыми (см., например, [28]). Например, вместе с увеличением государственного долга (до \$17 трлн.) начинается гиперинфляция, банкротства и пр. В результате, в стране начинаются массовые волнения и столкновения, из-за хаотической ситуации население в панике покидает страну (вспомним прогнозы Джэральда Селенте). Этот сценарий, в чем-то напоминающий распад СССР, получил название *Good bye, America*.

Однако, при всей своей первостепенной важности, не только финансы и экономика определяют логику политических процессов. В мире происходит своего рода цивилизационный пере-

дел, в котором играют важную роль и множество других факторов, среди которых выделим проблемы глобального управления. Эта сфера имеет несколько направлений. Для управления человеком и обществом наряду с информационно-манипулятивными технологиями предполагается использовать генную инженерию и другие методы физико-химического воздействия (см. труд Ф.Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее» [29]). Некоторые такие проекты уже реализуются: например, в защитном шлеме военнослужащего устанавливают гаджет и, соответствующим образом стимулируя ультразвуком мозг военнослужащего, управляют его действия [30].

Другим важным направлением является контролирование системы международных отношений. В свете политических изменений на «Новом Ближнем Востоке» (от Марокко до Пакистана) вопросы глобального управления приобрели особую значимость и напрямую имеют отношения к Армении. Несколько сценариев, которые могут иметь место в этом контексте, мы представим в следующей главе.

Литература

1. Уилсон Д.А., История будущего. – М.: АСТ, Хранитель, 2007.
2. Кокошин А., Стратегическое управление: Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. – М.: МГИМО, РОССПЭН, 2003.
3. Арутюнян Г., Прогнозирование и формирование будущего. 21-й Век, #3(19) с. 3, 2011.
4. Арутюнян Г., Стратегия развития (в кн. «О некоторых проблемах национальной безопасности»). – Ереван: НОФ «Нораванк», с. 51, 2010.

5. *Хаксли О.*, О дивный, дивный мир (в кн. «Утопия и антиутопия XX века»). – М.: Прогресс, 1990.
6. *Orwell G.*, 1984. – The New American Library, 1964.
7. *Уэллс Г.*, Спящий пробуждается (в кн. «Утопия и антиутопия XX века»). – М.: Прогресс, 1990.
8. *Лэм С.*, Молох. – М.: АСТ, 2006.
9. *Чудинова Е.*, Мечеть Парижской Богоматери. – М.: ЭКСМО, 2005.
10. Прогнозирование будущего: новая парадигма. (под редакцией Г.Г.Фетисова, В.М.Бондаренко). – М.: Экономика, 2008.
11. *Арутюнян Г.*, Цивилизационный и идеологический контекст информационной безопасности (в кн. «О некоторых проблемах информационной безопасности»). – Ереван: НОФ «Нораванк», с. 32, 2009.
12. *Эванс Ф.Ч., Бишоп Д.М.*, Оценка компаний при слияниях и поглощениях: создание стоимости в частных компаниях. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.
13. *Панарин А.*, Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М.: Логос, 1998.
14. *Панарин А.*, Искушение глобализмом. – М.: Русский национальный фонд, 2000.
15. *Панарин А.*, Философия политики. – М.: Новая школа, 1996.
16. Россия XXI века: образ желаемого завтра. – М.: Экон-Информ, 2010.
17. *Фридман Дж.*, Следующие 100 лет. Прогноз событий XXI века. – М.: Коммерсант, ЭКСМО, 2010.
18. *Марджанян А.*, Наше будущее – глазами НИС (в кн. «О некоторых проблемах национальной безопасности»). – Ереван: НОФ «Нораванк», с. 95, 2010.
19. Китайская военная стратегия (сост., пер. и коммент. *В.В.Малявина*). – М.: АСТ Астрель, 2002.
20. *фон Зенгер Х.*, Стратегемы (в 2-х томах). – М.: ЭКСМО, 2004.
21. *Клаузевиц К.*, О войне (в 2-х томах). – М.: Военное изд-во Народного комиссариата обороны СССР, 1941.
22. *Кокошин А.*, Технократия, технократы и неотехнократы. – М.: ЛКИ, 2009.
23. Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 ведущих стран мира. (под научной редакцией проф. А.И.Агеева (Россия), проф. Г.Менца (Германия), проф. Р.Метьюза (Великобритания)). – М.: Международная Академия исследований будущего, 2008.

24. *Балахонцев Н., Кондратьев А.*, Зарубежные методы оценки потенциала стран. *Зарубежное военное обозрение*, #11(764), с. 101, 2010.
25. *Шапиро Р.*, Прогноз на будущее. – М.: АСТ, 2009.
26. *Добротворский П.*, Креативный капитализм спасет мир. *Эксперт*, #3 (737), с. 76, 2011.
27. *Панарин И.*, Крах доллара и распад США. – М.: Горячая линия – Телеком, 2009.
28. *Моторин Д., Бианки В., Серавин А., Сычев С.*, После WC: мир после кризиса. – СПб., 2009.
29. *Фукуяма Ф.*, Наше постчеловеческое будущее. – М.: АСТ, 2008.
30. *Чебанюк В.*, Управление работой мозга военнослужащего. *Зарубежное военное обозрение*, #3, с. 93, 2011.

СЦЕНАРИИ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Как показано в первой части этой книги (см. «Распад «системы»), качественные политические изменения происходят тогда, когда для революционного всплеска накапливается необходимая критическая масса внутренних и внешних причин. Не вызывает сомнений, что нечто очень похожее произошло в арабско-исламском мире¹: недаром американский президент сравнил эти события «с падением берлинской стены». Очевидно также, что начавшийся передел африканского континента и революции в арабских странах – лишь сегмент крупного геополитического проекта, целью которого является изменение тенденций становления многополярного мира и перестройка миропорядка [1-3].

«Мы наш, мы новый мир построим»

Общепринято думать, что «ялтинско-потсдамский» мир завершился своим падением СССР в 1991г. Между тем и после распада соцсистемы борьба с «пережитками» прошлого не утихала. Таким «пережитком», например, была Югославия: в результате бомбежек этой страны в 1999-ом на карте появились несколько небольших, не совсем самостоятельных, зато вполне гармонирующих с новыми реалиями государств.

¹ Арутюнян Г., Гриняев С., Революции оптом: достраивание нового миропорядка и сценарии глобального управления.
http://noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=5617&phrase_id=8920.

В Африке и на Ближнем Востоке также оставались страны, которые были в той или иной степени порождением прежнего миропорядка. В этом регионе во второй половине XX века произошли перевороты, в результате которых старорежимных правителей сменили молодые реформаторы – будущие президенты, вожди революции и даже короли.

Новым лидерам досталась неплохая материальная база (нефть, газ, контроль над важными транспортными коммуникациями), и, вне зависимости от внешнеполитической конъюнктуры, они на восточный лад создали устойчивые режимы. Однако эти режимы – благодаря обладанию большими ресурсами, а также в силу своей специфичности – не всегда в полной мере подчинялись правилам «большой игры», которую вели (в свое время) «советы» по идеологически-геополитическим, а англосаксы (постоянно) и китайцы (относительно недавно) в основном по геоэкономическим мотивациям. Сегодня совмещение этих двух факторов – владение ресурсами и относительная неуправляемость – сделали эти режимы практически обреченными.

К выполнению соответствующей работы приступили еще в 1991г., однако заключительная фаза военной операции в Ираке – «Сабля пустыни» – по разным причинам осталась незавершенной: дело довели до логического конца в 2003г.

Таким образом, регион (ранее названный Большим, а сегодня – Новым Ближним Востоком), особенно с учетом афганского фактора, был основательно расшатан. Очередной этап ликвидации «старых порядков» созрел уже в наши дни. Вопрос был актуализирован главным образом тем, что в смутную пору форми-

рования мультиполярного мира особую активность на африканском континенте стал проявлять «алеющий на востоке» Китай.

Вместе с тем реализация политических мегапроектов далеко не всегда дает те результаты, на которые первоначально рассчитывали их авторы. Это относится и к развитиям в арабско-исламском мире. В частности, стратегическая перспектива происходящих там процессов весьма смутна, также не до конца понятно, как они повлияют на обстановку в других регионах. В контексте видения этих проблем рассмотрим концепцию глобального управления, выдвинутую Национальным советом по разведке США (*NIC*) и Институтом изучения безопасности ЕС (*EUISS*).

Глобальное управление 2025

В конце 2010г. был опубликован подготовленный еще в начале того же года доклад «Глобальное управление в 2025 году: критическая ситуация»¹. В этом проекте, помимо основных организаторов – *NIC* и *EUISS*, принимали участие ведущие эксперты из России, Китая, Индии и других стран. В качестве исходного был принят тезис о том, что система глобального управления (т.е. комплекс государственных, международных и негосударственных институтов, ТНК и даже сетевых структур), созданная после Второй мировой войны, в свое время была достаточно эффективной, но уже не справляется с задачами XXI века. Согласно экспертам, это обусловлено «быстрыми темпами глобализации», что увеличило риски, связанные с этническими конфликтами и тер-

¹Несколько вольный перевод: см. Global Governance 2025: At a Critical Juncture. National Intelligence Council, European Union Institute for Security Studies, September 2010. http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Global_Governance_2025.pdf.

роризмом, инфекционными болезнями. Появились и новые виды угроз: изменение климата, нехватка энергии, продовольствия и водных ресурсов, миграционные потоки и даже новые технологии (особенно в области биотехнологий, т.к. развитие этой сферы содержит множество рисков, в частности, этического характера). Авторы документа предложили четыре сценария, по которым могут развиваться события в следующие 15 лет:

1. «Удержаться на плаву».
2. «Фрагментация».
3. «Возвращение “Европейского концерта”».
4. «Реальность игры: конфликт превзошел сотрудничество».

Сценарий «Удержаться на плаву» можно назвать умеренно оптимистическим. Эксперты полагают, что, несмотря на возрастающие риски и сравнительно медленное усовершенствование международной системы управления, эта система в ближайшие годы еще в состоянии справляться с ситуацией. Более того, по их мнению, такой сценарий является наиболее вероятным. Вместе с тем участники проекта склоняются к тому, что в более отдаленной перспективе институты управления в нынешнем виде окажутся нежизнеспособными и уже не будут в состоянии «удержаться на плаву».

Второй сценарий, «Фрагментация», является в меру пессимистическим. Согласно этому варианту, в мире происходит фрагментация регионов: Азия строит свой порядок, Европа как бы замыкается в себе и стремится разрешить проблемы, связанные с

падением жизненного уровня населения. Соединенные Штаты, с учетом роста рабочей силы, могут оказаться в относительно лучшей позиции, если, конечно, преодолеют известные проблемы бюджетного дефицита и долгов. В этих условиях, благодаря новым коммуникационным технологиям, процесс глобализации продолжается, но гораздо более умеренными темпами.

Третий сценарий – «Возвращение “Европейского концерта”» – наиболее оптимистичен¹. По этому сценарию, несмотря на экологические риски и конфликтные ситуации, международное сотрудничество в плане решения глобальных проблем в целом развивается очень неплохо. Этому способствует то, что США с другими странами, а также Китай и Индия прилагают совместные усилия. В свою очередь, ЕС начинает выполнять более глобальную роль, нежели ранее. Заметим также, что в аналитическом сообществе существует мнение, что повышение глобального статуса Европы возможно лишь при формировании близкого по цивилизационному духу и экономическим интересам политического пространства в Евразии – другими словами, реализации проекта «Большая Европа от Бреста до Владивостока» [5-7]. К этому проекту, на наш взгляд, очень конструктивному в контексте отношений Германия-Россия, мы еще вернемся в разделе «Панъ-европейская симфония».

¹ Авторы доклада проводят аналогию с положением дел после Венского конгресса (1814г.), когда принципы европейского урегулирования действовали на протяжении примерно полувека. Этот процесс с точки зрения современных реалий подробно проанализирован Г.Киссинджером [4].

Четвертый сценарий – «Реальность игры: конфликт превзошел сотрудничество», наиболее пессимистичен. Отношения между Китаем и США обостряются, растет экономическая конкуренция между членами БРИКС. Рушатся надежды на лучшую жизнь у среднего класса в Европе, что приводит к обострению в социальной сфере. На Ближнем Востоке идет гонка ядерных вооружений. Царит атмосфера подозрительности и напряженности, что делает невозможными, особенно в Азии, дальнейшие реформы глобальных институтов управления.

Попытаемся сопоставить представленные сценарии с теми тенденциями, которые наблюдаются в регионе Нового Ближнего Востока и целом в мире.

*После «Фрагментации»
«конфликт превзойдет сотрудничество»*

В первом приближении может показаться, что по своей изначальной логике события в регионе подчиняются сценарию «Удержаться на плаву». Ведь с большой долей вероятности можно предположить, что в результате падения и трансформации авторитарных режимов произойдет определенная стандартизация и *деиндивидуализация* арабских стран (она уже в значительной мере происходит). Существующие тенденции говорят о том, что в регионе – рано или поздно, но практически неизбежно – будет введена общая (в разных редакциях) для всех демократическая атрибутика. В итоге, арабский мир, при всех своих внутренних противоречиях и проблемах, станет более *гомогенным*, нежели до революционного движения. Но наряду с этим в регион вер-

нется очень важный цивилизационный и религиозный элемент – ислам, т.е. произойдет определенная *десекуляризация*.

Следует также согласиться с мнением тех аналитиков, которые считают, что на первых порах исламистские течения типа «Братьев-мусульман» (кстати, не занесенных в американский реестр террористических организаций) займут достаточно умеренную позицию¹. При этом есть все основания предполагать, что процесс возвращения политического ислама в регион будет похож на то, что произошло в Турции, где на смену фундаменталистам во главе с Эрбоканом пришли умеренные исламисты партии «Справедливость и развитие» Эрдогана.

Политтехнология «умеренного исламизма» базируется на проекте *RAND* «Формирование умеренных исламских сетей» (*Building Moderate Muslim Networks*)². Как бы продолжая идею корпорации *RAND*, в докладе *NIC* «Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир» прогнозируется, что роль «Аль-Каиды» с течением времени будет значительно снижена³. Модель умеренного ислама более предсказуема и управляема, поэтому и более приемлема для внешнего мира. Кстати, арабский мир такого образца, возможно, станет ближе той же самой Турции – государству, которое стремится получить дивиденды от происходящих там процессов.

¹ Шустов Я., Тайная цель «арабской весны» - глобальное неразвитие: Сергей Курги-
нян вскрывает подоплеку революционных событий 2011 года

<http://www.terra-america.ru/ViewAutir.aspx?id=25>

² http://www.rand.org/pubs/monographs/2007/RAND_MG574.pdf.

³ Согласно этому докладу терроризм по-прежнему останется мировой угрозой и в 2025г. Но «Аль-Каида» в ближайшем будущем, скорее всего, прекратит свое существование. Слабые места «Аль-Каиды», считают эксперты *NIC*, «это нереализуемые стратегические цели, неспособность найти массовую поддержку и саморазрушительные действия».

Между тем есть признаки того, что соответствие сценарию «*Удержаться на плаву*» в регионе может продолжаться не очень долго. Например, если продолжить аналогии с той же Турцией, «умеренный ислам» в своей эволюции уже дрейфует в сторону радикализма, что создает проблемы не только с Израилем, но и с Европой. Последняя же, отказавшись от «мультикультуральности» сегодня решительно отгораживается (применяя даже жанр дипломатических скандалов) от «умеренно исламизированной» Турции. Есть основания предположить, что схожая логика отношений установится между ЕС и «обновленными» арабскими странами, если там будет доминировать т.н. политический ислам. Эта проблема уже актуализировалась для ЕС в связи с беженцами с африканского континента, и не похоже, что процесс этот пойдет на убыль: арабские общества еще долго не восстановятся после «революционных преобразований», которые всегда сопровождаются развалом экономики.

Таким образом «десекуляризация» арабских стран будет сопровождаться цивилизационным размежеванием с Европой, т.е. ускорит формирование мироустройства, описанного в сценарии «*Фрагментация*». Отметим, что это вполне соответствует тенденциям регионализации мира¹. Но «изолированный» «Новый Ближний Восток» (от Марокко до Пакистана) – это еще не вся Азия, о которой шла речь в докладе *NIC* и *EUISS*. По некоторым версиям, этот огромный исламский «фрагмент» может превратиться в своего рода «буферную зону» между Китаем и остальным миром.

¹ Гальтунг Й., Десять тенденций, меняющих мир.
<http://www.rondon.org/polit-110808161907>.

Такие «буферные» зоны чаще всего становятся ареной острого противостояния. Поэтому весьма вероятно, что «Фрагментация» в скором времени может трансформироваться и подчиниться логике наиболее пессимистичного сценария – *«Реальность игры: конфликт превзошел сотрудничество»*.

Характер развития в арабско-исламском мире и стратегия основных геополитических акторов очень напоминают Холодную войну. Но сегодня линии идеологического и даже территориального раздела между фигурантами весьма условны. Отсутствуют и ограничения (табу), которые негласно принимались в биполярной системе, т.е. развития будут происходить в жанре «борьбы без правил». Новая холодная война отражает также острую конкуренцию между ведущими странами за материальные ресурсы, а их становится все меньше и меньше. Это заставляет политиков и аналитиков предполагать, что в определенных условиях «холодная война» может трансформироваться в классическую «горячую» – за тривиальное выживание. Подобного рода глобальные процессы не могут не коснуться нашего региона и Армении.

Геополитические сдвиги и Армения

В новейшей истории возврат Армении в духовно близкое цивилизационное пространство был обусловлен действиями России в нашем регионе: достаточно сказать, что с XVIII века Россия 12 раз вела войны против Турции. Провалы же российской политики приводили к тяжелым последствиям: неудачный ход Первой мировой войны и революция обернулись для армян Геноцидом и потерей Западной Армении.

После Второй мировой вероятность военного столкновения СССР-Турция была исключительно высока. Исход возможных боевых действий не вызывал сомнений, и если бы такой сценарий был бы реализован, то это могло бы в значительной степени решить Армянский вопрос. Однако противодействие со стороны бывших союзников Советского Союза – США и Великобритании – не позволило реализовать этот проект.

Между тем Турция была и остается основной угрозой безопасности Армении [8]. Весной 1992г., когда ситуация на Карабахском фронте изменилась не в пользу азербайджанцев (был освобожден Шуши и открыт Лачинский коридор), Турция решила вмешаться в нежелательные развития и совершить военную агрессию. Анкара заявила, что РА готовит военную операцию против Нахичевана, в то время как, согласно Карсскому договору 1921г., Турция является гарантом безопасности этой области. На армяно-турецкой границе (особенно на участке с Нахичеваном) были сосредоточены подразделения турецкой Третьей полевой армии, бронетехника и авиация. В ответ в ВС Армении было объявлено военное положение. Столкновение было бы неизбежным, если бы главнокомандующий ВС стран СНГ, маршал авиации Е.Шапошников 20 мая в аэропорту «Звартноц» не заявил, что «если к нему (армяно-азербайджанскому конфликту) добавится еще одна сторона, то мы окажемся на пороге Третьей мировой войны».

Ситуация повторилась в 1993г., когда Анкара, надеясь, что внутривнутриполитический кризис («парламентская смута») не позволит России «заняться» армяно-турецкими проблемами, выступила с обвинением, что на территории РА находятся базы курдских

боевиков¹, и опять сосредоточила войска на границе. События тех лет подробно представлены в мемуарах посла Греции в Армении Леонидаса Хризантопулоса [9]. Однако жесткое вмешательство РФ и на этот раз предотвратило войну.

Как показали армяно-турецкие переговоры, отношение Турции к Армении осталось прежним. В качестве «старшего брата» Анкара делает все для поддержки реваншизма и милитаризма в Азербайджане. Но политика Анкары складывается не только из проблемы с НКР, а прежде всего из цивилизационного антагонизма и вызовов, исходящих от процесса международного признания Геноцида и фактора Западной Армении.

Агрессивная политика Турции направлена также против России. В ходе военных действий в Южной Осетии в 2008г. Турция предложила создать «новую политическую платформу» в регионе. Сегодня отражением этой инициативы является проект альянса Турция–Азербайджан–Грузия, а также размещение военной базы в Нахичеване – как бы в противовес российской базе в Армении. Но интересы РФ–Турция сталкиваются не только на Южном Кавказе.

Известно, что тандем Турция–Азербайджан оказывает идейную и материальную поддержку действующим на Северном Кавказе (т.е. в России) террористическим группировкам. По нескольким фантастическим прогнозам американских экспертов, в будущем граница между Россией и Турцией может пролегать по Северному Кавказу [10]. Однако такого рода прогнозы всегда со-

¹ Знаменательно, что в турецких СМИ до сих пор периодически появляются спекуляции относительно проблемы «курдских боевиков» в РА и НКР.

держат долю истины: в данном случае они указывают на геополитические устремления Анкары, у которой явная ностальгия по временам Османской империи.

Сегодня Турция проводит самостоятельную политику и в отношении Соединенных Штатов. Как отмечают эксперты *RAND*, отношения между ними уже далеко не такие радужные, как прежде¹. В этом контексте следует рассматривать усугубление противоречий между Турцией и Израилем, особенно после отправки турками так называемой «флотилии свободы» в сектор Газы. Серьезно испортились и турецко-иранские отношения, что связано с заявлением Анкары о намерениях вмешиваться в дела Сирии во время беспорядков в этой стране.

Все эти процессы происходят на фоне роста радикальных настроений в турецком обществе² (неосманизм, неопантюркизм и панисламизм). По некоторым признакам Турция намерена овладеть и ядерным оружием: на это прямо указывают планы по строительству АЭС и косвенно – резкий рост количества научных исследований в определенных сферах. Все перечисленные факторы указывают на то, что в многополярной системе Турция стремится реанимировать свой статус агрессивной империи [8, 11]. Конкретно в нашем регионе эта тенденция проявляется в попытках создания полюса силы с Азербайджаном, который направлен – вполне в духе «столкновения цивилизаций» – против России и Армении.

¹ *Larrabee F.S.*, Troubled partnership: U.S.–Turkish relations in an era of global geopolitical change. RAND, Project Air Force, MG-8893-AF. 2010.

http://www.voltairenet.org/IMG/pdf/U-S--Turkish_Relations.pdf.

² http://noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=5011.

С учетом представленной ситуации вернемся к проблеме «глобального управления» и возможностям реализации различных сценариев, в частности – «Возвращения “Европейского концерта”».

«Панъевропейская симфония»

При обсуждении сценариев «глобального управления» мы сделали основной акцент на возможность «Фрагментации», которая вполне могла трансформироваться в другой сценарий – *«Реальность игры: конфликт превзошел сотрудничество»*. Вместе с тем последние развития в Европе показывают, что, несмотря на в целом неблагоприятную ситуацию, не все страны «Старого света» «замыкаются в себе и стремятся разрешить проблемы, связанные с падением жизненного уровня населения», как это пишут эксперты *NIC* и *EUISS*. Например, Германия оказалась вполне готовой к глобальным переменам. Эта страна, благодаря разумным действиям в финансовой сфере, легко справилась с невзгодами кризиса. Полностью оправдалось и традиционно серьезное отношение к реальному сектору экономики: за последние 10 лет конкурентоспособность германских товаров и услуг по сравнению с другими странами ЕС увеличилась на 25%. В результате Германия имеет не только мощнейшую экономику в Европе, но и является страной, которая диктует правила деятельности ЕС. Характерно, что мировые СМИ часто называют канцлера Ангелу Меркель «фрау Европа».

Возросли и военно-политические амбиции этой страны: сегодня представители немецкой элиты озвучивают идеи о реформировании НАТО, подразумевая под этим усиление европей-

ского сегмента этой организации. Можно услышать также заявления о необходимости обладания ядерным оружием и выводе американских баз из страны. Это говорит о том, что в недалеком будущем «германизированная» Европа¹ или, по некоторым сценариям, действующая с некоторыми своими союзниками вне формата ЕС Германия будет стремиться занять достойное место в глобальной геополитике (см., например, [5-7]). В таком контексте эта страна может рассматривать наш регион в качестве площадки для реализации некоторых своих геополитических амбиций. Представляется, что эти претензии не будут противоречить нашим национальным интересам. Об этом свидетельствуют, в частности, следующие обстоятельства:

- у Германии, имеющей прочные «газовые отношения» с Россией и являющейся лидером в сфере альтернативной энергетики, нет ярко выраженных нефтяных интересов в регионе, которые определяют политику других западных держав и обуславливают их отношение к Азербайджану;
- у официального Берлина есть серьезные проблемы с Турцией. Важен тот факт, что в Германии проживают около 3 млн. турок, 1,7 млн. из которых – граждане Турции. Значительная часть мигрантов принципиально, или же следуя прямым указаниям Анкары, не стремится интегрироваться в немецкое общество, что провоцирует в немецком обществе проблемы цивилизационного и социального характера. Не случайно, что канцлер Меркель первая в Ев-

¹ Фридман Дж., Германия после ЕС и российский сценарий. (STRATFOR, США). <http://www.inosmi.ru/europe/20100526/160170476.html>.

ропе озвучила слова о несостоятельности политики «мультикультуральности». Все эти внутренние факторы нашли свое выражение во внешней политике Берлина.

Германия стремится также вести эффективную «восточную политику». В этом плане характерен предложенный военными кругами проект «противодействия восточным угрозам». Предполагается, в частности, включить Россию в Североатлантический альянс и концептуально перестроить эту структуру. Очевидно, что подобный сценарий «Большой Европы» предполагает готовность России, учитывая небезосновательный комплекс последней в отношении НАТО и его «расширения». Однако сегодня и в российской политике заметны тенденции, которые могут придать реалистичность проекту «Большой Европы», и это обусловлено не только традиционными представлениями о геополитической оси Москва-Берлин¹.

На сегодня Германия – основной экономический партнер РФ, они реализуют крупные энергетические проекты. В политической сфере также есть определенные договоренности (в частности, по вопросу членства Грузии в НАТО). Вынесенные европейцами высокие оценки президентским выборам в Украине косвенно указывают на то, что эта страна из яблока раздора между РФ и ЕС может превратиться в площадку сотрудничества. Примеров такого рода множество, и можно констатировать, что идея формирования «Большой Европы», будучи адекватной и ло-

¹ Тер-Арутюнян Г., Россия-Германия. Возможные сценарии в контексте региональной безопасности. <http://www.noravank.am/ru/?page=analitics&nid=24579>.

гике цивилизационной общности, и реалиям многополярного мира, становится приемлемой для сторон¹. Проект привлекателен и с точки зрения сохранения цивилизационной идентичности: он является как бы альтернативой футуристических сценариев, известных как «Евразия» или же «Евростан». Возможно, в далекой перспективе «Большая Европа» может эволюционировать и превратиться в своеобразную «Евруссию».

В создавшихся условиях США и Великобритании, в отличие от демонстрируемой ранее резко отрицательной позиции в вопросе отношений Германия-Россия, также не должны быть принципиально против проекта «Большой Европы»: подобный альянс, согласно некоторым геополитическим сценариям, может стать естественной преградой на пути возможной экспансии со стороны других «фрагментов» глобального мира.

Например, американские военные эксперты не без основания прогнозируют, что к 2030г. Россия и Европа в отдельности, в основном из-за демографических проблем, перестанут играть существенную роль в глобальной политике, а основными игроками будут Китай, Индия и США². В некоторых сценариях прогнозируется также ослабление Америки и ее выбывание из этой тройки. Между тем при реализации «Большой Европы» совместные ресурсы России и ЕС, скорее всего, будут достаточны, чтобы на

¹ Отношения России и ЕС: современная ситуация и перспективы, ситуационный анализ под руководством *С.А.Караганова*.

http://www.brussels-bc.com/upload/news/ru/50_5.pdf;

Караганов С., Союз Европы: последний шанс?

<http://www.irfor.ru/print.php?aID=1100717701>.

² *Барнетт Т.*, Новый мировой порядок сейчас, позднее и в будущем.

<http://www.csef.ru/print/1738/>.

равных правах войти в четверку лидеров. При таком раскладе союзнические отношения между США и «Большой Европой» представляются естественными и даже безальтернативными, если рассмотреть такой сценарий хотя бы в терминах сохранения цивилизационной идентичности.

По своей логике проект «Большая Европа» вполне соответствует букве и духу сценария «Возвращение “Европейского концерта”». Вместе с тем в этом случае мы будем иметь дело скорее с симфонией и поэтому правильнее назвать этот сценарий «Панъевропейской симфонией».

При реализации такого сценария Армения, вероятнее всего, будет «играть свою партию» в «Панъевропейской симфонии», а некоторые наши соседи – в условном «Восточном блоке». При этом Армения приобретет статус «пограничного» или «форпостного» государства (аналогично Израилю на Ближнем Востоке), со всеми вытекающими отсюда большими рисками и возможностями. В случае определенных положительных для нас развитий эти «возможности» могут включать распад Турции и, как минимум, частичное возвращение Западной Армении.

Безусловно, вышеупомянутый сценарий носит пока теоретический характер. Однако вспомним, что еще в 1980г. крайне трудно было представить, что через десять лет не будет Советского Союза, начнется война, а в итоге будут созданы две армянские республики. Вместе с тем известно, что реализация «положительного сценария» (или, другими словами, «формирование желательного будущего») возможна лишь при приложении больших усилий в этом направлении. В частности, подобные проекты

можно осуществить лишь при наличии соответствующих концептуальных разработок. О том, что должно делать в этом направлении конкретно аналитическое сообщество, поговорим в следующей главе.

Литература

1. *Арутюнян Г., Гриняев С.*, Конструирование нового миропорядка и сценарии глобального управления. Глобус: национальная безопасность, #2(18), с. 3, 2011 (на арм. языке).
2. *Гриняев С., Арутюнян Г.*, События на африканском континенте в зеркале Большой игры. 21-й Век, # 2 (18), с. 94, 2011.
3. *Grinaev S., Harutyunyan G.*, Reflecting the Events of the African Continent in the Mirror of the Great Game. 21-st Century, #1(9), p. 35, 2011.
4. *Киссинджер Г.*, Дипломатия. – М.: Ладомир, 1994.
5. *Бордачев Т.*, Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности «большой сделки». – М.: Европа, 2009.
6. Российско-германские отношения в контексте европейской безопасности (под ред. проф. В.И.Дашичева). – М.: ИЭ РАН, 2009.
7. *Арутюнян Г.*, Стратегия развития и геополитические сценарии. 21-й Век, #3(15) с. 3, 2010.
8. *Арутюнян Г.*, Современный этап армяно-российских отношений. 21-й Век, #2(18), с. 3, 2011.
9. *Chrysanthopoulos L.T.*, Caucasus Chronicles. Nation-Building and Diplomacy in Armenia. 1993-1994. – Princeton and London: Gomidas Institute Books, 2002.
10. *Фридман Дж.*, Следующие 100 лет. – М.: Коммерсантъ, 2010.
11. *Симаворян А.*, Идеологические течения в контексте внешней политики Турции. Глобус: национальная безопасность, #4(14), с. 19, 2010 (на арм. языке).

ФОРМИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

Опубликованные и широко растиражированные за последние годы прогнозы авторитетных организаций (*NIC*, *JOE*, ВВ и т.п.) существенно влияют на принятие решений на высоком уровне. Естественно, что крупные геополитические акторы при этом прилагают необходимые усилия для реализации позитивных для себя сценариев и предотвращения негативных. Иными словами, без корректных прогнозов и стратегического планирования невозможно проводить то, что с легкой руки экспертов *RAND* стало называться *ноополитикой*.

«Авторитетные прогнозы» (их называют также «прогноз-инструкциями») можно также интерпретировать как информационно-психологические операции, нацеленные на формирование определенных мировоззрений не только в правящей элите, но и в обществе. Тем самым эти прогнозы становятся как бы элементом сознания мирового и национальных сообществ, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это обстоятельство в свою очередь влияет на происходящие процессы. Таким образом, совместными усилиями элиты и общества как бы фиксируется «будущее» в соответствии со сделанными прогнозами.

Все эти реалии крайне актуальны для расположенной в нестабильном регионе и на стыке цивилизаций Армении. Но наше сообщество пока не обладает той аналитической инфраструкту-

рой, которая была бы способна обслуживать ведение необходимой ноополитики. Очевидно, что создание подобной инфраструктуры возможно лишь при предельной мобилизации интеллектуальных ресурсов армянского сообщества. Также очевидно, что такой проект приобретает смысл лишь при непосредственном и активном участии национальной политической элиты в деле его реализации. При этом следует преодолеть сопротивление той части элиты, которая с типичным для «постдемократического» чиновника безразличием относится к некоммерческим предприятиям. По этому поводу нелишне привести высказывание эксперта фонда «Нораванк» Ара Марджаняна, что «если не будешь планировать собственное будущее, то наверняка очутишься в чужом будущем».

Так как последнего совсем не хочется, то попытаемся представить те принципы работы и необходимые структуры, которые, возможно, помогут избежать худших сценариев.

Сферы прогнозирования

По вполне объяснимым причинам, основные ресурсы армянского аналитического сообщества главным образом заняты конкретными региональными процессами. Однако без учета главных геополитических трендов ведение региональной политики даже на ситуационном уровне крайне затруднительно. Все это диктует, как мы отметили выше, создание структуры, которая отслеживала бы глобальные тенденции и разрабатывала бы на их основе прогнозы и сценарии относительно возможных развитий в регионе (с учетом уже накопленных знаний в этой области). В

частности, особую важность представляют исследования в следующих направлениях:

- в контексте проблемы НКР и сценариев глобального управления (см. предыдущую главу) крайне актуально выявить тенденции экономического и военного развития тандема Турции с Азербайджаном, а также сценарировать возможные в этих странах кризисы, обусловленными этническими и религиозными факторами;
- планирование будущего Джавахка в свете политических перспектив Грузии и сложных взаимоотношений этой страны с Россией;
- прогнозирование возможных развитий в Иране в контексте противостояния этой страны с Израилем и США¹.

Вторым направлением является диагностика демографического, общественно- социального и психологического состояния различных сегментов армянского сообщества, выявление основных тенденций в этой сфере, обусловленных как глобальными трансформациями, так и внутренними процессами.

Очевидно, что выявление этих трендов подразумевает ведение соответствующих работ как в Армении, так в Диаспоре. В последнем случае исследования могут быть эффективны лишь в том случае, если в них вовлечены представители диаспоральных общин. Это в свою очередь актуализирует вопрос создания региональных *МЦ* и «инвентаризацию» интеллектуальных ресур-

¹ Эта проблема имеет непосредственное отношение к Армении (см. главу «Национальная сетевая организация и сценарии» во второй части этой книги).

сов Диаспоры¹. Представляется, что без проведения этих шагов разработка сетевой системы национального управления особых перспектив не имеет.

Следующей сферой является экономика. В народном хозяйстве республики преобладают неолиберальные принципы по рецептам международных организаций. Между тем сегодня четко прослеживается отход от абсолютизации принципов такой экономики: например, во время встречи «двадцатки» в Сеуле (10 ноября 2010г.) был заключен так называемый «Сеульский консенсус», предполагающий, в частности, отход от ультралиберальных концепций.

Не оправдала себя и ставка на международных экспертов при решении национальных экономических задач. Несмотря на подразумеваемый (часто – неоправданно) высокий профессионализм зарубежных экспертов, они не несут ответственности за свои решения перед национальными государствами. К тому же эти эксперты часто руководствуются корпоративными, а также личными интересами.

Так или иначе не вызывает сомнений, что экономическая ситуация в Армении² не соответствует трудовому и предпринимательскому потенциалу общества. Можно также констатировать, что в силу ряда объективных и субъективных причин, а также «традиций», заложенных на первом этапе становления республики («криминальная революция» после распада «системы»),

¹ См. главы «Производители национальных интересов» и «Диаспора и парадигма развития».

² Согласно рейтингу ЦРУ, по ВВП на душу населения в 2010г. Армения находится на 139-ом месте в мире (\$5800). <http://www.newsland.ru/news/detail/id/616486/>.

в Армении отсутствует современная экономическая школа, которая позволила бы решать накопившиеся проблемы.

Проведение работ в этом направлении подразумевает составление экспертных оценок текущей экономической ситуации, анализ возможных региональных и глобальных сценариев и их влияния на Армению. Одним из главных результатов таких исследований могло бы стать содействие созданию экономической доктрины Армении. Звучит тривиально, но необходимо еще раз зафиксировать, что без сильной экономики невозможно реализовать ни «стратегию развития», ни другие более или менее масштабные национальные проекты.

Для организации исследований по представленным направлениям, необходимо, как уже отмечалось, создать специальную структуру. Ее можно условно назвать Сетевым институтом армянских исследований (*СИАС*). На первом этапе этот институт с использованием сетевых организационных методов должен сформировать национальное экспертное сообщество.

Структура и принципы работы СИАС

Работы в *СИАС* предполагается проводить следующими методами:

1. Анализировать проведенные другими ведущими научными центрами прогнозы и сценарии, относительно глобальных и региональных развитий в сферах политики, обществоведения и экономики. Эти функции должна выполнять специально подобранная группа аналитиков из Армении – сотрудники *Центра анализа мировых трендов* (группа А, см. *Рис. 4*).

2. Заказывать прогностические работы ограниченному (но не менее двух в каждой области) кругу экспертов, отобранных по определенным заранее критериям. Такой метод, применяемый в целях экономии ресурсов, условно можно называть «фокус Дельфи», так как он, в отличие от «полноценного Дельфи», не требует участия большого количества экспертов. Эту работу выполняют ведущие эксперты из Диаспоры и Армении, в организационных рамках центров *политического прогнозирования (В)*, *общественных исследований (С)* и *экономического прогнозирования (D)* института.
3. Сотрудники группы *А* должны проводить логический, сравнительный и контент-анализ результатов, полученных группами *В, С* и *D*.
4. Группы *А* и *В, С, D* после завершения исследовательского этапа работ должны совместно обсудить полученные результаты с использованием междисциплинарных подходов и методов «мозгового штурма». На основе обсуждений составляются итоговые документы и совместно разрабатывается концепция для проведения следующего этапа исследований.
5. Итоговые документы и составленные на их основе рекомендации и планы последующих исследований представляются государственным и национальным структурам, ответственным за принятия решений на уровне Армении и армянского сообщества.
6. Часть материалов публикуется в виде ежегодников и широко распространяется в информационном пространстве (исходя из концепции «формирование будущего посредством информации о прогнозах будущего»).

Предполагаются следующие организационные принципы создания, управления и функционирования *СИАС*:

1. Принятие политического решения по основанию *СИАС*.
2. Формирование Совета учредителей (*СУ*), состоящего из представителей высшего звена государственно-политических структур и представителей национального капитала Армении и Диаспоры.
3. Формирование политического экспертного совета (*ПЭС*), состоящего из представителей государственных, политических и исследовательских структур Армении. В состав *ПЭС* входит исполнительный директор, которого утверждает *СУ*.

Функциями *ПЭС* являются:

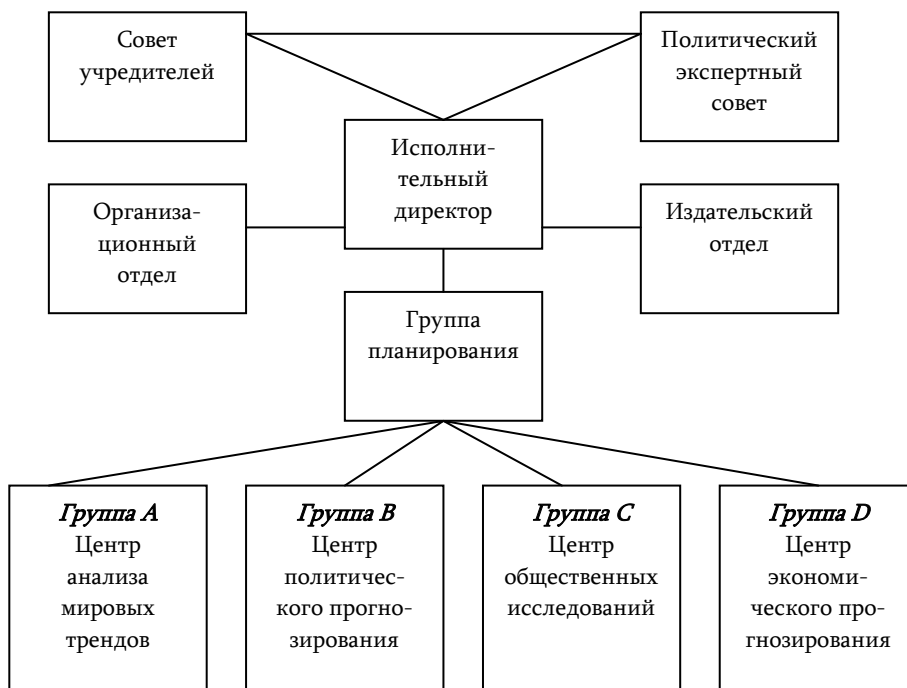
- разработка (совместно с группой планирования) детальной структуры *СИАС* и формирование штата сотрудников (см. Рис. 4),
- составление совместно с центром *A* и группой планирования перечня приоритетных общенациональных проблем, конкретизация тематики исследований и утверждение плана первого этапа работ,
- утверждение предложенного организационным отделом состава отечественных и зарубежных экспертов, привлеченных к выполнению проекта,
- осуществление совместно с центром *A* и группой планирования мониторинга и контроля работ, проводимых центрами *B*, *C* и *D* (посредством анализа промежуточных отчетов и обсуждений на видеоконференциях),

- по завершении работ, совместно с *организационным отделом*, созыв ежегодной конференции *СИАС* для обсуждения полученных результатов и представление их государственным, политическим и национальным структурам.

ПЭС также принимает решения об издании трудов *СИАС* с помощью *издательского отдела*.

Рис. 4

Структура Сетевого института армянских исследований (СИАС)

Гагик Арутюнян

**РАСПАД «СИСТЕМЫ» И
ФОРМИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО**

Научный редактор

Сергей ГРИНЯЕВ

Технические редакторы

Лилит МЕЛИКСЕТАН

Лусине БАГРАМЯН

Научно-образовательный фонд «НОРАВАНК»

РА, 0026 Ереван, ул. Гарегина Нжде 23/1

Сайт: www.noravank.am

Эл.почта: office@noravank.am

Тел./факс: + (374 10) 44 04 73

Бумага офсетная. Формат 60X84 1/16.

Тираж 300 экз. Шрифт: Sylfaen

Типография ООО «ГАСПРИНТ»